

ХРАМ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ НА ПЕСКАХ ПРИХОДСКОЙ ВЕСТНИК

Выпуск № 6 (57). Июнь 2016 года

По благословению настоятеля храма
протоиерея Александра ТУРИКОВА

1000-ЛЕТНИЕ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ НА АФОНЕ

Сожжение
монастыря
св. Пантеле
имона
на Афоне
1569 г.

Святой
Совещ
память о
посты
1187 г.

Передача
монастыря
св. Пантеле
имона
на Афоне
1169 г.

Передача
безземель
собранию
обители
Ксинарз
до 1142 г.

Первые Русские Святые
на Афоне: Св. Игнатий
Печерский 1012 год

Передача обители Ксинарз
Русским общине в 989 году

Восстановление монастыря
св. Пантелеимона
1349/1369 годы

Прощение монастыря
Афонскими Патриархами
в кресте у царя Иоанна III
1497 год

Св. Все
Афонский
Патриарх
просит
помощи
на
Афонском
острове
1653 г.

Взятие
свободной
грамоты
Патриарх
на Афон
1591 год

Патриарх
Еврей II
выяснил
дело
на Афонском
острове
1589 год

Основание
святой обители
св. Варлаама
на Афоне
1589 г.

ОБРАЗЪ СТЬХЪ РУССКИХ АФОНИТОВ

*Пятидесятница.
Фреска монастыря Дионисиат, Афон.
Середина XVI века*

Храм Преображения Господня
на Песках Московской Епархии
Русской Православной Церкви
119002, Москва,
Спасопесковский переулок, дом 4а
Тел.: (499) 241-62-03
Факс: (499) 241-08-09
E-mail: hram_na_peskah@rambler.ru

ИНН/КПП 7704114945/770401001
ОГРН 037739771080, ОКВЭД 91.31
ОКТМО 45374000, ОКПО 41972873
Р/с 40703810700060000206
к/сч.30101810300000000600
БИК 044525600
в ОАО МИнБ г. Москва

Председатель Приходского
Совета,
настоятель храма
Преображения Господня на Песках
протоиерей Александр Туриков

ПРИХОДСКОЙ ВЕСТНИК

Журнал издается с 2011 года
по благословению настоятеля храма
протоиерея Александра Турикова
Выпуск №6 (57)
Июнь 2016 года

Главный редактор
Георгий Шилин

Редакционная коллегия
Протоиерей Александр Туриков
Иерей Георгий Михайлов
Диакон Геннадий Бочаров
Елена Саенкова
Роман Кравченко
Андрей Гаврилов
Тихон Толстов

Фотоматериалы
Олег Зуев

Препресс и цветокоррекция
Николай Шиповский
В журнале использованы
Фотографии с православных
сайтов
Отпечатано в типографии
«АСК Пресс»
г. Москва, Варшавское шоссе, дом 39
(руководитель – Крылов А.С.)
Тираж 300 экз.

Содержание

- 4 **Валерий Иванович Пирогов**
1000 лет русского Афона
- 5 **День Тезоименитства митрополита Истринского Арсения**
- 6 **День Тезоименитства протоиерея Александра Турикова**
- 7 **Душою навсегда с Афоном.**
Интервью с директором Института Русского Афона
В.И.Пироговым
- 9 **Русские иноки, старцы, игумены Русика**
– святые, преподобные и подвижники благочестия.
- 13 **Преподобный Антоний Печерский**
- 16 **Алтарник Андрей Гаврилов**
Жизнеописание преподобного Максима Грека
- 20 **Алтарник Андрей Гаврилов**
Преподобный Нил Сорский
- 27 **Диакон Геннадий Бочаров**
Преподобный Паисий (Величковский)
- 31 **Преподобный Силуан Афонский**
- 34 **Светописанный образ Пресвятой Богородицы**
в Русском монастыре на Афоне
- 42 **Жизнь отца Иеронима, духовника Русского**
Пантелеимонова монастыря, им самим рассказанная
- 50 **Афонские рассказы из жизни духовной**
- 56 **Жизнеописание схиархимандрита Макария, игумена**
Русского монастыря на Афоне
- 59 **Наталья Дёмушкина**
Схимонах Иннокентий (Сибиряков):
жизнь и подвиг русского миллионера
- 63 **Схимонах Амвросий (Болотов):**
иноческий путь бывшего российского губернатора
- 67 **Дарья Дёмина**
Архимандрит Иеремия (Алёхин)
– столетний игумен обители святого Пантелеимона
- 72 **Детская страничка – Афонские рассказы: Мёд прощения**
- 74 **Святитель Филарет (Гумилевский)**
Гора Афон – гора святая
- 76 **Расписание богослужений на июнь 2016**

В.И. Пирогов Директор Института Русского Афона 1000 лет Русского Афона

Священный Афон, хотя политически и географически является неотъемлемой частью Греческого государства, принадлежит всему православному миру. Как справедливо заметил игумен обители Ватопед архимандрит Ефрем: «Именно на Святой Горе проявляется во всей красе вселенский характер нашей Единой, Святой, Соборной, Апостольской и Православной Церкви». Афон чаще называют Святой Горой от того, что здесь вот уже 1500 лет подвизаются православные люди — иноки, стремящиеся к святости и обожению. 1000 лет назад здесь появились первые русские подвижники. Именно с Афона был принесен идеал монашеского жития на Русь.

И стали устраиваться обители по уставу Святой Горы. Более 150 афонских подвижников просияли в святости со времен первых афонских монахов.

Афонские святые неразрывными узами связаны с историей России. Достаточно вспомнить святителя Киприана († 1406), насельника Святой Горы, ставшего впоследствии митрополитом Московским и всея Руси. Монашеский путь начал на Афоне и один из ближайших учеников преподобного Сергия Радонежского, святой Сергей Обнорский († 1412). Большую роль в становлении духовной учености на Руси сыграл преподобный Максим Грек († 1556), принявший постриг в святогорской обители Ватопед. Среди русских подвижников, глубоко воспринявших афонскую духовную традицию, были святые Нил Сорский († 1508), долгое время проведший на Святой Горе, преподобный Иннокентий Комельский († 1491), а в XX веке — Силуан Афонский († 1938).

Афон для русского человека, как и Иерусалим, одно из самых святых мест на земле. 2016 год — особый год для русского монашества. 1000 лет назад в одном из документов Великой Лавры за

Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне

февраль 1016 года в числе 22 подписей настоятелей святогорских обителей стоит подпись: «Герасим монах, милостию Божией пресвитер и игумен обители Роса». Эта «обитель Роса» была известна на Афоне как монастырь Древодела (Ксилургу). Ксилургу существует до сих пор и именуется скитом Богородицы. По мнению современных исследователей Святой Горы именно Герасим совершил постриг над преподобным Антонием († 1073), основателем Киево-Печерской Лавры. Ксилургу считается первой славянской обителью на Афоне, болгарский Зограф — второй (с 1169 года), а сербский Хиландар — третьей (с 1192 года).

Со второй половины XII века центром русского присутствия на Афоне становится Старый Русик или обитель Фессалоникийца, устроенная во имя великомученика Пантелеимона, а Ксилургу остался монастырским скитом.

Прошли века. Старый Русик запустел. В 1726 году знаменитый русский путешественник Василий Григорович-Барский († 1747) нашел там двух болгар и двух русских монахов. В 1776 году насельники Пантелеимонова монастыря пересели-

лились в прибрежную Воскресенскую келью рядом с монастырской пристанью. Со второй половины XIX века, когда Вселенский патриарх закрепил официальное название монастыря «Русская обитель святого Пантелеимона», попечением русской братии были возведены новые храмы, братские корпуса, больницы, фотомастерская, другие хозяйственные здания.

К началу XX века русская обитель переживает подлинный расцвет. Открылись подворья в Константинополе, Москве, Одессе, Таганроге, Ростове на Дону, началось строительство Ново-Афонского монастыря на Кавказе

и его подворья в Петербурге.

К 1900 году на Афоне проживало 4800-5000 русских иноков, из них в Пантелеимоновом монастыре 1900.

Революция 1917 года надолго прервала живую связь России со Святой Горой. Но невероятными усилиями и молитвами оставшихся иноков удалось сохранить дух обители и восстановить ее в былом величии.

В иерархии 20 афонских монастырей русский монастырь святого Пантелеимона занимает 19-е место, а для России — это первая и единственная русская обитель на Святой Горе.

День Тезоименитства митрополита Истринского Арсения

25 июня, на праздник преподобного Арсения Коневского, день своего Тезоименитства празднует первый vicарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси по г. Москве, управляющий Центральным и Южным vicариатами столицы митрополит Истринский Арсений.

Всеблагим Промыслом Божиим уже много лет Владыка Арсений несет подвиг архипастырского служения в Первопрестольном граде Москве, горя желанием достойно поработать Господеви, со тщанием стремясь исполнять многотрудные и многообразные ответственные послушания Священноначалия. Возрождение церковно-приходской жизни града Москвы проходило при непосредственном участии Владыки, который не оставался безучастным к судьбе ни одного Московского прихода, в том числе и нашего храма. По благословию Святейшего Патриарха Алексия II он курировал приходы, духовенство и приходские советы Москвы, делом и мудрым советом внося неопределимый вклад в становление приходской жизни столицы.

Во внимание к усердным архипастырским

трудам Владыка Арсений удостоен многих церковных и государственных наград, а в 2014 году Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом он был возведен в высокий сан митрополита. За более чем четверть века своего ответственного служения, исполняемого с усердием, тщанием и ревностью о пользе церковной, Владыка Митрополит снискал любовь и уважение собратьев архипастырей, духовенства и прихожан московских храмов.

Настоятель, братия и прихожане храма Преображения Господня на Песках сердечно поздравляют Владыку Арсения

с днем Тезоименитства, желая ему душевной и телесной крепости, щедрой помощи Божией и преспеяния в дальнейшем архипастырском делании на благо Первопрестольного града Москвы и Матери Церкви.

Да сохранит Вас Господь, дорогой Владыка, в крепости душевных и телесных сил, и подаст Вам от своих щедрот неоскудевающую радость и обильную помощь на многая и благая лета!

День Тезоименитства протоиерея Александра Турикова

Духовенство, Приходской Совет и все прихожане сердечно поздравляют настоятеля храма отца Александра с радостным праздником в жизни каждого христианина — Днем Тезоименитства!

Путь священника труден и тернист. Происходя из семьи потомствен-

ных священнослужителей, с ранних лет он избрал стезю служения Богу и Святой Церкви. И вот уже более тридцати лет отец Александр предстоит у Престола Божия. Четверть века прошло с того времени, когда он был назначен настоятелем храма Преображения Господня на Песках, который лишь внешне напоминал Дом Божий. За годы богоборчества храмовое здание передавалось различным ведомствам, пока в 1956 году его не заняло «Творческое объединение кукольных фильмов» киностудии «Союзмультфильм», поделив его на мастерские и павильоны для съемок. Многие люди, заходящие сегодня в храм и поражающиеся его величественному убранству, даже не подозревают, какой титанический труд отца Александра скрывается за нынешним великолепием. Служа у Престола Божия, создавая церковную общину, изыскивая необходимые средства для восстановления храма, участвуя во всех этапах восстановительных работ, отцу Александру удалось почти невозможное — воссоздать былое величие храма и сделать его одним из лучших храмов Первопрестольного града.

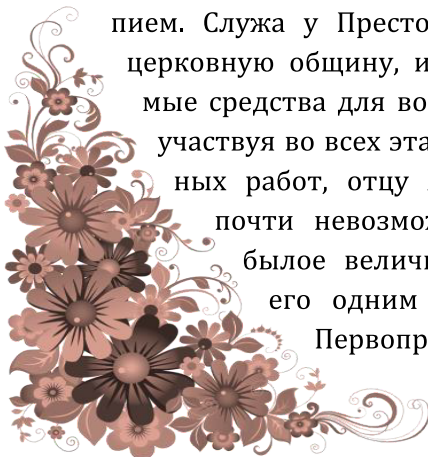
Умело сочетая обязанности пастыря и администратора, отец Александр сумел не только возродить храм, но и создать Приходскую общину, ставшую единой церковной семьей.

За понесенные труды и ревностное исполнение различных послушаний отец Александр был

награжден многими орденами и медалями, среди которых — награждение митрой и правом служения Божественной Литургии с открытыми Царскими вратами до Херувимской песни.

Мы благодарны Господу, что по Его благоволению Промыслу отец Александр появился в жизни каждого из нас, в судьбах всех тех людей, попечение о спасении которых он несет в своем сердце. В его лице мы имеем неустанного молитвенника и духовного наставника, умеющего сопереживать, утешая в горе, и сорадоваться в успехах.

Дорогой отец Александр! В этот знаменательный для Вас день примите от всех нас сердечные поздравления с днем памяти Вашего небесного покровителя, преподобного Александра, игумена Куштского. Молитвенно желаем Вам неоскудеваемой помощи Божией в дальнейшем пастырском служении, крепости душевных и телесных сил в несении нелегкого настоятельского креста, семейного благополучия, и чтобы Ваше сердце неизменно наполнялось радостью созерцания плодов трудов Ваших, а Всещедрый Господь преизобильно ниспосылал Вам Свои богатые милости и щедроты на многая и благая лета!

Душою навсегда с Афоном

*Интервью с директором
Института Русского Афона
Валерием Ивановичем Пироговым*

— Валерий Иванович, очень многие люди, даже из православных, не бывали на Афоне и не представляют, что в принципе нужно не только их желание, чтобы туда попасть? Хотелось бы, чтобы вы поделились впечатлениями, может быть, самыми первыми впечатлениями об этом святом месте. И вообще, что для вас значит Святая Гора?

— Я хоть и крещеный был, но о православной вере знал мало. В последние 20 лет стал живо интересоваться различными явлениями духовного плана. Сам я по специальности физик. Мне тогда казалось, что любое явление (включая чудеса) можно объяснить с точки зрения материалистического подхода, учитывая наличие и влияние физически малоизученных параметров и величин. Я мало тогда знал о разной духовности и решил на опыте понять, что это такое. Не понимал я тогда, что ступаю на опасный путь.

Жил на Тибете, на Гималаях, посетил много эзотерических, мистических, таинственных мест от Южной Африки и обеих Америк до островов Тихого океана, был в Сибири, вообще во многих местах России, Индии. В результате поездок, а позднее чтения Евангелия, понял, что все духовные явления определяются действием Божественного Промысла — доброй заботы Бога о людях и мире. И есть духовность ложная, проявляю-

щая себя разрушительно для внутреннего мира человека. Будучи на Тибете, в самых сокровенных его местах, местных монастырях, осознал, что тибетские боги принадлежат именно тибетцам, поскольку они выросли в этом окружении, взаимодействуют с ними. Это духовность языческая: вера в камни, деревья, идолов.

Понял, что искать духовность где-то в чужих местах абсолютно бессмысленно. Пришло осознание, что в человеке, во всех людях есть Бог! Ведь человек несет в себе образ Божий. Поэтому естественным шагом было вхождение в Церковь, паломничество к православным святыням. Поехал в Дивеево, в Оптину.

Тогда я еще не знал о существовании Афона. И вот в период моих поисков жена посоветовала посетить Святую Гору. Так 15 лет назад через турфирму поехал на Афон и остался привязанным душой на всю жизнь.

Вышел в аэропорту Салоник и на выходе познакомился с паломниками из Рязани, среди которых было два священника. Прибыли в Афонский Русский Свято-Пантелеимонов монастырь и по благословению духовника о. Макария пошли в скит Ксилургу. Место — где началось русское монашество 1000 лет назад. В те времена скитом начальником там был иеромонах Николай (Генералов). Большое счастье, что мне с первых дней

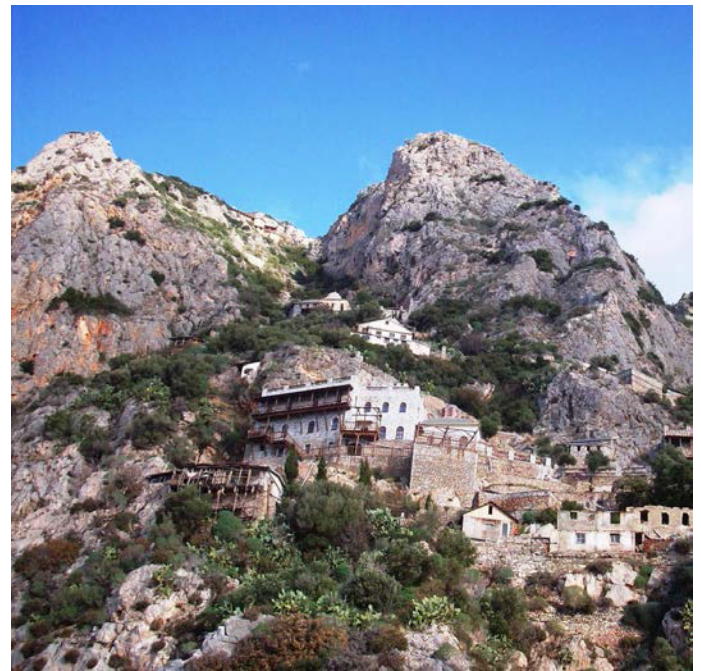

пребывания на Афоне довелось близко общаться с этим умнейшим и мудрым монахом. Разглядев мою ищущую натуру, он благословил подняться на Вершину Святой Горы, Престол Богородицы.

Так, на второй день по прибытию на Афон мы приехали на Карулю и начали подниматься по очень крутому подъему. По лестнице, а затем сухому руслу мы с трудом добрались до первого креста на перекрестке. Я постоянно задыхался: чем круче шел подъем, тем труднее мне было двигаться. К вечеру паломники ушли далеко вперед, расположились в Панагии. Уже ночью с трудом добрался и я до этих мест, где стояла Пресвятая Богородица, когда она прибыла на Афон. Есть ничего не хотелось, только пить. Утром продолжили подъем, чтобы успеть совершить литургию. Все мои спутники опять обогнали меня (тогда был апрель, много снега, примерно по пояс).

Шел я на пределе сил, совсем немного осталось, а я не мог подняться на Вершину. Монахи говорят: «Не каждый может подняться, грехи не пускают». Вспомнил их совет молиться Божией Матери. В итоге дошел. Стою у Креста, на Вершине, литургия уже закончилась, все собираются назад. Решил передохнуть. Остался один. Ощущения непередаваемые, невыразимые словами. Все заволочло густым туманом. Облако «село» на Гору. Вроде бы не далеко, все рядом, а до Панагии иду и иду в тумане. Молюсь Богородице. Туман поднялся, я увидел, что уклонился резко вправо. Скорректировал направление, спустился до Панагии. Надо было бы остаться ночевать там, но решил продолжить спуск. Палки или посоха с собой не взял. Воды мало. Стемнело. Ничего не видно. Апрель. Темнеет рано.

Дошел до перекрестка, стою у креста. Куда идти — непонятно. То ли вправо к скиту святой Анны, то ли влево к монастырю Великая Лавра. Мучила жажда. В разряженном воздухе пить очень хотелось. Внизу под обрывом ручей журчит, но не спустишься. Луна ярко светит в небе. На ее фоне черные тени ветвистых сухих деревьев. Вокруг шакалы подвывают. Понял, нужно остановиться на ночлег. Вдруг слышу, где-то генератор застучал. Пошел на звук. Под обрывом с густыми кустами увидел дом. Рюкзак скинул, перелез и спустился. Колючки. Открываю дверь, там га-

«Страшная» Каруля на Святой Горе Афон

старбайтеры сидят. Ночь. Увидели меня — испугались. Я же сразу ринулся к крану с водой, пил из него без остановки. Местные рабочие привели меня в скит. Разместили в келье, в чем был в том и заснул. Будят на службу. С усилиями поднялся, служили четыре или пять монахов. Под утро монахи вывели меня на тропинку, ведущую в скит святой Анны, оказывается, за ночь я ушел очень далеко от места спуска. Дошел до Святой Анны, сел на катер, и вернулся в Пантелеимонов монастырь.

Сейчас, вспоминая, трудно передать свои чувства, но понимаю, что на Святой Горе, где Владычица — Богородица, с человеком не может случиться плохое, если он сам не отступает от Бога.

С тех пор, конечно, я уже не посещаю аномальные места, они мне стали абсолютно неинтересны.

Езжу регулярно на Афон, а особенно после того случая, когда я очень сильно заболел. Ходить не мог. Первое, что я тогда сделал — соборовался, а потом поехал на Святую Гору в горизонтальном положении. Приложился к чудотворным мощам великомученика Пантелеимона, к его святой иконе, подышал воздухом благодати Богородицы — Владычицы Афона. И стало лучше, болезнь отступила. Врачи недоумевали. С тех пор монастырь целителя Пантелеимона для меня место святое.

обычной земной реальности, с другой, представляющее особым образом выделенную сакральную реальность, таинственные Врата Небесные. Это место до определенного момента может вовсе не отличаться от прочих земных мест (для непосвященных), как и святые проявляются только в силу известных жизненных обстоятельств, но после этого отношение к ним меняется и возникает «сакральное восприятие».

Так вот я впервые туда попал и там душой остался навсегда.

— **Говорят, кто побывал на Афоне, его туда постоянно тянет. Я это по себе знаю. Как у вас?**

— Да, тоже тянет, причем неожиданно, не постоянно. Ты живешь, живешь, дела, текучка,

*Икона великомученика и целителя
Пантелеимона из Соборного храма Русского
монастыря на Афоне*

проблемы. И вдруг приходит мысль: надо ехать на Афон, как будто внутренний зов. Собираюсь и еду. Там три-четыре дня живешь в монастыре святого Пантелеимона, ходишь на службу, возвращаешься совершенно обновленным. Видимо, какая-то внутренняя связь образовалась у нас с Афоном. Святая Гора! Афон — это определенный Богом удел Божией Матери и место осязаемого присутствия святых.

— **Это состояние некоторые называют «афонской болезнью». Ты, говорят, заболел.**

— Действительно, ты едешь туда, как в духовную лечебницу. Даже вот сейчас, в беседе с вами, я все это вспомнил, представил, у меня настроение поднялось и лучше стало.

Русские иноки, старцы, игумены Русика — святые, преподобные и подвижники благочестия

За свою долгую историю Святая Гора пережила немало потрясений, связанных с историческими переменами. Одно осталось неизменным — стремление афонитов к святости. Как писал сербский писатель Павле Рак: «Святой Афон, со всеми святыми обителями, не торопясь и не отступая, мирно держит путь в Царство Небесное».

Ныне, в год 1000-летнего юбилея русского монашества на Афоне, Святая Гора все больше привлекает к себе наших соотечественников. И не только побывать в пределах ее, но и узнать о святых подвижниках из отечества нашего. Многие пишут об Афоне, многие изучают его, но для того,

чтобы постичь суть иноческого подвига на Афоне, надо сделаться жителем Святой Горы, то есть стать афонским монахом.

Безусловно, из всех святынь, которые есть на Афоне, самые драгоценные — это «живые святыни»: святогорские подвижники и носители Духа. И в прошедшие века и ныне святые старцы скрывали свои благодатные подвиги и стремились, прежде всего, к спасительному покаянию. После праведной кончины некоторые из них оставили после себя письменные свидетельства: дневники, письма, воспоминания, о других осталась только добрая память современников об их благодатном жительстве.

*Вид Святой Горы с юго-западной стороны.
Хромолитография. 1885 год*

Нынешний век, когда царит дух пустой похвалы, святость не является жизненным идеалом и примером для большинства живущих на земле. Хочется надеяться, что проведение 1000-летнего юбилея русского монашества откроет для многих красоту и святость афонского иноческого жительства. А кто-то из отечества нашего возможно захочет подражать русским святогорским инокам, а может быть и постарается жить как они.

Среди святых русских афонитов на первом месте стоит родоначальник русского монашества преподобный Антоний Печерский († 1073). Неоспоримый ряд свидетельств современных исследователей подтверждает, что святой принял постриг в «Обители Руссов» — Русской Свято-Успенской обители на Афоне от игумена Герасима, подпись которого стоит на древнем акте, датированном 1016 годом. В бытность преподобного Антония на Афоне, по указу византийского императора Алексея Комнина († 1118) обители «Руссов» была передана 1/20 часть земель всей Святой Горы и с тех пор эти земли находятся в собственности русских иноков. С этого времени русскую обитель стало посещать великое множество наших благочестивых предков для спасения души своей.

Преподобный Антоний почил на 90-ом году от рождения уже в русских пределах. Житие его было написано святым Нестором Летописцем, изображение которого украшает главную Порту Пантелеимонова монастыря.

Со времен святого Антония Афон стал для

русских выражением христианского идеала, «питомником и рассадником подвижничества».

На протяжении 1000-летия не прекращался приток русских подвижников на Святую Гору. Назовем только некоторых из этого святого ряда.

Преподобный Нил Сорский (†1508) — один из великих отцов Русской Церкви, учитель скитской простоты и созерцательной жизни. Святой Нил вместе со своим учеником — преподобным Иннокентием Охлябининым (Комельским; † 1491) — совершил

большое путешествие в Палестину, Константинополь и на Афон. Много времени преподобные отцы провели на Святой Горе, стараясь изучить монашескую жизнь, в особенности же такой ее вид, как скитское житие. Основатель скитской пустыни в Вологодской земле (Нилова пустынь) преподобный Нил ввел в ней афонский устав.

Среди сонма Афонских преподобных достойное место занимает и святой Арсений Коневский († 1447). Доподлинно неизвестно, в какой именно обители на Святой Горе подвизался преподобный Арсений. Впрочем, общим пристанищем для всех русских иноков был тогда Русик. С Афона святой Арсений принес в Великий Новгород и чудотворную икону Божией Матери, названную в последствии «Коневской» и ставшей главной святыней будущего монастыря на Ладожском озере (о. Коневец).

Нельзя не упомянуть среди русских афонитов и преподобного Савву Вишерскаго (Новгородского) († 1460) из г. Кашина. Около трех лет провел святой Савва на Афоне, а потом вернулся на родину, принеся с собой список Кормчей книги.

Монашеский постриг на Афоне приняли и преподобные Сергей Обнорский († 1412) и Савва Крыпецкий († 1495).

Среди святых Вятской земли в 2002 году был прославлен преподобный Стефан Филейский († 1890), который неоднократно посещал Афон и подолгу подвизался в Русском Пантелеимоновом монастыре и в Сретенской келье этой обители. Десятилетиями, по заказу Свято-Пантелеимонова монастыря, подвижник занимал

ся изданием своих поучений. Преподобный Стефан близ города Вятки на реке Филейке основал Александро-Невский монастырь по афонскому уставу. В 1998 году была обретена келейная икона святого Стефана — чудотворный образ целителя Пантелеимона с частицей мощей великомученика.

Боголюбивые москвичи любят и почитают известного афонского старца — преподобного Аристоклия Московского († 1918). Дважды он был настоятелем самого известного афонского подворья — московского, и преставился в граде Москве в 1918 году. До последнего своего вздыхания он духовно окормлял множество людей, принимая иногда в день более 1000 человек. Особо почитали старца Аристоклия Московский первосвященитель Тихон († 1925) и епископ Трифон (Туркестанов; † 1934). Благодаря отцу Аристоклию многие обратились к Богу в тяжелые революционные годы.

*Преподобный
Аристоклий Московский*

В архиве Свято-Пантелеимонова монастыря хранятся документы, по которым можно проследить жизненный путь более 7500 афонских подвижников, насельников разных русских обителей на Святой Горе. А всего, по подсчетам заведующего архивом обители, монаха Ермолая (Чежия), за последние 200 лет на Афоне подвизалось до 10000 выходцев из бывшей Российской империи. История жизни этих людей, волею судеб оторванных от Матери-Родины, несомненно пред-

ставляет огромный пласт русской духовной культуры. Какими-то невидимыми духовными нитями все русские святогорцы были связаны с главной духовной осью русского Афона, которую олицетворяли прежде всего иеросхимонах Иероним (Соломенцев; † 1885) (духовник Пантелеимонова монастыря в 1841-1885 годах), архимандрит Макарий (Сушкин; † 1889) (первый русский игумен Пантелеимонова монастыря после его возрождения в 1875-1889 годах и духовник русской братии), во время отсутствия отца Макария (когда выезжал в Константинополь) духовником обители был старец Арсений (Минин; † 1879). Отец Арсений выезжал в Россию с афонскими святынями, он также является основателем московского афонского подворья и периодического издания нашего монастыря — «Душеполезные размышления».

В 1891-1920 годах духовником русской обители на Афоне был иеросхимонах Агафодор (Буданов; † 1920).

Одну из центральных фигур в истории нашего монастыря занимает архимандрит Кирик (Максимов; † 1938) — духовник обители в 1920–1937 годах. Его очень высоко ценил как духовника архиепископ Василий (Кривошеин; † 1985).

Иеросхимонах Виссарион (Хлыстов; † 1954) (духовник Пантелеимонова монастыря в 1938-1954 годах). Родился он в Москве в 1878 году. Окончил философский факультет Московского императорского университета. Встреча с праведным Иоанном Кронштадтским так поразила его, что он решил посвятить свою жизнь Богу и в 1904 году приехал на Афон и стал послушником в русском монастыре. Свое послушание духовника нес достойно, с истинно христианской любовью.

Схиархимандрит Илиан (Сорокин; † 1971) (игумен и духовник Пантелеимонова монастыря в 1958-1971 годах). Рукоположен во иеромонаха митрополитом Антонием (Храповицким, † 1936), избранный в 1958 году игуменом нашего монастыря, нес нелегкое послушание братского духовника до своей праведной кончины. Выдающиеся человеческие свойства отца Илиана отмечали многие. На период его игуменства выпал не только самый трудный период в истории обители — почти полное угасание русского иночества и

страшный пожар 1968 года, но и первые проблески надежды на будущее возрождение — прибытие первых монахов из новой России.

И еще об одном старце-подвижнике Русского Пантелеимонова монастыря, современнике преподобного Серафима Саровского и Силуана Афонского хотелось бы рассказать.

Схимонах Израиль (в миру Яков Иовлевич Мерзликин; † 1900) родился в крестьянской семье в 1812 году в одном селе Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Ему было 20 лет, когда он в качестве паломника отправился в Саров, к знаменитому подвижнику — преподобному Серафиму. Прозорливый старец на вопрос Якова о том, есть ли воля Божия стать иноком, ответил: «Монахом станешь, когда научишься любить!» Тогда Яков спросил: «Когда это будет?». Преподобный ответил: «Молись, и Божия Мать подсказет». Огорченный таким неопределенным ответом, Яков отправился в обратный путь. Дорога лежала через дремучие тамбовские леса. И хотя эти места были ему знакомы, он, погрузившись в свои думы, не заметил, как заблудился. Ночевать в лесу было опасно. Внезапно среди деревьев Яков увидел маленькую избу, похожую на монашескую отшельническую келлию. Подойдя к избушке, он постучался, дверь почти сразу отворилась, и в ней показалась инокия. Она пригласила гостя в свою келлию, усадила, умыла ему ноги, накормила и указала угол для ночлега.

В крайнем изумлении Яков не мог выговорить ни слова, только заметил, что у монахини-отшельницы необычайно светилось лицо, да так, что его охватило глубочайшее благоговение к ней. Утомившись с дороги, он быстро уснул, а утром, когда проснулся, то обнаружил, что он лежит под огромным дубом, ни келлии, ни подвижницы не было. Он понял, что ему явилась Божия Мать и что Она благословила его в этом пустынном месте построить странноприимный дом для идущих в Саров паломников.

Не имея каких-либо средств, Яков приступил к осуществлению своего замысла. Работа продвигалась на удивление быстро. Через два года был готов не только дом, но была построена и маленькая часовня в честь Покрова Божией Матери. Все, к кому бы он ни обращался, с радостью помогали ему в этом деле.

В течение последующих 40 лет в этом странноприимном доме Яков принимал для ночлега паломников, и как ему однажды служила Богородица (омыла ноги и накормила), так и он прислуживал каждому, кто бы ни приходил к нему, невзирая на его происхождение и возраст.

О его гостеприимстве и любвеобилии все в округе говорили с нескрываемым восхищением. Однако своего первоначального намерения стать монахом он не забывал. После такого 40-летнего служения людям в одну из ночей в тонком сне ему опять явилась Божия Мать, но теперь уже в игуменском одеянии в тени какой-то дивной горы и сказала: «Теперь пора тебе облечься в ангельский образ и служить Моим сугубым подопечным». Проснувшись, Яков побежал к своему духовному отцу и, рассказав ему свой сон, получил следующее объяснение: «Пора, видно, идти на Афон — в Удел Божией Матери, и там облечься в ангельский образ».

В 1871 году Яков прибыл на Афон и поступил в Русик. После пострига до самого конца своего жизненного пути он проходил послушание на Старом Русике архондаричным (гостинником) в ночлежном домике, который обслуживал множество сиромашов, живших вокруг Русика в лесах. Прежний опыт любвеобильного приема паломников ему тут очень пригодился, и он с необычайным рвением приступил к выполнению этого послушания. На протяжении 25 лет отец Израиль был почти единственным утешением для сотни сиромашов, за что и они его любили и почитали. Отец Израиль лично знал преподобного Силуана Афонского († 1938). В своих записках он пишет: «Там же на Старом Русике был отец Израиль. Он видел Божию Мать. Был очень стар, а когда жил еще в России, то ходил к преподобному Серафиму Саровскому и видел его живым еще...»

Преставился отец Израиль 29 декабря 1900 года.

Духовник и первый эпитроп Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отец Макарий в своей статье «Русская лампада на Святой Горе» (2012 год) так оценивает значение иноческого подвига русских афонитов:

«Духовный потенциал, накопленный русскими подвижниками на Святой Горе Афон за 1000-летний период русского присутствия в земном Уделе Божией Матери, способен остановить деградацию современного общества. Сонмы русских подвижников, подвизавшихся на Афоне, возносят молитвы о своих соотечественниках и о своем земном отечестве. Они предстательствуют пред престолом Вседержителя о спасении Русской

Земли, умоляют Царицу Небесную о покрове и сохранении русского народа от врагов видимых и невидимых. Это наши молитвенные ходатаи со всеми святыми Земли Русской, при наших смиренных обращениях к ним за помощью, способны защитить наше земное отечество от любого воздействия мирового зла и возродить и утвердить Русь как Дом Пресвятой Богородицы до скончания века. Аминь».

Преподобный Антоний Печерский

Преподобный Антоний Печерский (983-1073) — основатель Киево-Печерской Лавры, занимает особое место среди русских святых и почитается Русской Церковью как «начальник всех Российских монахов», поскольку основанная им на Киевских горах Печерская обитель многие столетия служила центром и школой древнерусского монашества и просвещения для всей Руси. Не случайно Ближние пещеры именуются еще Антониевыми — в честь легендарного основателя Киевской Лавры.

Преподобный Антоний (в миру Антипа) родился в 983 году недалеко от Чернигова, в местечке Любеч. С юных лет Антипа хотел стать иноком. И повзрослев, отправился странствовать. Достигнув Афона, юноша был поражен красотой и устройением этого святого места. Через два года в одной из Афонских обителей он и принял монашеский постриг с именем Антоний — в честь преподобного Антония Великого, признанного родоначальника монашества и пустынножительства, жившего в III–IV веках.

Историк В.Н. Татищев († 1750) называет местом пострига святого Антония Печерского именно Афон. Во многих исследованиях говорится, что преподобный Антоний принял монашество в афонском монастыре Есфигмен от игумена Феоктиста и подвизался в пещере возле этой обители. По словам Е.Е. Голубинского († 1912), данные сведения проникли в Россию и на Украину в 40-х годах XIX века из самого Есфигмена, который издал свое «Житие» святого Антония, указав, однако, неверную дату прихода подвижника на Афон (973 год, то есть за 10 лет до его рождения).

*Преподобный Антоний Печерский. Фрагмент
Свенско-Печерской иконы Божией Матери.
XII век*

Во втором издании «Жития» ошибка была исправлена. К 1840-м годам относится и составление в Есфигмене службы преподобному Антонию. С того же времени богомольцам показывали возле монастыря пещеру с храмом в честь святого Антония. Сведениям о жизни преподобного Антония в Эсфигмене, ввиду их позднего появления в литературе, доверяют не все церковные авторы XIX–XX веков. Зато общепринятым является мнение, что будущий родоначальник русского мона-

шества получил при монашеском постриге имя в честь родоначальника христианского монашества, святого Антония Египетского, называемого также Великим († 356).

О пребывании и пострижении преподобного Антония Печерского в Афонской обители Есфигмен нет ни устных, ни письменных источников, как на Афоне, так и на Руси. Стремление преподобного Антония к отшельническому уединению заставляет предполагать, что на Афоне местом подвигов преподобного Антония был не монастырь, а, скорее, какой-нибудь скит или келья пустынножителя. Исторически же известно, что древний монастырь Есфигмен находился в другом месте, но был стерт с лица земли в силу природных явлений.

Несмотря на скептический взгляд русских историков на греческую версию жития святого Антония, уже в середине XIX столетия над одной из пещер близ обители Есфигмен была построена часовня во имя преподобного Антония Печерского с иконостасом, изготовленным в России. В 1858 году часовня была украшена иконой святого, исполненной на эмали и присланной в дар из Киево-Печерской Лавры. До сего дня у паломников, посещающих Афон, вряд ли возникает сомнение в том, что именно Есфигмен был местом пострижения родоначальником русских иноков.

Как видим, вопрос о месте первоначальных подвигов преподобного Антония Печерского не может считаться окончательно решенным. Афон в X-XI веках, как и теперь, посещало множество паломников, и многие принимали там постриг. Некоторые, пройдя афонскую духовную школу, возвращались, как и святой Антоний, на родину. Реально ли было зафиксировать приход каждого, ожидая, что тот положит начало монашества в своей земле? Оставляем этот риторический вопрос на суд читателя.

Однако если искать место, где русский подвижник Антоний мог принять постриг и пройти свою духовную школу, то его следует искать не в греческих, а, скорее, в славянских монастырях. Проблема языкового барьера в богослужении была в те времена не менее острой, чем сегодня. Как известно, уже в 30-е годы XI века на Афоне существовал русский монастырь Ксилургу с церковью Успения Божией Матери (как и главный храм Ки-

ево-Печерской Лавры).

То что святой Антоний по мнению историка-слависта А.А. Турилова принял монашеский постриг в одном из афонских монастырей (что это была обитель Ксилургу — распространенная, но ни на чем не основанная догадка). Еще более позднего происхождения (XVIII-XIX века) местные афонские предания о пострижении преподобного Антония в других афонских обителях — Великой Лавре преподобного Афанасия или Есфигмен. Согласно упомянутому древнему житию святого Антония, он вернулся на Русь и поселился в Варяжской пещере на берегу Днепра не позднее начала XI века.

Таким образом, на Русь преподобный Антоний возвратился в княжение равноапостольного Владимира († 1015). Однако, вскоре вернулся он на Афон по причине кровавых междоусобиц, произошедших по смерти крестителя Руси (имеется ввиду убийство святых Бориса и Глеба). Когда же страсти поутихли, согласно Патерику, с благословения афонского игумена преподобный вновь отправился на Русь в правление Ярослава Мудрого († 1054).

Возвращение святого Антония на Русь могло быть обусловлено теми же внешними обстоятельствами, что и значительный отток монашествующих с Афона в 40-е годы XI века. Тогда многие святогорские монастыри подверглись нападению агарян (арабов), а затем пострадали от сильнейшего неурожая. Множество афонских иноков из своекоштных отшельнических скитов (идиоритмов) были вынуждены покинуть Святую Гору. Не исключено, что эти бедствия сподвигли и преподобного Антония вернуться на родину. И это, вне всякого сомнения, стало промыслительным.

Прийдя на Русь, святой долго не мог обрести себе пристанища. В Киеве к тому времени было уже несколько монастырей, но, как пишет преподобный Нестор, обойдя множество обителей, аскет не нашел ни одной, с которой бы решился связать свой отшельнический подвиг и благословение афонского игумена.

Тогда подвижник поселился в затерянной над крутыми днепровскими утесами пещерке на Берестовой горе. По преданию, в этой пещерке, так называемой Варяжской, ранее подвизался будущий митрополит Иларион († 1055), служивший

в церкви Святых апостолов на Берестовом. В 1051 году он был поставлен митрополитом Киевским и прославился благодаря своему знаменитому «Слову о законе и благодати» — выдающемуся памятнику древнерусского проповеднического искусства.

Итак, поселившись на Берестовой горе, в непроходимых дебрях, вдали от городских стен, преподобный продолжал подвизаться сообразно афонской традиции. В отличие от своего предшественника — митрополита Илариона, святой Антоний не был известным проповедником и ученым-богословом. Он был просто исихастом и тихим делателем молитвы. Это и привлекло к нему таких же, как и он, искателей безмолвия.

Как пишет летописец Нестор, «начали приходить к нему братия; тогда начал он принимать и постригать их».

Среди пришедших были святой Никон (†1088), первый игумен — преподобный Варлаам († 1065), знаток лекарского ремесла святой Агапит († 1095) и будущий игумен — преподобный Феодосий († 1074).

Так святым Антонием было положено основание Киево-Печерской Лавры, главным собором которой, как и в святогорской обители Ксилургу, стал храм в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Собор этот для всей Русской Земли имел особое значение. Успенская церковь стала главным храмом Руси, общерусской святыней, ведь ни одна другая церковь не именуется так, как она: Великая Успенская церковь. Такое наименование роднит ее с Великой церковью Святой Софии Константинопольской и с храмом Воскресения в Иерусалиме. Примечательно, что София Киевская — кафедральный собор Киевской Руси, кафедра митрополитов, не получила такого почетного наименования. Секрет, как нам кажется, кроется не столько в чудесных особенно-

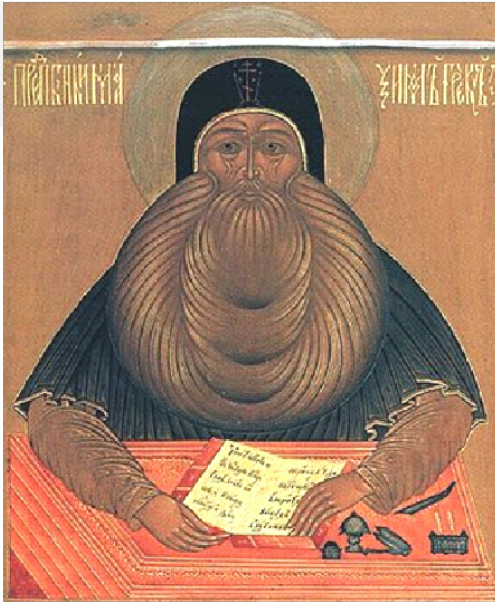

*Общий вид Киево-Печерской Лавры
1900- 1905 годы*

стях построения Печерской церкви (такие чудеса нередко бывали при построении и других храмов), сколько в том символическом значении, которое она имела и имеет в качестве связующего звена между двумя Уделами Божией Матери: Землей Русской и Святой Горой, и подчеркивающего преемственную связь первой со второй. Именно Печерская Великая Успенская церковь стала символическим прообразом величественного Успенского собора Владимира на Клязьме и Успенского Кремлевского собора, которые станут не просто кафедральными столичными храмами, но и приобретут свое символическое значение — как связующее звено между Русью и Византией, объединяющим Русь.

Так, постепенно границы Удела Божией Матери, первоначально включавшие в себя только Печерскую обитель, распространились на всю Русскую Землю.

В афонском уделе Божией Матери принес иноческие обеты родоначальник русского монашества — преподобный Антоний; именно он принес благословение Святой Горы на Русскую Землю, таким образом навеки соединив Русь и Афон узами духовной благодатной преемственности.

Икона преподобного Максима Грека.
XIX век

Святой Максим родился в Эпире, в городе Арта, около 1470-1475 годов. Он происходил из древнего и знатного византийского рода Триволисов. При рождении его нарекли Михаилом. Родители преподобного, Мануил и Ирина, были людьми образованными — «философами» — как называют их житийные сказания о преподобном. Оба они отличались благочестием и преданностью православной вере; сына они тоже воспитали благочестивым.

Около 1480 года Михаил попадает на остров Корфу (Керкира), принадлежавший Венеции; здесь он проходит обучение классическим наукам у Иоанна Мосхоса. Через двенадцать лет (в 1492 году) преподобный отправляется для продолжения образования в Италию, которая после падения Константинополя (1453) стала средоточием греческой образованности, и где в то время уже существовала многочисленная греческая диаспора. Михаил слушал лекции во многих итальянских университетах, но дольше всего он обучался в знаменитом Падуанском университете, где тогда было много профессоров-греков из числа эмигрантов.

Затем он приезжает во Флоренцию, которая в конце XV века была крупнейшим центром ренессансной культуры, которой Михаил поначалу увлекся. Однако под влиянием знаменитого флорентийского проповедника — доминиканского

Алтарник Андрей Гаврилов

Жизнеописание преподобного Максима Грека

монаха Джироламо Савонаролы († 1498), Михаил сумел разглядеть в ней антихристианские тенденции. Впечатление, которое оказали на него проповеди Савонаролы, было столь велико, что он становится доминиканским монахом во флорентийском монастыре Сан-Марко, приором которого прежде был Савонарола.

Во время пребывания в обители Сан-Марко и под влиянием реформаторской деятельности Савонаролы, у Михаила сложились нестяжательские взгляды и представления об устройении монастырей и иноческой жизни. Он, как и Савонарола, а равно как и русские нестяжатели — преподобный Нил Сорский († 1508) и Вассиан (Патрикеев; † ок. 1532), в своих взглядах на устройство обителей и на монашескую жизнь исходили из идеалов первоначальной иноческой нищеты. Инок отрекается от всего мира, чтобы жить «по Бозе», а, следовательно, отрекается и от всякой собственности. Существенное условие монашеского подвига — полное нестяжательство, совершенная нищета, бедность. На таких началах Савонарола пытался устроить жизнь в руководимом им монастыре святого Марка во Флоренции, в котором пробыл около двух лет молодой Максим Грек. Здесь и сформировалась его нестяжательская идеология, впоследствии обрамленная примером жизни святогорских монахов, которой он оставался верен всю свою жизнь и в защиту которой написал целый ряд замечательных произведений.

После казни Савонаролы духовная жизнь в этом католическом монастыре замирает и Михаил уезжает из Италии. В следующем, 1505 году он прибывает на Афон и там, в греческой обители Ватопед, вернувшись в лоно Православной Церкви, принимает монашество с именем Максим, в честь преподобного Максима Исповедника († 662). Таким образом, ученик Ренессанса, но-

сивший некоторое время одеяние доминиканского монаха, теперь надевает облачение православного афонского монаха, в которой остается до конца своей жизни. Грек по происхождению и чувству, сын православных родителей, Михаил Триволис, не найдя приложения своих духовных сил и религиозной ревности в Италии, решил посвятить свои обширные знания в филологии, философии и богословии на благо своей Родины и Православия.

На Афоне он также интересовался другими монастырями и описал подробно «пребывание и чин» разных святогорских обителей. Показывая в своих трудах быт монастырей Афона, главное, на что обращает внимание автор в порядках общежития, — полное отсутствие личной собственности. «Воистину чист от особства есть», — говорит святой в самом начале повествования об общежитии Дионисиева монастыря. Столь же определенно он пишет и в Сказании для Кормчей старца Вассиана: «В киновии и труды, и имение, и пища, и прочее все общее для всех и внутри монастыря и вне».

Как видно, нестяжательская идеология продолжала свое формирование и укрепление на Афоне. Кроме того, здесь преподобный Максим по-новому осмыслил свой опыт, смог глубже проникнуть в духовное наследие восточных отцов, хранимое в богатейших книжных сокровищницах Святой Горы.

Ватопедская обитель славилась тогда обширной библиотекой, которую ей оставили два иночествовавшие в ней греческих императора: Андроник Палеолог († 1332) и Иоанн VI Кантакузен († ок. 1380). В течение 10 лет преподобный Максим Грек подвизался на Афоне и продолжал здесь заниматься своим образованием. Он думал именно здесь окончить дни свои, посвященные духовной науке. Но Господь судил иначе. Ученость святого Максим приобрел колоссальную, и удивительным образом те духовные знания, которые он сумел стяжать. Промысл Божий определил направить его на Русь, где его труды будут посвящены в значительной своей части возрождению восточной патристики (учению святых отцов Церкви) в переводах на церковнославянский язык, эти его знания и переводческие таланты были крайне необходимы в это тяжелое время угасания православной учености.

В 1515 году великий князь Московский Василий III († 1533) отправил на Афон послов с просьбой прислать ему искусного переводчика книг. Это церковное послушание по воле святогорских старцев выпало святому Максиму. В 1518 году он прибывает в Москву — ненадолго, как ему тогда казалось. Но волею Божией ему было суждено остаться в России навсегда.

*Приезд в Москву святого Максима Грека.
Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI век*

Первой книгой, предложенной преподобному Максиму для перевода, была Толковая Псалтирь. Работая над ней, святой Максим столкнулся с большими трудностями: уровень образованности в Москве в ту пору был настолько низок, что здесь не нашлось ни одного человека, который бы знал греческий язык. В то же время он, разумеется, не знал славянского языка. Поэтому ему приходилось переводить с греческого на латынь, а затем уже русские толмачи делали перевод с латинского, ибо переводчики с латинского в Москве имелись. Преподобный Максим Грек выполнил это задание за год и пять месяцев и ожидал, что после этого его отпустят обратно на Афон. Тем более, что он перевел для митрополита

Варлаама († 1533) еще и Толкование на книгу Деяний Апостольских. Однако, ему стали давать одно за другим различные новые поручения. В частности, он перевел беседы святителя Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и Иоанна. Выполнил он и ряд более мелких переводов. Одновременно святой Максим занимался просмотром и исправлением Толкового Евангелия и богослужебных книг: Часослова, Минеи праздничной, Апостола и Триоди.

Преподобный Максим Грек.
Рисунок из рукописи XVI века

Со временем келлия ученого инока становится притягательным местом для образованных русских вельмож. Для беседы с ним приходят влиятельные при дворе люди: инок Вассиан (князь Патрикеев), князя Петр Шуйский и Андрей Холмский, бояре Иван Токмаков, Василий Тучков, Иван Сабуров, Федор Карпов. В общении с ними преподобный Максим знакомится с русской церковностью, государственной и общественной жизнью.

В своих богословских трудах он пишет о приверженности русских к обрядовой стороне веры; его также беспокоило увлечение княжеского двора астрологией. В своих словах и посланиях святой вел борьбу против всякого рода местных суеверий: против веры в сны, в приметы, в гадания.

За обиду принимали русские люди укоризны преподобного Максима, касаю-

щиеся незнания ими истин веры и несоблюдения заповедей Христовых, исполнения одного внешнего обряда, без духовного подвига, в суетной надежде на спасение через одно только внешнее благочестие.

Эти обличения приводили многих в негодование. Они давали повод для обвинения его в неуважении к святым обычаям предков, даже в ереси. Негодование на преподобного Максима при дворе не было опасно для него до тех пор, пока митрополичью кафедру занимал благоволивший к нему митрополит Варлаам. Но в 1521 мирополита, попавшего в немилость к великому князю и низвергнутого с первосвятительского престола, сменил митрополит Даниил († 1547).

Поначалу новый митрополит относился к святому неплохо. Но вот первосвятитель поручил греку перевести на русский язык «Историю Церкви» блаженного Феодорита Кирского. Но преподобный Максим отказался сделать перевод этой книги, поскольку в Феодоритовой «Истории» очень подробно изложены различные еретические учения, и для русских людей, неискушенных в богословских тонкостях, это было бы вредно. Тем более, что Русь только что «переболела» ересью «жидовствующих». Митрополит счел себя оскорбленным отказом простого монаха, даже не облеченного священным саном.

Положение святого Максима стало особенно уязвимым после того, как он вызвал к себе нерасположение и со стороны великого князя Василия III, высказавшись неодобрительно по поводу предполагавшегося развода великого князя с Соломонией Сабуровой († 1542). Помимо прочего, в кругу постоянных собеседников подвижника нашлось немало людей, которые были настроены оппозиционно по отношению к государю.

В 1525 году над преподобным было учинено первое судебное разбирательство. Против святого Максима были выдвинуты обвинения в шпионаже и ереси: в его первых переводах были найдены ошибки, связанные исключительно с тем, что Максим поначалу плохо знал славянский язык. В итоге, филологические оплошности преподобно-

го Максима были коварно использованы как предлог для обвинения в ереси. В добавление ко всему, он был обвинен еще и в колдовстве. Однако нелепость этих обвинений в отношении святого Максима, их явная несообразность со всем его духовно-нравственным обликом были столь очевидны, что Собор, признав его еретиком и политическим преступником, тем не менее, не дерзнул осудить преподобного на казнь как чернокнижника. Решено было ограничиться отлучением от Церкви и пожизненным тюремным заключением, хотя и это было большой жестокостью по отношению к очевидно невиновному иноку.

Митрополит определил местом заключения ученого инока свой Иосифо-Волоколамский монастырь. Там святой Максим претерпел, как он впоследствии писал, «мразы, и дымы, и глады», находясь в монастырской тюрьме в тяжелейших условиях.

Преподобный пробыл в своем первом заточении почти 7 лет. А в 1531 году состоялся новый соборный суд, к которому святой Максим первоначально был привлечен в качестве свидетеля по делу князя-инока Вассиана (Патрикеева). А привлекая, заодно еще раз обвинили и самого преподобного. К этому времени в Москве умер турецкий посол Скиндер, и в его бумагах обнаружили письма святого Максима с довольно нелестными для Москвы отзывами. И хотя ничто не свидетельствовало о шпионаже, но все новые материалы успешно присовокупили к делу.

На суде преподобному припомнили и обнаруженные дополнительно к прежним новые грамматические ошибки, которые опять-таки громко объявлялись ересью. То он вместо выражения «бесстрастное Божество» писал «нестрашное Божество», то вычеркивал из славянского текста книги Деяний слова, которых не было в греческом подлиннике, то опять-таки по аналогии с греческой грамматикой оплошно пропускал повторное отрицание «не» в одном из анафематизмов святителя Кирилла Александрийского.

Соборный суд 1531 года обвинил святого в том, что он «возводит хулу на русских чудотворцев и на Русскую Церковь». Преподобного Максима переводят в Тверской Отрочь монастырь, под надзор Тверского епископа Акакия († 1567).

Там он пробыл еще 20 лет в заточении, но в условиях более мягкого, чем прежде, режима. Акакий был человеколюбивым архиереем. Вместе с другими епископами осудив святого, он едва ли всерьез верил в его виновность. Акакий разрешил преподобному писать, что было запрещено во время его предыдущего заточения. В Тверском Отроче монастыре он закончил написание канона Святому Духу Параклиту (работу над ним он начал еще в волоцкой тюрьме, где писал углем на стене).

В заключении наиболее страшным для него было отлучение от Причастия. Он писал к новому Московскому святителю Макарию († 1563), который возглавлял Русскую Церковь с 1542 года, прося разрешить ему причащаться Святых Таин, чего он был лишен уже около 17 лет. Хотя митрополит очевидно не верил в виновность преподобного, но в ответ написал: «Узы твои целуем, яко единого от святых, а помочь мы тебе ничем не можем, ибо жив связавший тебя» (митрополит Даниил; † 1547). Тогда Максим Грек написал Даниилу, прося его снять с него прещение. Но для Даниила это значило бы признать свою и соборную неправоту, а следовательно, дать повод обвинить его самого. Поэтому бывший митрополит Максима невиновным не признал.

Только после смерти Даниила участь Максима была облегчена. В 1551 году игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий упросил царя Иоанна Грозного († 1584) и митрополита Макария перевести Максима к себе в обитель. Инок-страдалец получил разрешение причащаться Святых Таин и окончил свою жизнь в 1556 году в Троице-Сергиевом монастыре. Погребли его с почетом, как подвижника, в Свято-Духовской церкви. Всего Максим, собиравшийся в Москву ненадолго, прожил в России 38 лет. Из них почти 27 — в заключении.

Афонский монах, преподобный Максим Грек был весьма талантливым и плодовитым духовным писателем, внесшим неопределимый вклад в дело духовного просвещения русского народа. Его перу принадлежит более 300 сочинений. В основном они носят духовно-просветительский характер.

В течение 20 лет своего заключения в Твери,

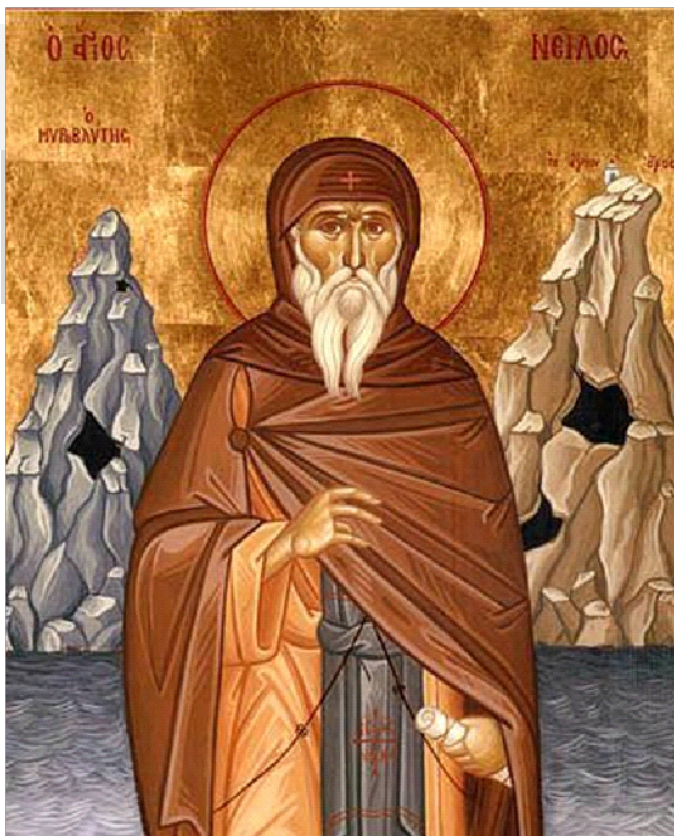
Максим написал бóльшую часть своих оригинальных произведений.

Среди них наиболее многочисленны небольшие трактаты и письма. Многие Максим написал по прямому заказу епископа Акакия и других деятелей Русской Церкви: авторитет его даже в заключении оставался весьма высоким, и абсолютное большинство людей в его виновность не верило.

Канонизирован он был в год 1000-летия Крещения Руси, хотя местно он издревле почитался как один из Радонежских святых. Иконы святого Максима известны уже с XVII века. В 1996 году были обретены его мощи. Ныне они в церкви Святого Духа Троице-Сергиевой Лавры.

*Рака с мощами преподобного Максима Грека.
Свято-Духовской храм Троице-Сергиевой Лавры*

Святой Нил Сорский — единственный из древних русских святых, который писал о духовной жизни и в произведениях своих оставил полное и точное руководство духовного пути. Он редко покидал свою пустынь, не был вхож в княжеские дворцы, и наши сведения о его жизни крайне скудны. Достоверно неизвестно, было ли когда-нибудь написано его житие: существует предание, согласно которому, оно сгорело во время татарского разорения вологодских скитов в 1538 году.

Алтарник Андрей Гаврилов

Преподобный Нил Сорский

Есть известие, что святой был в миру «скорписцем», писателем книг. Дворянский род Майковых считает преподобного Нила в числе своих предков. Рано принял монашество: «От юности моея», — как он сам об этом писал. Важное значение для его духовного становления сыграло паломничество на Афон и «в страны Цареграда», куда он ходил со своим учеником, святым Иннокентием (Охлябининим; † 1491).

Сам преподобный избрал для своего скита лесное урочище на речке Соре (Вологодская область) в пятнадцати верстах от Кириллова монастыря. Именно здесь прошла вся жизнь святого Нила.

В 1489 году, когда Новгородский архиепископ Геннадий († 1505) стал вести активную борьбу против ереси жидовствующих, он спрашивал ростовского архиепископа, нельзя ли побывать у него Паисию и Нилу, поговорить о ересях. Очевидно, что они были известными стацами среди заволжцев. Оба старца присутствовали на Соборе 1490 года, который осудил еретиков, но обошелся с ними довольно мягко.

Дальнейшие сведения о преподобном Ниле относятся лишь к 1503 году. На Соборе в Москве, собранном по совершенно иному поводу, неожиданно «нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормились бы рукоделием». Белозерские пустынноики поддержали его. Пришлось послать за святым Иосифом Волоцким, авторитетом и усилиями которого удалось отстоять церковное землевладение. Скончался пустынноик в 1508 году. В рукописях сохранилось его потрясающее завещание ученикам, имеющее свой прецедент на Руси в завещании киевского митрополита, грека Константина († 1159): «Повергните тело мое в пустыни — да изъедят его звери и птицы; понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения... Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощения прошу от вас и от мене прощения. Бог да простит всех».

Литературное наследие преподобного Нила состоит из многочисленных посланий к его ученикам на темы духовной жизни и обширного, в одиннадцати главах, «Монастырского», или «Скитского», устава. О самом уставе и о созданном святым Нилом особом виде монашеского жития стоит поговорить подробнее.

Преподобный Нил принес с Афона чин и устав скитского жития в Заволжские земли, стараясь подражать древним святым отцам и пустынноикам, ища себе руководства и наставлений в их жизни и писаниях.

Около 1485 года, возвратившись из паломничества на Святую Гору Афон, старец вместе со своим учеником Иннокентием поселился в лесу на реке Соре, за «пятнадесят поприщ» от Кирилло-Белозерской обители. На Соре он бывал и раньше, будучи монахом Кириллова монастыря. Очевидно, место тогда понравилось преподобному своей уединенностью и пустынноостью. Болота, «мхи великие и непроходимые» делали его труднодоступным для мирских людей. Святой Нил выбрал Сору как место, удобное для жизни по скитскому обычаю, общий принцип которого состоял в совместном жительстве двух или трех монахов в одной келлии.

Традиция скитского жительства восходит к первым векам монашества, основатель которого в Египте — преподобный Антоний Великий

(† 356) после 20 лет затвора, как сообщает его житие, жил в окружении своих учеников. Хотя это не был скит со своим определенным уставом и правилами жизни, но в нем соблюдался основной принцип скитского жития — иноки всегда могли пользоваться наставлениями своего старца и спасались рядом с ним.

*Преподобный Нил Сорский и его скит.
Миниатюра начала XVIII века*

Первые египетские монастыри скитского типа основали ученики преподобного Антония — святые Аммон († 350) и Макарий Великий († 390).

Афонские скиты, более поздние по своему происхождению по отношению к древним скитам Египта и Палестины (наиболее древний святогорский скит святой Анны был основан при Лавре преподобного Афанасия Афонского в конце X века), повторяли основные принципы скитского жития Египта и Палестины.

Русский путешественник Василий Григорович-Барский († 1747), неоднократно посещавший

Афон для изучения жизни святогорских монастырей, в описании своего второго посещения Святой Горы (1744 год) дал общую характеристику внутреннего устройства афонских скитов, которая в основном согласуется с описанием древних египетских скитов пресвитера Руфина († 410), что свидетельствует об уже устойчивой традиции скитского жительствова. «Скитами же именуются те, что на уединенных и далеких местах обретаются, где часты кельи, недалеко одна от другой, в которых обитают по одному или по два, или по три. И питаются от рукоделий различных, но паче всех подвизаются в молитвах, постах и бдениях и безмолвствуют наедине в работные дни, в недели же и праздники все собираются с вечера и утра в общий храм, для этого специально устроенный, и в том согласно все совершают правило и пение». Скитской путь подвижничества многие святые отцы почитали «золотым», то есть наиболее удобным для тех, кто мог избрать любую форму монашеской жизни: отшельничество, скит, киновию (общежитие).

Следуя традиции преподобных Иоанна Лествичника и Варсонофия, святой Нил Сорский именует этот путь «царским», «непадательным», подчеркивая его наибольшую безопасность (в духовном смысле) для подвижника. Отшельническое житие «ангельской требует крепости» и грозит многими духовными опасностями. Преподобный Нил ссылается здесь на слова святого Иоанна Лествичника: «Горе одному, если в леность впадет, во уныние или отчаяние яко не имеет восстанавливающего его в человецех». Поэтому, замечает преподобный Нил Сорский, даже такие совершенные безмолвники, как святые Исаак, Арсений Великий, Нил Синайский, Даниил Скитский имели учеников и жили рядом с ними, а не в полном уединении.

«Молвы и соблазны», свойственные общежительным монастырям, также могут быть полезны для «безмолвия» и созерцания, как и полное уединение. Малая же соборность скита (в отличие от киновий) дает возможность получить духовное наставление, чего лишены живущие в полном уединении, помогает избежать опасных «прелестей» духовного пути и создает наилучшие условия для «безмолвия».

Сам принцип скитского жития, когда двое

или трое иноков собирались вокруг опытного старца, безусловно, не мог быть новым для русской монастырской жизни. Вероятно, именно по этому уставу жила Кирилло-Белозерская обитель на ранней стадии своего становления. Особенность же Нило-Сорского скита, его уникальность состоит в том, что это первый русский скит, длительное время просуществовавший как самостоятельная обитель со своим определенным Типиконом (уставом) и укладом скитской жизни.

Представляет интерес и вопрос о том, на какие примеры монастырского устройства ориентировался преподобный, создавая свой скит — ведь он был устройтелем нового для истории русского монашества типа обители. В исторических исследованиях неоднократно отмечалось, что в своей монастырской деятельности старец руководствовался собственным опытом, полученным на Афоне «и в странах Царьграда» (о чем он сам пишет в 11-й главе сочинения «О мысленном делании»), а также святоотеческими творениями.

Афонские скиты располагались в местах труднодоступных и «скорбных». О своем паломничестве в один из Афонских скитов Григорович-Барский пишет: «Шел же три дня очень трудным, жестким и прискорбным, отчасти же и ужасным путем, по сухим и острым камням», место скита «есть сухо и голо, и знойно в лете дозела». Подобным образом он описывает и другие афонские скиты: путь в скит Каруле «жесток и страшен есть», иноки «дождевою живут водою и некою дикою капустою, естественно в расселинах каменных родящуюся».

Впечатления русского путешественника XVIII века мало чем отличались от описаний древних скитов Египта и Палестины.

Место «пустынное и жестокое» выбрал для своего поселения и преподобный Нил, а его монастырь чаще всего называли Нило-Сорской пустыней. «Среди различных угодий, которыми так изобильна здешняя светлая, счастливая природа, — отметил в своих записках историк С.П. Шевырев († 1864), — трудно отыскать убежище, более грустное и уединенное, чем эта пустынь. Вид этого места с первого раза дает представление о том, чего искал здесь святой, и полностью соответствует характеру его духовных созерцаний, которые известны нам из его творений».

Принципы планировки Нило-Сорского скита, как и его местонахождение, повторяли планировку древних скитов, где кельи стояли на некотором удалении друг от друга и от храма. Этот принцип строго соблюдался, чтобы не нарушать «безмолвие» и созерцание иноков.

Пресвитер Руфин сообщает, что в египетской пустыне «Келлий» расстояние между кельями подвижников и от келий до храма составляло около трех-четырёх миль. Кельи и храмы в афонских скитах располагались на более близком расстоянии. Епископ Порфирий Успенский († 1885), описывая монастыри Афона, заметил: «Во всех скитах святогорских Кириакон, то есть Господня Церковь, занимает средоточное место, а кельи вроссыпь поставлены там-сям».

В Нило-Сорском скиту, как сообщает «Повесть» Плешкова, кельи в лесу стояли так, чтобы из окна одной можно было увидеть только другую келью. В кельях, согласно правилу египетских скитов, жили по одному. Уединение каждого инока сохранялось неукоснительно: даже в XVII веке лес «на свою потребу» рубить вблизи келий запрещалось.

Место поселения скитника было достаточно обособлено в общей структуре обители, оно устраивалось так, чтобы инок, независимо от монастыря, мог иметь все необходимое для жизни. «Повесть о пришествии преподобного Нила» рассказывает, что святой, придя на Сор, ископал колодец и пруд неподалеку от келий, а на реке Соре поставил мельницу «на потребу братии». Келья, колодец с питьевой водой, пруд для поливки огорода — этого, по мысли основателя скита, было достаточно монаху для строгой нестяжательной жизни.

Постоянная молитва, связанная с простым рукоделием (например, плетение корзин), работа на огороде для дневного пропитания «от трудов своих» составляли весь день старца. Место поселения и образ жизни скитского инока более

*Вид Нило-Сорской общежительной пустыни.
Гравюра. XIX век*

всего походили именно на отшельническое пребывание.

Средоточием общей монастырской жизни в скиту был храм. В Нило-Сорской пустыни, как и в афонских и египетских скитах, он занимал центральное место в монастыре. «Повесть о пришествии преподобного Нила» рассказывает, что на некотором расстоянии от келий (примерно 250 метров) между двумя речками, Сорой и Бродью, святой Нил наносил своими руками гору земли, так как место было болотистое и низкое. Здесь и поставили первую скитскую церковь — во имя Сретения Господня. Братские кельи находились в лесу, окружавшем храм, на некотором расстоянии от них и от церкви размещались немногочисленные хозяйственные постройки.

Представляет интерес рассмотрение различных традиций скитской жизни, отразившихся в Типиконе Нило-Сорского скита.

Новоначальный инок, приходивший в скит, сначала оповещался о правилах скитской жизни, и только после его согласия полностью соблюдать все эти правила, принимался в число братии.

Правил монастырской жизни, изложенных в «Предании» преподобного Нила, в сущности, немного. Большинство из них посвящено монашескому нестяжанию, они образуют цельную систему принципов скитской нестяжательной жизни. Другая группа правил «Предания» более традици-

онна для монастырского Типикона: о согрешающих и «самочинниках»; об исхождении из келий и «келейном пребывании»; о рукоделиях; о мере пищи и питья; запрет входить в скит женщинам и отрокам; о странноприимстве.

В «Предании» святого Нила Сорского отсутствует поучение о борьбе с помыслами, о молитве и хранении «безмолвия» — главной иноческой добродетели. Но этому он посвятил отдельное сочинение — свои главы «О мысленном делании».

Излагая общие принципы монашеского жития, преподобный Нил много внимания уделяет правилам-запретам, цель которых — сохранить «благочиние» в обители, уберечь иноков скита от падений, от влияния «мира», в этом основное сходство его «Предания» с «Преданием» святого Саввы Освященного. Выходить из скита без благословения настоятеля и не в «установленное» время запрещалось. Исхождение из кельи согласно «Уставу скитского жития», который был принят в Нило-Сорском скиту, допускалось во вторник, четверг, субботу и воскресенье (то есть в непостные дни), Великим Постом — в субботу и воскресенье.

В кельях иноки могли собираться вместе или принимать странников только для духовного наставления.

В своем «Предании» преподобный Нил Сорский запрещает входить в скит женщинам, принимать отроков, держать скот «женьска рода на послужени». Эти правила соблюдались по древней традиции во всех скитах. Святые Савва Освященный и Евфимий Великий, как рассказывают их жития, не принимали к себе «голоусых и безбрадых». Женщинам входить в Лавру преподобного Саввы Освященного запрещалось даже для молитвы.

Самым строгим образом эти правила исполнялись и на Афоне, чему святой Нил был «самовидцем». Трагос (сборник царских и иных указаний для святогорских монахов) несколько раз повторил запрет принимать в афонские обители «голоусых и безбрадых»: при царе Мануиле Палеологе († 1440) был издан указ «не принимать на Гору безбрадых, даже родственников по плоти, кто дерзнет — будет проклят, кто не удалит от себя — будет под анафемой».

Преподобный Нил в своем «Предании» строго предупреждал братию об опасности «самочинства» в скиту, то есть жизни по своей воле. Он различал «самочинников» и согрешающих «от разления или небрежения». Все согрешения иноков должны были исправляться только духовным наставлением. «Предание» святого Нила, как и «Предание» преподобного Саввы Освященного, почти ничего не упоминает о монастырских наказаниях. Скитский устав не предусматривал разработанной системы наказаний, как, например, общежительный устав святого Пахомия Великого († 348). Нежелающие изменить свою жизнь должны были оставить обитель.

Из «Завета» преподобного Иннокентия (Охлябинина) мы узнаем, что в вопросах собственности преподобный старец держался древних скитских уставов. Понятие «мое» в скиту практически отсутствовало. Одной из высших добродетелей скитского инока было полное нестяжание. Келья тоже не являлась его собственностью. Если монах уходил из скита, то терял все права на нее. Если даже возвращался, то не мог требовать назад ту же келью. Это решалось только по воле настоятеля.

*Власяница и четки преподобного Нила Сорского.
Белозерский монастырь*

На Афоне в скитах действовало то же правило о келье. Святой Максим Грек в своем «Послании» (1518-1519) к Василию III, единственный раз, упоминая об устройстве афонского скита — в Карее, сообщает о правиле собственности на келью: «Келлии же те рассеяны в ските Карейском.

От них же многие продаются, хотящим на месте том пребывать, и те, которые купятся и на двоих и троих, после смерти купивших снова возвращаются под власть монастырскую».

Из множества правил монастырской жизни, которые содержатся в святоотеческих творениях, житиях святых (следует заметить, что жития являются важнейшим источником Типикона Нило-Сорского скита), преподобный Нил выбрал те, которые считал наиболее необходимыми для того, чтобы оградить свой скит от влияния «мира» и внутренних «нестроений». Среди них целая система правил монашеского нестяжания, которая существенно отличает «Предание» Сорского старца даже от самого близкого по стилю и содержанию Типикона святого Саввы Освященного и делает его оригинальным сочинением в числе святоотеческих творений такого рода.

Типикон определял основные принципы внутренней монастырской жизни. Существовали еще внутренний распорядок жизни и богослужебный устав Нило-Сорского скита. Само последование церковного пения и служб в скиту совершалось по уставу Лавры преподобного Саввы Освященного, как сказано в каноннике Нилова скита.

Каждое воскресенье полагалось служить «всенощное скитское, молебен и обедню», на «Владычни праздники» (двунадесятые) — всенощное скитское и обедню, также «преподобным многим» — всенощное скитское и обедню.

Скитское всенощное бдение продолжалось всю ночь, по обычаю всех скитов и лавр. Накануне всенощной около шести часов вечера монахи собирались в храме и пели вечерню, после чего ставилась общая трапеза, если день был непостный. После трапезы иноки проводили время в духовных беседах или чтении Священного Писания — это было время духовного общения монахов скита. Кому «требовалось вкусити сна», мог немного отдохнуть. В первом или во втором часу ночи начиналось всенощное бдение.

Скитская служба отличалась от служб общежительных обителей не только продолжительностью, но и своим составом. Во время скитской всенощной прочитывалось полпсалтири (в киновиях обычно читали три кафизмы), большее число канонов — четыре. В начале службы, по прочте-

нии первых трех кафизм и канона Богородицы, все садились в молчании и со вниманием слушали читаемое из Писания и житий. Читать Писания полагалось не торопясь — «как бы рассказывая, не как простою речью», слушающие могли спрашивать пояснения и толкования на непонятные тексты.

После чтения начиналась исповедь: брат, стоя перед иконостасом, исповедовал всей братии свои согрешения. Чтение Писаний и исповедь продолжались два-три часа.

Утренняя в скиту заканчивалась в седьмом часу утра. После утрени и чтения первого часа все расходились по кельям.

Затем вновь собирались на молебен, если он полагался в этот день, после молебна служилась обедня (Литургия), в конце службы все просили прощения друг у друга и расходились по кельям.

Каждому полагалось иметь в своей келье иконостас, а у кого не было возможности, тому крест.

Келейное правило иноков скита было большим. Но мера для каждого монаха могла устанавливаться отдельно — каждому по силе. Повседневно полагалось на день и на ночь читать по «полпсалтыря», молитв шестьсот или тысячу, поклонов триста или шестьсот; неграмотные вместо Псалтири должны были читать шесть тысяч молитв, и за «полпсалтыря» — три тысячи. Это правило «Устава скитского жития» совпадает с афонским. Архимандрит Нижегородского монастыря Досифей, побывавший на Афоне в конце XIV века (на столетие раньше преподобного Нила), сообщает, что святогорские монахи, которые отдельно живут в кельях, всякий день прочитывают половину Псалтири и по 600 молитв «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Если кто хочет прибавить, то в его воле. Сверх того полагают от 300 до 500 поклонов. Незнающие грамоты совершают семь тысяч молитв Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила.

В результате активных книжных связей русских монастырей с Афоном на протяжении второй половины XIV и всего XV столетия, видимо, менялось и уставное молитвенное правило русских иноков. Не только скитские монахи, но и общежительные, в частности кирилловские и волоколам-

ские, постоянно «держали молитву Иисусову», как и афонские старцы.

Согласно описанию Плешкова, инок Иосифо-Волоколамского монастыря должен был за день читать 100 молитв Богородице и 1900 Иисусовых. Сравнение «келейного правила» иноков Нило-Сорского скита и Иосифо-Волоцкой (общежительной) обители наглядно показывает общую тенденцию монастырской жизни (независимо от типа обители) в XVI-начале XVII веков — стремление к «умной молитве». И все-таки разница молитвенного правила общежительных и скитских монахов оставалась существенной. Скитский инок также, как и монах общежительной обители, читал поучение, полунощницу, псалмы, клал поклоны. Но основное внимание всего келейного правила монаха скита сосредоточивалось на «умной молитве», на достижении безмолвия — исихии, когда «не молитвою молится ум, — пишет преподобный Нил в своих «Главах», — но превыше молитвы бывает; и в обретении лучшего молитва оставляется, в иступлении бывает, и ни хотения иметь чего (не имеет никаких нужд)».

Молитва устами, по учению святых отцов, является только необходимой и долгой подготовкой к «умной молитве». Именно об этой «умной», внутренней молитве, как о высшем монашеском делании, писал в своих «Главах» преподобный Нил Сорский.

Скитское келейное правило специально оговаривало, что если в любое время дня и ночи придет на ум чистая молитва и помысл умиления, держать их, сколько можно, не думать об исполнении правила, не совершать поклоны — все оставить ради чистой молитвы.

Преподобному Нилу удалось создать на русской почве обитель, которая не только по характеру своего экономического уклада, расположению, уставу, но и по уровню духовной жизни соответствовала древней традиции «скитского жительства».

М.В. Нестеров. «Тишина». 1888 год

XIV-XV века на Руси были временем «второго знакомства с Византией», временем возобновления активных церковных, книжных и паломнических контактов с Афоном и Византией. В результате этих связей русская переводная литература увеличилась почти вдвое. Характерно, что это была в основном «новая» для Руси литература мистико-созерцательного направления (сочинения святых Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, Григория Синаита, Григория Паламы). Преподобный Нил Сорский не был единственным исихастом на Руси, но он изучал практику умной молитвы на Афоне, где незадолго до его паломничества подвизался сам святой Григорий Палама († 1359), а святогорские старцы были самыми горячими приверженцами его учения. В сочинении преподобного Нила «О мысленном делании» цитаты из творений древних и «новых» учителей исихазма находятся рядом. Возникновение Нило-Сорского скита в конце XV века в лесной пустыни на Белом озере стало результатом развития этой русской традиции исихазма. Но особое значение монастырской деятельности преподобного Нила заключалось в том, что он на основании многих источников детально разработал систему монастырского скитского жительства и построил обитель, уклад жизни которой полностью соответствовал состоянию исихастского безмолвия и созерцания.

Диакон Геннадий Бочаров

Преподобный Паисий Величковский

Говоря о Русском Афоне нельзя пройти мимо удивительной личности преподобного Паисия (Величковского). К сожалению, имя этого святого для многих остается неизвестным. Хотя его труды по устройению монашеской жизни сравнимы с трудами другого великого святого — преподобного Сергия Радонежского, которого называют игуменом Земли Русской. Святой Паисий жил в XVIII веке — в тяжелое время для Русской Церкви, когда в обществе царил дух секуляризма, породивший пренебрежения к Церкви и упадок духовности. Именно с именем преподобного Паисия (Величковского) связан процесс возрождения древней монашеской традиции, появления феномена русского старчества, корнями своими уходящего в афонскую традицию. Сам святой был устройтелем монашества на территории нынешней Молдавии и Румынии, однако его непосредственными учениками эта традиция была привита многим искомно русским обителям — в общей сложности более 200 монастырям, среди которых выделяется Оптиная и Глинская пустынь, с их уникальной старческой традицией. Ученики и приемники преподобного Паисия стали духовной силой Русской Церкви в борьбе с бездуховностью и нигилизмом охватившим русское общество в XIX веке.

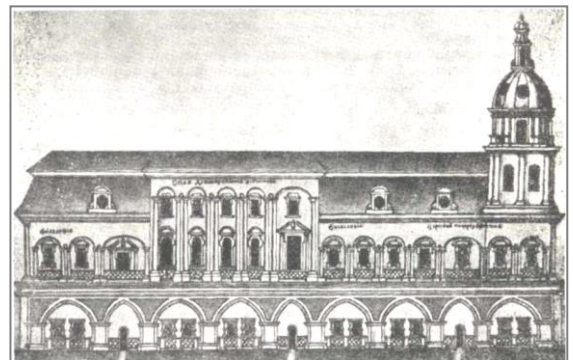
Святой Паисий, в миру Петр Иванович Величковский, родился в 1722 году в Полтаве. Он был назван в честь ревнителя духовного просвещения, борца с униатством святителя Петра (Могилы), прославленного совсем недавно, в 2005 году. Его прадед, дед и отец в свое время были протоиереями в кафедральном соборе Полтавы. Это и определило его жизненный путь.

Отец Петра и старший брат скончались, когда тот был еще ребенком. Поэтому забота о воспитании отрока легла на плечи его благочестивой матери Ирины. Она, не смотря на все трудности, смогла дать своему сыну достойное образование

и воспитать его в духе христианского благочестия.

В возрасте 13 лет он поступил в Киево-Могилянскую академию. Огромное влияние на будущего подвижника в это время оказал иеросхимонах Пахомий, который смог привить ему стремление к уединенной монашеской жизни. Излюбленным занятием Петра стало посещение находившихся в Киеве и его окрестностях монастырей.

Главный корпус Киево-Могилянской академии.
XVII век

Киево-Могилянская академия в то время была лучшим учебным заведением во всей Малороссии, дававшая образование сопоставимое с европейским. Однако весь учебный процесс был пронизан схоластикой, особое внимание уделялось преподаванию точных наук, философии и латинскому языку. Петр высказал начальству Академии мнение, что в учебном заведении не уделяется должного внимания изучению творе-

ний святых отцов и о ненужности преподавания языческой философии. И изъявил желание покинуть стены этой школы, чтобы удалиться в монастырь.

В возрасте 17 лет он оставляет Академию и начинает странствовать, ища себе обитель по сердцу. Первой такой обителью стал Любечский монастырь, настоятелем которого был благочестивый игумен Никифор. Петр был с любовью принят в число послушников. Здесь он учился молитве и послушанию. Однако в то время духовность отходила на второй план, отводя первенствующее место образованности и умению угождать руководству. Спустя всего три месяца игумен Никифор был переведен из обители. Новый игумен был человеком властным, видя в иноках своих бессловесных рабов, вследствие такого отношения нередко прибегая к рукоприкладству. Петр больше не мог оставаться в этом монастыре, так как, потеряв духовного руководителя, не видел более пользы для своей души пребывание в этой обители.

В поисках нового пристанища он пришел в Медведовский Николаевский монастырь на острове реки Тясмина, где был охотно принят и отправлен на послушание в трапезную. Вскоре Петр принял иноческий постриг с именем Порфирий. Интересно, что братия обители, проверяя его смирение, словно по ошибке называла его Платоном. Это имя и закрепилось за новопостриженным иноком. Но и здесь ему не удалось задержаться. В то время усилилось униатское влияние. Многие монастыри и храмы были захвачены и закрыты. Закрыт был и Медведовский монастырь. И иннок Платон удалился в новое странствие.

Некоторое время отец Платон подвизался в Киево-Печерской Лавре. Но его душа жаждала подвига. Тогда он отправился в Молдо-Валахию в обитель святителя Николая Чудотворца — Трействены, известную своим строгим уставом. А оттуда — в скит Керкул, отличавшийся особенной строгостью. Здесь его духовником стал странствующий иеросхимонах Василий. Получив огромную пользу для души, преподобный исполняя свою давнюю мечту, в возрасте 24-х лет отправляется на Афон. Удивившись жизни святогорских монахов, соприкоснувшись с живым богословием, с тем, о чем ранее он только читал у святых отцов,

иннок Платон остался на Афоне, где прожил 17 лет.

Собор Медведовского монастыря. 1905 год

Первым местом его подвигов стал монастырь Пантократор, где он подвизался 4 года. Первые дни на Афоне едва не стали для него последними. Приплыв на полуостров, он подхватил лихорадку, которая часто заканчивалась летальным исходом. Славянские монахи Пантократора растирали больного горячим спиртом, а потом через силу кормили и поили вином. Отца Платона, не привыкшего к вину, стало тошнить, что помогло ему победить недуг. Прибывшего вместе с ним иеромонаха Трифона спасти не удалось.

Все четыре года пребывания в этой обители сопровождалась страшной нищетой, которую преподобный терпел с величайшим смирением и благодарностью Богу. Его келья никогда не запиралась, а из имущества было только Священное Писание и святоотеческие творения. Вот как он сам вспоминал об этом времени:

«Когда я пришел во Святую Гору из моего православного отечества, я находился в такой нищете, что не мог уплатить три гроша долгу пришедшим со мною братьям. При моей телесной немощи я поддерживал мое бедственное существование одними подаяниями.

И если бы только святые отцы славянского племени, находившиеся на Святой Горе, не помогли мне, я никак не мог бы здесь существовать. Много раз зимою ходил я босиком и без рубашки, и такое мое существование продолжалось до четырех лет. Когда мне приходилось или от Лавры, или от Хиландаря доползти до бедной моей кельи

с подаяниями, или из лесу принести дрова, или сделать какое-нибудь другое тяжелое дело, тогда я по два и по три дня лежал как расслабленный».

В то время турецкие власти всячески притесняли насельников Афона, многие обители разорялись, не имея возможности оплачивать огромные налоги. С другой стороны русские монахи терпели постоянные нападки от греков, стремившихся изгнать русских насельников со Святой Горы. Известный путешественник Григорович-Барский писал, что недружелюбие греков довело до того, что русские иноки были вынуждены «се-мо и овамо по горам скитаться, и от труда рук своих зело нужно и прискорбно питаться, от всех презираемы. Лиси язвины имут и птицы гнезда своя, россы же не имут где главы приклонити на столь прекрасном, уединенном и иноческом житию весьма приличном месте». В таких условиях оскудела и духовная жизнь афонитов. Практически угасло старчество и практика «умного делания». Скитаясь по Святой Горе преподобный Паисий не мог найти себе духоносного наставника.

В это время на Афон прибыл его духовник, отец Василий, который постригает его в мантию, с именем Паисий. О подвигах отца Паисия стало известно во многих обителях и к нему стали стекаться послушники и монахи со всей Святой Горы, прося у него духовного окормления. Преподобный поселился в находящемся неподалеку от Пантократора скиту святого Константина. Вместе с ним поселились иноки из русских и молдаван. Сам святой Паисий вспоминал о тех трудностях, пережитых в этом скиту, так: «С наступлением зимы, не имея где преклонить головы, так как не было келий, мы начали сами строить при святом Константине пять келий и кто может изобразить нашу нужду, которую мы терпели в течение четырех месяцев без обуви и без рубашек, почти всю зиму строя кельи и таская землю и камень. К тому же еще, когда приходило воскресение или праздник, вместо отдыха нам приходилось бегать по монастырям за подаянием чуть не голыми, в худых одеждах, дрожа от холода. Тогда ради великой нужды и безмерного труда много раз братия, придя вечером, падала как мертвая и засыпала, не евши. В такой нужде много раз и правило наше оставлялось и вместо повечерия я приказывал

прочитать только "Помилуй мя Боже" и "Верую" и так и спать.

Афонская обитель Пантократор

Но и тогда мы не оставляли утреню, но по силе своей читали: иногда три кафизмы, иногда же и больше. Вместо же часов параклис Пресвятой Богородице, а иногда и часы читали. И, что еще скажу? Ради крайней нашей нужды хотели все рассыпаться, если бы милостивый Христос Господь не укрепил нас Своей благодатью в смирении, в терпении, в любви к Богу и друг ко другу, по заповеди Христовой претерпевать и этим все наши трудности преодолевать».

Вскоре братия упростила святого Паисия принять священный сан, чтобы совершать богослужения в скиту. Став священником и каждый раз совершая Божественную Литургию, преподобный Паисий плакал, осознавая свое недостойнство. Когда число братии собравшихся в келье святого Константина умножилось, преподобный испросил у греческого монастыря Пантократор всеми покинутую и ветхую келью, посвященную во имя пророка Илии.

Так на Афоне был основан Ильинский скит. При помощи жертвователей и трудом братии была построена каменная церковь, ограда, трапеза, пекарня, поварня, странноприимница и шестнадцать келий; в скит была проведена вода. В этом скиту возрождались древняя афонская практика Иисусовой молитвы.

Иноки подвизались в неукоснительном послушании старцу-игумену и успешно изучали

Писание и святоотеческое наследие. Такая сугубо молитвенная жизнь вызвала непонимание и даже ненависть у греческих монахов. Один из афонских иноков, старец Афанасий даже обвинил старца Паисия в ереси, тогда преподобный составил свой первый богословский трактат, посвященный практике Иисусовой молитвы. После такого ответа отец Афанасий осознал свою неправоту, раскаялся и, придя к старцу, просил у него прощения.

Братия кормилась собственным трудом и рукоделием. Сам преподобный Паисий трудился над изготовлением ложек, а ночи проводил в чтении и переписыванием святоотеческих книг, отводя на сон не более трех часов в сутки. Ильинский скит стал одним из центров афонского монашества. К старцу Паисию стекались множество иноков со всей Святой Горы за советом и наставлением, среди них был и византийский патриарх Серафим († 1779), проживавший на покое в монастыре Пантократор. Из-за увеличившегося количества братии преподобному предложили перейти в практически пустовавший монастырь Симонопетра. Взяв часть братии, преподобный Паисий стал подвизаться на новом месте, однако вскоре пришли турки и потребовали заплатить огромный налог. Святому пришлось отдать последние деньги. Биограф преподобного, схимонах Митрофан писал, что в этот раз не обошлось без греков, которые пригласили отца Паисия, чтобы он заплатил за них долг, после чего изгнали старца из обители. В любом случае, пребывание в монастыре Симонопетра было недолгим и преподобный спустя всего несколько месяцев вернулся в Ильинский скит.

Вскоре началось новое притеснение афонского монашества мусульманами. Вследствие чего в 1763 году святой Паисий с 64 монахами переселился в Молдавляхию, в пустующий Драгомирнский монастырь Святого Духа. Однако преподобный Паисий не оставил попечение и об афонской братии.

Предания и заветы старца стали основой жизни для Ильинского скита. В XIX веке в скит пришел старец Арсений, ученик одного из мол-

Свято-Ильинский скит

давских учеников старца Паисия, имевший большое влияние на все Афонские монастыри и скончавшийся в 1846 году.

С его именем связано новое возрождение духовной жизни скита. Наследниками старцев Паисия и Арсения стали старцы Николай, Андрей и Никодим, а затем имевший особенно большое влияние на Афоне и за пределами его — ду-

ховник русского Пантелеимонового монастыря иеросхимонах Иероним († 1885), и архимандрит Пантелеимонового монастыря Макарий, († 1888). Трудом и заботами этих старцев возник на Кавказе Ново-Афонский монастырь, также усвоивший себе предания преподобного Паисия.

Вернувшись в Молдавию святой принял великую схиму. Монастырская жизнь в обители строилась на основах нестяжательства и книжности. Здесь появились многие переводы святоотеческой письменности, которые были уникальными и единственными в России, среди них славянский свод Добротолубия, труды святых Исаака Сирина, Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина. Характеризуя эти переводы, святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: «Для монашества, которое живет по книгам святых отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицом без сомнения был старец Паисий. Русские же переводы не имеют этого достоинства».

Преподобный Паисий оставил и свои собственные труды о молитве и монашеской жизни. Но после того как земли, на которой располагался монастырь, перешли к католической Австрии святому Паисию с братией вновь пришлось странствовать. Он основал монастырь в Секуле (Черногория), а оттуда в 1779 году, по послушанию, с частью братии перешел в Нямецкую обитель (Румыния). Игуменом этого монастыря он был вплоть до своей кончины в 1794 году.

За свою праведную, подвижническую жизнь преподобный Паисий был прославлен в лике святых на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году.

Преподобный Силуан Афонский

Преподобный и богоносный отец наш Силуан, в миру Симеон Антонов, родился в 1866 году в селе Шовском Лебединского уезда Тамбовской губернии в благочестивой крестьянской семье. Отца его звали Иоанн, мать Соломонида. Кроме Симеона у Антоновых было еще четыре сына и две дочери. Родители будущего старца были людьми трудолюбивыми, кроткими и мудрыми от природы, хотя и неграмотными. Они очень любили принимать в доме странников. Однажды, тогда маленькому Симеону было чуть больше четырех лет, в дом к ним пришел один «просвещенный» книгоноша, который стал доказывать отцу, что Бога нет: «Где Он, Бог-то?». Мальчик удивился, услышав такие слова, и подумал: «Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога».

Село Шовское. Дом, где прошли детские и юношеские годы будущего преподобного Силуана

Прошли годы. Симеон вырос, ему исполнилось девятнадцать. Как-то одна его знакомая женщина ходила на богомолье и побывала на могиле известного подвижника — затворника Иоанна Сезёновского († 1839). Вернувшись домой, она стала рассказывать всем своим знакомым об исцелениях и чудесах, какие происходят на его могиле. Когда Симеон услышал этот рассказ, сердце его загорелось любовью к Богу, и он подумал: «Если он святой, то значит Бог с нами, и зачем мне ходить по всей земле искать Его». Симеон почувствовал себя вновь обретшим веру, ум его прилепился к памяти Божией, и он много молился с плачем. Тогда же он ощутил в себе внутреннее изменение и влечение к монашеству. Он даже просил отца отпустить его в Киево-

Печерскую Лавру, но отец не согласился: «Сначала кончи военную службу, а потом будешь свободен пойти».

Такое возвышенное состояние продолжалось три месяца, а потом Симеон вернулся к веселой деревенской жизни. Стал гулять с деревенскими девушками, увлекся одной из них и, прежде чем был поставлен вопрос о свадьбе, в поздний вечерний час с ними произошло плотское искушение. Так в шуме молодой жизни начал заглушаться в душе Симеона первый зов Божий к монашескому подвигу, но избравший его Бог снова призвал его. То было таинственное явление: голос тихий, совершенно необычайный по своей сладости и красоте, воззвал его. По глубокому и несомненному убеждению преподобного — это был голос Самой Пресвятой Богородицы.

Явление это случилось незадолго до начала военной службы и имело решающее значение для выбора его дальнейшего пути. Жизнь молодого человека изменилась в корне. Затем Симеон поступил на военную службу. Он служил в Петербурге, в лейб-гвардии, в саперном батальоне. И здесь он не переставал помнить о Боге. Сослуживцы запомнили Симеона Антонова как верного товарища, хорошего, спокойного и исполнительного солдата. Он много думал об Афоне, несколько раз посылал туда деньги для поддержания братии.

По окончании службы, перед самым отъездом домой, Симеон вместе с ротным писарем поехал к праведному Иоанну Кронштадтскому просить его молитв и благословения. Святого они в Кронштадте не застали, и Симеон написал ему короткую записку: «Батюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал». Вернулись в казармы, и, по словам старца, уже на следующий день он почувствовал, что кругом него «гудит адское пламя».

Приехав со службы домой, Симеон пробыл здесь всего неделю. Он быстро собрался и со множеством подарков, которые приготовили односельчане для афонской братии, отправился на Святую Гору. На Афон Симеон прибыл осенью 1892 года, а 1 января 1893 года он был зачислен послушником в братию Свято-Пантелеимонова монастыря. Он побывал у духовника на первой исповеди. Прошло немного времени, около трех

недель, и однажды, вечером, во время молитвы перед иконой Пресвятой Богородицы, молитва вошла в сердце его и стала совершаться там день и ночь, но тогда послушник Симеон еще не разумел величия и редкости дара, полученного им от Божией Матери.

Однажды ночью келья его наполнилась странным светом, который пронизывал даже и тело его так, что он увидел и сами внутренности свои. Помысел говорил ему: «Прими — это благодать», однако душа послушника смутилась при этом, и он остался в большом недоумении. После видения странного света ему стали являться бесы, а он по неопытности разговаривал с ними, «как с людьми». Бесы то говорили ему: «Ты святой», то: «Ты не спасешься». Послушник в молитве доходил до изнеможения, но бесовские наваждения не прекращались. И тогда в отчаянии Симеон подумал: «Бога умолить невозможно». С этой мыслью он почувствовал полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски.

В тот же день, во время вечерни, в церкви святого пророка Илии, что на мельнице, справа от царских врат, где находится икона Спасителя, он увидел живого Христа. «Господь непостижимо явился молодому послушнику», — и все существо, и самое тело его исполнилось огнем благодати Святого Духа. От видения Симеон пришел в изнеможение, и Господь скрылся. Невозможно описать состояние, в котором находился он в тот момент. Его осиял великий Божественный Свет, он был, как бы, изъят из мира и духом возведен на Небо. Кроткий взор всепрощающего, безмерно любящего Христа привлек к себе всего человека и затем, скрывшись, сладостью любви Божией восхитил его дух. Старец Силуан писал потом, что Господа познал он Духом Святым, и, что когда Сам Господь является душе, то она не может не узнать в Нем своего Творца и Бога. «Иное дело веровать в Бога, и иное знать Бога», — говорил он.

Храм Илии Пророка «на жерновах»

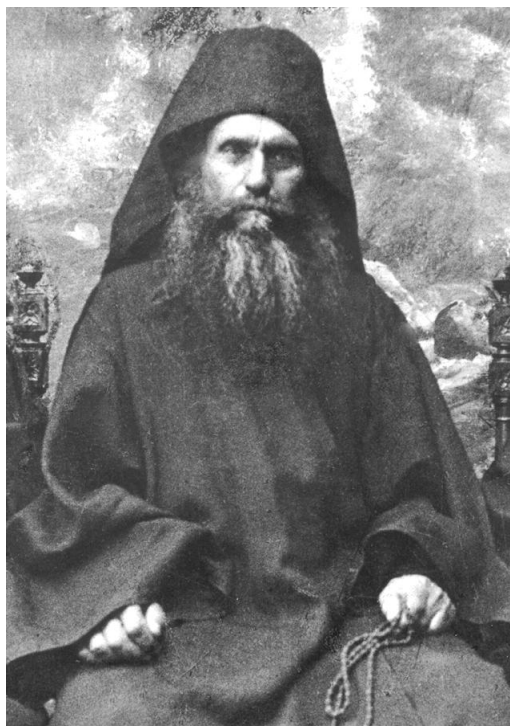
Первое время после явления душа послушника Симеона переживала пасхальное торжество. Но затем благодать стала отходить. «Познавшая Бога душа, — писал позднее преподобный, — ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: скучает душа моя по Тебе и слезно ищущ Тебя». Как обретается и удерживается благодать, почему и за что оставляет она душу — эти вопросы становятся главными для молодого подвижника.

23 февраля 1896 года послушник Симеон был пострижен в мантию с именем Силуан, а 10 марта 1911 года — в схиму с оставлением прежнего имени. Послушание монах Силуан первоначально проходил на мельнице, затем был назначен экономом, потом заведовал мастерскими,

продовольственным складом и, наконец, торговой лавкой. Внешне жизнь его ничем не отличалась от жизни остальных монахов Свято-Пантелеимонова монастыря.

Прошло пятнадцать лет с момента явления Господа на мельнице. И все это время монах Силуан искал благодати, главным средством для стяжания которой является молитва. Но, несмотря на все усилия, свет благодати часто оставлял его, а бесы толпой окружали по ночам.

Однажды, в одно из таких мучительных борений с бесами, когда, несмотря на все

Преподобный Силуан Афонский

старания, чисто молиться не удавалось, он встал с табурета, чтобы сделать поклоны, но увидел перед собой огромную фигуру беса, стоящего перед иконами и ожидающего поклона себе; келья была полна бесов. Отец Силуан снова сел на табурет и, наклонив голову, с сокрушением сказал: «Господи, ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен делать я, чтобы они не мешали мне?». И услышал ответ в душе: «Гордые всегда так страдают от бесов». «Господи, — сказал отец Силуан, — научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа». И снова в сердце ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Отныне он душой, по существу, познал, что корень всех грехов, семя смерти есть гордость. Он познал в опыте своей жизни, что полем духовной битвы является само сердце человека. И в сердце человеку является Господь. Монах Силуан после данного ему Господом откровения твердо стал на духовном пути. С того дня его «любимой песнью», как сам он выражался, становится: «Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе: “Где Ты, свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя”». Это делание привело скоро к миру души и чистой молитве.

Но и этот путь оказался долгим. И теперь страдал он от колебаний и изменчивости человеческой природы и продолжал плакать невыразимым плачем сердца, когда умалаясь в нем благодать. И так еще пятнадцать лет, пока не прилепился всем своим умом и сердцем, всем своим бытием к Богу.

Сорок шесть лет прожил преподобный Силуан в обители с общежительным уставом, и никогда не стремился к уходу в пустыню или в затвор. «Брат наш есть наша жизнь», — говорил старец. Через любовь Христову все люди воспринимаются как неотъемлемая часть личного бытия. Заповедь — любить ближнего, как самого

себя, — уже понимается не как этическая или моральная норма, а как принцип мироустройства. «Молиться за людей — это кровь проливать», — говорил преподобный, и постоянно просил Господа: «Молю Тебя, милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли». Если бы это случилось, тогда бы изменилось лицо Земли, и судьбы всех людей и весь мир преобразились бы «в один час».

У старца не было учеников. Самым близким по духу ему человеком был, пожалуй, монах Софроний (Сахаров, † 1993), который после преставления преподобного издал его творения. Почил святой Силуан 11 сентября 1938 года во втором часу ночи, поболел перед преставлением чуть больше недели. Погребен был в тот же день вечером в четыре часа. Спустя пятьдесят лет, в год празднования тысячелетия Крещения Руси, старец Силуан Константинопольской Церковью был причислен к лику святых, а в 1992 году по благословению святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II имя его было внесено в месяцеслов Русской Церкви.

Чудотворные мощи преподобного Силуана Афонского будут впервые доставлены в Россию с Афона для поклонения верующих в рамках празднования юбилея 1000-летия русского монашества на Святой Горе. Честную главу привезут в Россию 3 июля. Одним из пунктов пребывания мощей будет родина святого — бывшая Тамбовская губерния, а ныне Липецкая область.

Мощи преподобного Силуана Афонского

Монах Исихий (Святогорцев)

Светописанный образ

У входа в монастырь святого великомученика Пантелеимона на Святой Горе Афон, слева от святых врат (большая порта) висит фотография большого размера с надписью внизу на русском и греческом языках: «Чудо явления Божией Матери 21.08.1903», снятая на этом месте в последний день раздачи милостыни беднякам-сиромохам череками¹. Рядом сооружена сень-часовня, посвященная этому событию, с искусственным фонтанчиком посередине, а с северной стороны ее находится икона, на которой изображена Матерь Божия с булкой хлеба в руках.

Раздача милостыни в Русском Пантелеимоновом монастыре была начата собирателем русского монашества на Афоне старцем Иеронимом и заповедана им в неукоснительное исполнение последующим поколениям для привлечения к обители милости Божией.

Когда отец Иероним в 1840 году по приглашению греческих старцев со своей пустынной келлии переселялся на духовничество в Пантелеимонов монастырь, он все запасы, бывшие в келлии, раздал бедным пустынникам, так что две недели всех кормили и угощали. Тем самым старец положил начало милостыни, которая потом обильно изливалась из его щедрых рук. Будучи сам по себе добрым, любвеобильным и милостивым, в раздаче милостыни он видел не только исполнение своих благих намерений, но исполнение воли Божией, определившей Русику питать нищих сиромомах, этих рабов Божиих, молитвами которых, может, и стоит мир.

Обучаясь умно-сердечной молитве, отец Иероним ежегодно, пока это ему позволяло его некрепкое здоровье, весной обходил всю Святую Гору. Посещая пустынников, он собирал от них мед духовный, а им помогал милостыней, так что все они ему были знакомы и приходили к нему в мо-

Светописанный образ Пресвятой Богородицы

настырь сотнями, и он знал нужду каждого прежде его прошения. Кому давал чаю, кому сухарей, кому вина и просфор для литургии, кому одежду или облачение священническое для церкви, а у ворот обители всегда был запас сухарей и прочей пищи для тайных подвижников, которые, избегая людей, приходили ночью.

Афонское монашество всегда содержало в себе все виды подвижничества: монастыри, где монахи всем необходимым обеспечены и могут заниматься только тем, что «едино на потребу»; скиты; келлии — отдельные жилища с домовою церковью, где проживало 3-5 человек; каливы — жилища без церкви, но имеющие иногда отдельные комнаты, кавьи, которые сдаются хозяином в наем, под квартиру более бедным монахам за определенную плату. Кавиоты называются еще си-

¹ Черек — турецкая монета.

ромахами. Живут они своим рукоделием, подрабатывают в монастырях, а большей частью питаются милостыней. Существуют еще и разного рода отшельники.

Отец Иероним знал обо всей этой необеспеченной материально бедноте, которая терпела добровольные злострадания ради Христа, и поэтому многие из сиромых были велики пред Богом. К некоторым из них старец обращался за молитвенной помощью, и ему давно приходила мысль взять их под свое покровительство, но бедность собственного монастыря, неуплаченные долги вынуждали оставлять это благое желание неисполненным.

Однажды братия разгружали пришедшее из России монастырское судно. Время было позднее, и отец Иероним, жалея братию, распорядился отложить разгрузку до утра. Ночью поднялся шквал, порвал главные снасти судна и посадил его на мель, а до утра буруны разъяренного моря выбрасывали обломки судна на берег. Какое огромное лишение для обители! Через некоторое время приобрели другое судно за 10 тыс. рублей. Нагрузив его пшеницей и прочими продуктами, из Таганрога отправились благополучно, но в проливе Дарданеллы судно наскочило на подводный камень и немедленно пошло ко дну. Братия спаслись на запасных лодках. Многим тогда было возмущено, что гибель судов была попущена от Бога именно за недостаток вспоможения бедным.

Отец Иероним немедля с полным самоотвержением решил тогда поделиться с голодавшими сиромыхами последним куском хлеба, для чего еженедельно им стали выдавать сухари, деньги и прочее необходимое для пропитания. И старец не ошибся — из России стала присылаться изобильная милостыня, а вместе с тем и благодать Божия явно содействовала как монастырю, так и русским людям, подающим свою лепту. «Не мы их кормим, а они нас», — говорили отцы со слезами на глазах, видя такое чудо.

О раздаче милостыни очевидец писал так: «В воскресные и праздничные дни бывает громадное стечение народа в монастыре. При сем поражает жалкий вид посетителей, одетых в рубища, полураздетых, изможденных и больных. Сперва я думал, что все эти проходящие бедняки-монахи принадлежат Русику, но впоследствии оказалось,

что это различные подвижники Афона. В числе их видишь греков, болгар, молдаван и русских. Всех их кормят за второй трапезой, после которой идут они к келлии духовника отца Иеронима, где им раздается заготовленное заранее подавание... Приятно смотреть, как преподобный Иероним раздает милостыню. Обыкновенно вся нищета собирается к нему в коридор, который часто не в состоянии вместить всех проходящих. Преподобный старец выходит из своей келлии, приветствуемый почтительными поклонами, и прежде всего обходит всех просителей, а потом уже раздает и вещи. При раздаче присутствуют некоторые из братии, особенно заведующие раздаваемыми вещами. Всякий проситель объясняет свои нужды, и отец Иероним беседует с каждым на его родном языке. Кроме того, он хорошо знает образ жизни всякого просителя, поэтому-то все и обращаются к нему, как к своему отцу и благодетелю, с полной уверенностью, что он им ни в чем и никогда не откажет»².

Однажды портарь отец Алипий, старый заслуженный монах, грубо обошелся с сиромыхой-пустынником. Свою совесть, тяготившуюся этим, он открыл отцу Иерониму. Старец запретил ему за это святое причастие, заставив долго искать оскорбленного пустынника. И когда отец Алипий отыскал его в Кавсокаливском скиту (два дня ходу от нашего монастыря), привел в монастырь, испросил у него прощение, дал ему необходимую милостыню, тогда только отец Иероним разрешил отцу Алипию причащаться, внушительно сказав: «Помни это». Так высоко старец понимал дело милостыни, раздачу которой он установил несомненно по внушению Божией Матери, пекущейся о Своих насельниках.

В свою монастырскую больницу, кроме своей братии, отец Иероним повелевал принимать всех проходящих: «сиромыхов, с бедных келлий, странников проходящих, монахов или же мирских, взяв на то предварительно благословение у кого следует»³.

² Арсений, иеромонах. Письма с Афона к новообратившимся из разных сект русского раскола к Православной Церкви // Душеполезное чтение. М., 1884. Ч. 2. С. 200—201.

³ Великая стража: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. М., 2001. С. 528—229.

Случалось, что больного, который не в состоянии был сам ходить, просто привозили и оставляли у больницы. Таковых также принимали, ибо это «Лазари», как называл их отец Иероним, лежащие при вратах богатых.

«Нам через них-то и посылает Господь милостыню в обитель», — говорил старец.

На больного, принятого в больницу, старец наставлял смотреть, как на Самого Христа, и всевозможно стараться успокаивать его и не оскорблять. И даже если тот не имеет никакой болезни, но говорит, что больной, то из больницы его не высылать, а утешать и свежую рыбкою угощать (если таковая будет). Может, он больной душевно и скорбит от того.

Когда число русских на Афоне значительно возросло и стало беспокоить греков и патриарх Иоаким официально запретил давать русским келлии и каливы, по воле отца Иеронима в 1882 г. в монастырских владениях был отделен значительный участок земли у морского берега для поселения русских келлиотов и каливитов, теснимых греками, а также для братий монастыря, желавших уединения. На средства монастыря был построен соборный храм для общей молитвы, устроена больница на 20 человек, и пустынь, названная отцом Иеронимом Новой Фиваидой, наполнилась отшельническими каливами. Старцем Иеронимом для новой пустыни был написан строгий устав скитской жизни. Бедные и нищие сиромахи, самые старые и беспомощные, не имевшие где главы поклонить, нашли там себе приют, чтобы только удостоиться помереть в уделе Божией Матери при постоянном попечении и заботе со стороны монастыря.

Одному греческому подвижнику во время нестроения в монастыре явилась Мать Божия и, указав на причину разлада, сказала: «Обрати внимание, как мудро поступили русские, создав пустынь Новая Фиваида, которая дала приют больным и старым монахам, а также сиромахам, ски-

Пустынь Новая Фиваида. Фотография 2012 г.

тавшимися по Афону. Все это возымело дерзновение пред Богом и имеет особое Мое покровительство за милосердие и сострадание к тем, которые отвергались в монастырях». Поэтому, без сомнения, пустынь Новая Фиваида устраивалась также по повелению Божией Матери, по особому Ее внушению отцу Иерониму, который ничего не делал по своей воле.

После смерти отца Иеронима поток благочестивых людей из России, стремившихся к иночеству и желавших во что бы то ни стало жить и умереть на Афоне, все возрастал. Пантелеимонов монастырь в начале XX в. был уже настолько переполнен, что до 120 человек вовсе не имели келлий. Общее число братства вместе с находившимися на метохах, на подворьях в России приближалось уже к 2 тысячам.

В таком же положении были и скиты Андреевский и Ильинский. Русские келлии вырастали и превращались в монашеские общежития с числом братства в 100 человек. Пожертвования из России позволяли этим обителям расширяться, строить большие и великолепные храмы, заводить подворья и дома в Константинополе и в разных местах России. Но при всем том число русских сиромах увеличивалось, Пантелеимонов монастырь и русские скиты могли им помочь только милостыней.

Кроме русских бедняков в числе нуждаю-

щиеся были и греки, и болгары, и сербы, и румыны, и молдаване — все они одинаково пользовались милостыней, которая в Пантелеимоновом монастыре установилась как денежное пособие турецкими монетами (череками): раз в неделю выдавалось столько, сколько было необходимо для пропитания до следующей раздачи. При отце Иерониме в 1870-х годах череки получали только 60 человек, через 10 лет — 160, а в 1903 году их было уже 700 да еще 300 на Карее, не могущих приходить по болезни, старости и дальности.

В 1886 году, уже после смерти отца Иеронима, иеромонаху Нифонту было такое сонное видение. В его келлию вошла величественная сияющая Жена (конечно, Божия Матерь) и говорит: «Скажи отцу Макарию (игумен Пантелеимонова монастыря в 1875-1889 годах), чтобы не затворяли врата для нищих, ибо у Меня много золота и серебра». Сказавши, стала удаляться из келлии. Он проснулся и как бы ощущал продолжающееся сияние. Усумнившись, он походил по келлии, помолился и опять задремал, и опять то же видение и слова. Он подумал, не вражеское ли это, и опять задремал и в третий раз увидел и услышал то же. Просыпаясь, оба раза снова видел как бы продолжающееся сияние.

Видение это именно отцу Нифонту, а не кому-либо другому было не случайно, а промыслительно. В 1896 году он был избран по жребию наместником, стал вторым лицом в монастыре после игумена, его преемником, а в 1903 году по кончине игумена отца Андрей (30 октября) возглавил обитель.

В 1889 году отошел ко Господу игумен отец Макарий. В своем завещании он чуть ли не дословно повторил слова Божией Матери, сказанные отцу Нифонту: «Врата обители да не затворяются никогда для нищих и убогих и всякого требующего...»⁴

В 1895 году, в день памяти святого апостола Андрея Первозванного, небесного покровителя игумена Андрея, собрались по обычаю сиромахи со всей Афонской Горы, чтобы поздравить своего кормильца и благодетеля, а вместе с тем и получить утешение, но милостыни почему-то не было.

Властный и видный деятель монастыря эконом отец Павел распорядился не выдавать и вдобавок ко всему объявил, что отныне милостыня прекращается, чтобы больше не приходили. Неожиданная болезнь поразила его и через пять дней он скончался.

*Свято-Пантелеимонов монастырь.
Главный вход в обитель. Фотография. 2012 год*

Шло время. Материальной нужды монастырь не знал, монахи расслаблялись, сердца их грубели, старческие заповеди постепенно забывались, братолюбие и сострадание уменьшались, себялюбие, жестокосердие и беспечность при полном достатке возрастали. 800 человек сиромах в неделю уже становились в тягость и начинали об этом поговаривать даже на собрании старших у игумена.

Эллинский национализм со своей стороны, опасаясь «панславизма», стал бояться усиления русского влияния на Афоне из-за милостыни. И вот Господь, чтобы уменьшить вину наших отцов, попустил вмешаться в это дело священному

⁴ Цит. по: Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. М.; СПб., 2011. С. 363.

киноту, решение которого оставить без внимания было нельзя.

В 1903 году, в августе месяце, из афонского протата на имя игумена Андрея пришло письмо, в котором содержалось нареkanie священного кинота Святой Горы относительно милостыни, раздаваемой череками, что она бесполезна, особенно вредна для молодых. Говорилось, что многие злоупотребляют ею, и предлагалось заменить ее другим видом помощи, более целесообразным. В случае неисполнения кинот обещал ходатайствовать пред более высокими властями о прекращении милостыни.

Подобный упрек со стороны греков прозвучал еще во время греко-русской распри 1874-1875 годов. Вожаки возмущения требовали тогда устранить нищих, говоря, что от них больше вреда, нежели спасения. На это отец Иероним отвечал твердо, что он и его единомышленники допустить это считают за грех и боятся Божия наказания. Старец говорил, что если среди нищих и есть неблагонамеренные, то это единицы, и что если и допустить их устранение, то только не русских, имеющих полное право на помощь, текущую из родного отечества.

Наш антипросоп в киноте отец Григорий говорил, что он пытался защитить раздачу милостыни, но его не послушали. Со стороны же монастыря никакого ответа на письмо не последовало.

21 августа на большой порте перед собравшимися сиромашами было прочитано протатское письмо на греческом и русском языках. Многие слушали со скорбью, а некоторые и равнодушно. Стали подходить к портарю отцу Алипию за череками. В это время иеромонах Гавриил снял фотографию на память. Старики шли в лохмотьях, молодых было не так много, может быть несколько десятков, и из-за них-то и должна была прекратиться эта милостыня. Пришли и выпившие, но единицы. Один грек долго говорил отцу Алипию, что чем теперь жить, бранили и протатских антипросопов.

Незадолго до того один сиромаша-пустынник несколько раз видел женщину при раздаче череков, об этом он говорил портарю, хотел было показать, но при последней раздаче ее не оказалось. Когда же проявили фотографию, то впереди колонны бедняков, покидавшей мона-

стырь, «оказалась плачущая женская фигура в монашеском одеянии». «Греческие монахи объясняли, что это Сама Матерь Божия показала, что Она скорбит о бедняках, которых лишили помощи. Фотография эта есть и по сей день во многих монастырях на Афоне»⁵.

Фотография, сделанная 21 августа 1903 года, во время раздачи изображающая чудо явления Божией Матери

Такое общеафонское истолкование этого чуда записал Н. Панайоти в своей брошюре «Св. Гора Афон и славяне» (Берн, 1963 г.). Также и отец Виссарион (Остапенко), бывший на Афоне в начале 1970-х годов, писал в своих стихах:

Получен снимок без обмана —
Он Святогорцев поразил:
Без всякой лжи или тумана
Он Божью Мать изобразил
<...>
Скупых монахов обличала
Своей премудростью такой.

Замечательно то, что фотографию сняли при «первой подаче черека», т. е. в самом начале, когда подошел первый человек и впереди еще никого не было.

Н. Панайоти дополняет, что националисты-эллины под воздействием «русофобии» приписывали политике «захвата» широкую благотворительность русских среди греческого населения: «Русские монахи привозили каждую осень в конце XIX и начале XX столетия в беднейшие местности

⁵ Панайоти Н. Св. Гора Афон и славяне. Берн, 1963. С. 22.

Греции — Агиос Николаос, Агиос Никитос, Сикия и другие — запасы пшеницы и безвозмездно раздавали нуждающемуся населению. В Русском монастыре св. вмч. Пантелеимона на Афоне каждый четверг собирались бедняки и получали там нужные им вещи, деньги и пищу. Греки смотрели на это как на пропаганду русского имени. Протат запретил эту раздачу, ссылаясь на то, что некоторые личности употребляют полученные деньги на пьянство»⁶. Протатские греки боялись, что через милостыню русские и вовсе могут завладеть Афоном, и чтобы не допустить того, в Киноте даже ставился вопрос об удалении со Святой Горы кавиотов с помощью полиции.

После этого сиромахи продолжали приходить, но им выдавали только хлеб и сухари и даже не кормили обедом. Игумен отец Андрей, желая выполнить кинотское указание, отвечал сиромахам просто: «Не велено давать вам». Многие сокрушались: чем теперь жить, хоть с Афона уезжай.

Отец Андрей оказал послушание киноту, чтобы оставаться спокойным. И хотя милостыню, по сведениям, все-таки собирались понемногу и в разное время раздавать, тем не менее старческая заповедь, которая была от Бога, оказалась нарушенной.

Отец Андрей в данном случае «в простоте» своей оказался недальновидным. Отец Иероним также был прост в обращении и всякому доступен. Но он не согласился за послушание принять канонизм, составленный священным кинотом в 1875 году для совместного жительства русских и греков в одном монастыре, как несправедливый и несообразный. Старец готов был делать уступки материальные, но в том, что касалось чести и славы монашества, спасения душ человеческих, он стоял твердо. Он обратился тогда к патриарху при поддержке русского посла в Константинополе, и патриарх вынес справедливое решение. И позднее, когда кинот получил указание патриарха не давать русским келлии и каливы, старец Иероним, защищая от греческих филетических притязаний русских пустынных и отшельников, открыл для них пустынь Новую Фиваиду.

Когда в августе 1903 году запретили раздачу милостыни, беспокоился по-настоящему о слу-

чившемся только на Карее наш антипросоп отец Григорий, тронутый слезами и жалобами сиромах, досаждавших ему ежедневно. В письме игумену он просил обратить серьезное внимание, что сиромахи за милостыню вопиют до небес, просил принять меры, чтобы восстановить заповедь старцев Иеронима и Макария, иначе обитель постигнет гнев Божий за презрение меньших братий Христовых.

С тех пор помощь беднякам хоть и оказывалась, как выше упоминалось, и деньги негласно и в разное время выдавались, но прежнего внимания и милосердия уже не было. Трудно стало сиромахам добиться допуска в монастырь даже по важному делу, часами нужно было выстаивать на холоде, портари и гостинники как нарочно стали очень грубы. И вообще отмечалось, что в обители у нас стало хуже с тех пор, как «вытолкали Христа». Отец Виссарион пишет:

Ее Всещедрую рукою
Гора снабжается всегда
Вином, елеем и мукою,
Своя лишь вкусная вода.

И остальное пропитанье
Она Афону подает.
Трудися, инок, без роптанья,
Душа псалмы пускай поет.

Но не послушали монахи,
Не вразумилися сполна,
О чем горюют сиромахи
И вся афонская страна.

За три года до отмены милостыни одному из монахов в сонном видении было показано, что ожидает нашу обитель в будущем. Видел он монастырь, в то время переполненный монахами, совершенно запустелым, поросшим тернием и опутанным веревками. Святой великомученик Пантелеимон совместно со святителями Николаем и Митрофаном явились поочередно каждый над своим храмом и после краткого между ними совета сказали: «Потерпим».

Конечно, не за одну только отмену милостыни последовало разорение обители, но за общее отступление от монашеских правил, изло-

⁶ Там же.

женных в старческих заповедях, как и падение России — за отступление от Бога.

Через десять лет, в 1913 году, случилась трагедия, в результате которой резко сократилось число русского монашества на Афоне. Гордость и желание богословствовать одних, стремление при этом захватить власть других, с одной стороны и древние сатанинские замыслы очернить и уничтожить монашество — с другой, соединились и вылились в бунт имябожников. Монахи-молитвенники стали бунтарями. Третья часть монахов монастыря, не захотевших покориться Церкви, вывезена в Россию, молитвенная опора России и ее государя-самодержца поколеблена.

Через год началась мировая война. Все послушники призывного возраста были мобилизованы в русскую армию. Связь с Россией прекратилась. Октябрьская революция окончательно отторгла русских афонцев от родного отечества и лишила всяких надежд на пополнение и помощь оттуда; лишила их денежных сбережений, хранившихся на родине, и подворий; 137 человек, проходивших там послушание, не могли теперь возвратиться обратно.

Привыкшее жить в достатке братство сразу и во всем ощутило нехватку. Старые запасы быстро иссякли. Отсутствие денежных запасов вынудило приступить к займу у греческих монастырей.

Скудость была во всем: и в пище, и в одежде, и в предметах первой необходимости. Основным источником дохода стал лес и метохи на Кассандре и Каламарии. Братия сами много работали на метохах, на огородах, виноградниках, маслинных садах, рубили лес. Экономская служба оказалась неспособной к правильному ведению хозяйства. Все делалось допотопным образом, в результате чего везде терпели убытки: и при заготовке, и при закупке продуктов. Труд братий обогащал греческих купцов, а монастырь получал гроши. Везде была неорганизованность.

И все же, несмотря ни на что, обитель во время войны и после питала хлебом 250 человек пустынников.

Трудное это было время «перестройки» на самостоятельную жизнь без помощи отечества. Лес вскоре оказался вырублен, метохи отобраны греческим правительством, новый закон запретил прием новых насельников в братство негреческих

монастырей. Для уплаты долгов начали продавать грекам иконы, облачения, драгоценные вещи, причем по довольно низким ценам довоенного времени. С упадком материальной жизни началось падение и жизни духовной. Люди быстро изнашивались физически и духовно, болели. Старики умирали, молодого пополнения не было.

Снова раздались голоса: беззащитный, лишенный моральной поддержки монастырь Русик сделать греческим. Снова русские монахи стали терпеть притеснения от греков. И снова, как и всегда бывает в таких случаях, стали ближе к Богу, стали надеяться на помощь Свыше, о чем забывается при полном достатке.

Братия видели явный покров Божией Матери во время войны, когда среди грома пушек Афон оставался тихим пристанищем. Знали они о тех бедствиях, которые терпели люди Греции и России в это время, знали об ужасах гонения на Церковь в своем отечестве. Они благодарили Бога и Матерь Божию за свои сравнительно незначительные скорби, смирились, терпели и калялись, считая себя виновниками за попущенное наказание Божие.

35 лет управлял обителью богомудрый старец игумен отец Мисаил († 1940), на долю которого выпало пережить все это трудное время. Ученик старцев Иеронима и Макария, ревнитель старческого устава, он не видел иного выхода из тяжелого положения, как только в соблюдении обителью своих монашеских обетов, в благоугождении Богу. И Господь не посрамил. В обители снова установился уставной порядок, необходимый для спасения, которое всегда легче совершается в житии скудном, нежели в обеспеченном. О тех временах, достаточно благоприятных для спасения, хорошо сказано в общеизвестных записках преподобного старца Силуана.

Другой очевидец, румынский старец Дионисий († 2004), с восторгом вспоминал русских монахов 1930-х годов. Он их называл настоящими подвижниками. Знал он и старца Силуана, и множество других, подобных ему, кротких, добрых молитвенников, у которых было чему поучиться. «Тогда, — говорил он, — над головой Силуана не было светлого круга, признака святости, внешне он ничем не отличался от других, множеств таких монахов было в Пантелеи-

моновом монастыре».

Это действительно было благоприятное время духовного подъема, когда прежний уклад монастырской жизни, заложенный старцами, еще не был забыт, а пережитые скорби, настоящие лишения, будущая неопределенность положения не позволяли монахам расслабляться. Но, как бы то ни было, братства с каждым годом становилось все меньше и меньше, ежегодно смерть уносила около 25 человек.

При игумене Мисаиле число братий составляло еще 500 человек, а в 1960-х годах оно сократилось до 20, половина которых были больными, а самый молодой из них достиг 60 лет. В это время, в 1966 году, когда мера испытания уже начинала превышать человеческие силы, пропустили, наконец, из России в пополнение первых четырех монахов. Через два года новое наказание. Случился пожар, который уничтожил значительную часть монастырских построек. Отец Виссарион писал:

Неузнаваема обитель
Стоит уныла в наши дни:
По поущению губитель
Навел и скудость, и огни.

Пожары вмиг испепелили
Гостинну, храмы и леса.
Обитель хламом завалили,
Когда горели корпуса.

Об этом было предсказанье
Еще в прошедшие века,
Что не уедлит наказанье,
Беда постигнет велика.

В таком печальном положеньи
Остались наши земляки.
Не описать все в изложеньи —
Не для моей это руки.

Да, описать трудно то, что пережили тогда физически беспомощные, но духом и упованием на Бога крепкие люди.

В начале 1990-х годов в России снова произошел переворот. Оставили коммунизм недостроенным, объявили «перестройку», развалили «Союз нерушимый», разграбили, сделали одних нищими, других миллионерами. Но Церковь получила свободу. Люди, потерявшие свой идеал, смысл и цель в жизни, стали пробуждаться. Выезд за границу стал возможным, и снова на Афон потянулись русские, как богомольцы, так и желающие подвизаться.

Прошло уже больше 100 лет со дня отмены милостыни. Новое правительство России, теперь уже не царское, протянуло руку помощи. Сгоревшие корпуса восстановлены, монастырь приобретает прежний внешний вид. В память о событиях 1903 года в монастыре написана икона «Светописанный образ», в честь которой освящен и параклис, составлена служба и ежегодно теперь 21 августа (по старому стилю) совершается всенощное бдение.

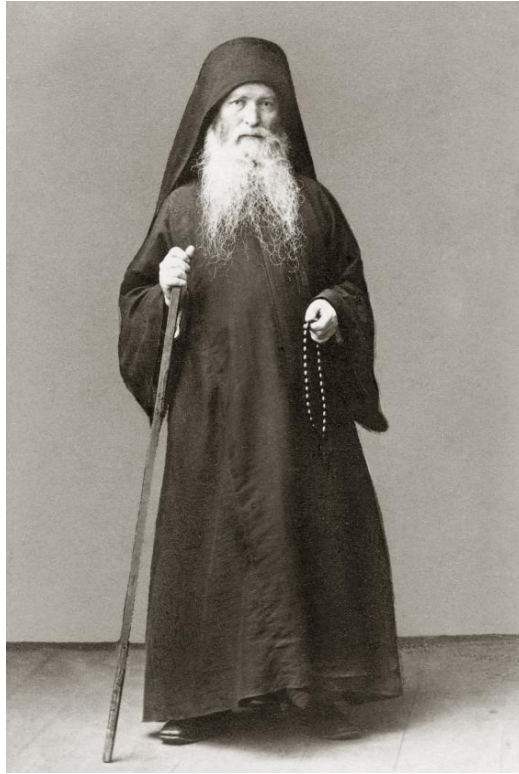
Вспоминая то печальное событие, братия и многочисленные пустынники, которые всегда нуждаются в помощи, прославляют и величают Божию Матерь, молятся об исцелении своих сердец от жестокосердия и немилосердия. Просят Царицу Небесную даровать им ту простоту сердечную и братолюбие, которые имел сам отец Иероним и которые царствовали при нем в обители, а через них вернуть и прежнюю милость Божию, былую добрую славу обители. Просят, чтобы богоугодный и душеспасительный порядок, установленный и заповеданный старцами, вновь возродился и таким сохранялся бы до скончания века.

Жизнь отца Иеронима, духовника Русского Пантелеимонова монастыря, им самим рассказанная

Вниманию читателей предлагается автобиография старца-духовника Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова; † 1885). Она была собственноручно записана им незадолго до своей кончины, но доведена только до 1840-1850-х годов. Великий афонский старец повествует о раннем периоде своей жизни и начале иноческих подвигов: детстве и юности в родительском доме, семейном благочестии, о поисках «тихого пристанища спасения», прибытии на Афон и жизни в пустынной келлии. Записи старца заканчиваются

кратким рассказом о своем переселении с двумя учениками в Русский монастырь — события, случившемся в 1840 году, которое сильно повлияло на дальнейшую историю Святой Горы и всю афонскую жизнь. Последующая подвижническая деятельность иеросхимонаха Иеронима в Русском Пантелеимоновом монастыре имела огромное значение для возрождения в XIX веке, укрепления и духовного процветания русского афонского монашества и развития его многогранных, духовно плодотворных связей с Россией.

Во славу Божию начинаю мою биографию на Афоне в 1885 году.

Родился я в России, в Курской губернии, в городе Старом Осколе, от православных и благо-

честивых родителей из купеческого сословия по фамилии Соломенцовы в 1805 или 1806 году (запись и метрика затеряны были). Крещен в приходе Казанско-Николаевской церкви священником Иоанном.

Старый Оскол. Курская улица. Фотография. Начало XX века

Предки мои были родом из Тульской губернии города Дедолова, из духовного звания. Пращур был иерей именем Петр. Пришел и поселился на жительство в этом новом пограничном городке в начале XVII века. Фамилия его была Соломенцов. У его сына Феофилakta было пятеро сыновей первый назывался Константин, второй — Никифор, третий — Илья, четвертый — Иван, пятый, меньший, — Григорий, который был мой дед. От деда Григория родился мой отец Павел Григорьевич Соломенцов, у которого было четыре сына и одна дочь. Большой сын назывался Алексеем (в монашестве Аркадий),

третий был я, в Крещении назван Иоанном. Родился июня 28-го дня и в тот же день крещен во имя Иоанна Бессребренника. Сестра называлась Евдокия (в монашестве Маргарита, теперь игуменья Борисовского монастыря Курской губернии). Четвертый сын был Димитрий.

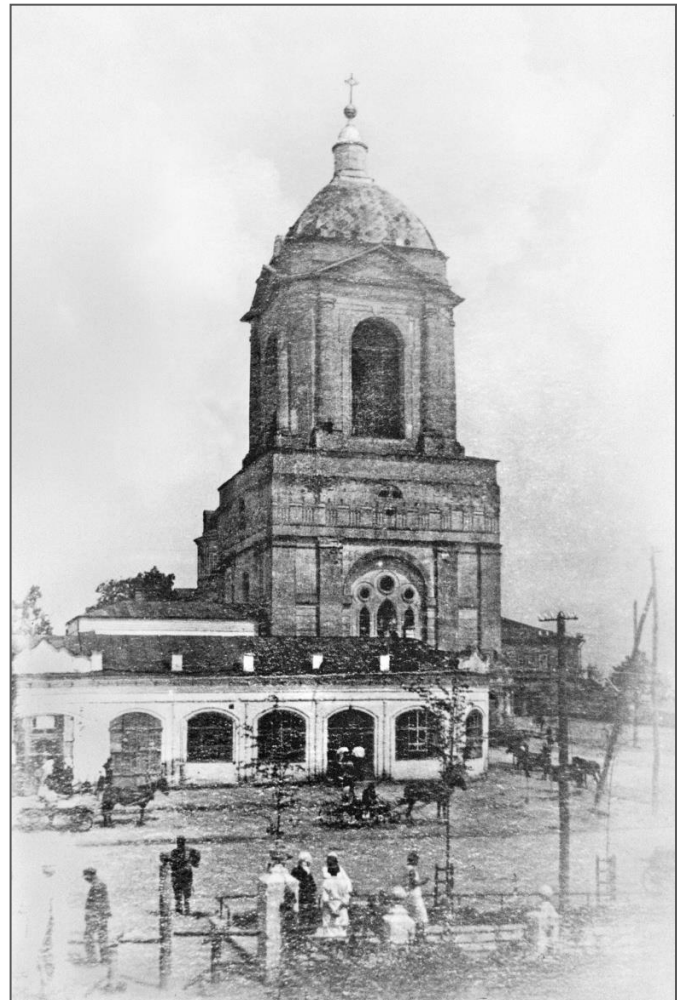
Дом наш сперва был на большой улице против Успенской церкви (которая прежде была женским монастырем). В этой церкви в это время был священником отец Иаков Белявский, вдовец. Очень был благоговейный, тихий, служил часто со слезами (я это потому знаю, что я несколько лет при нем пономарил).

Семейство наше любило часто ходить в церковь, особенно бабушка наша, которая почти каждый день ходила на всякую службу. Но надобно сказать, к чести моих сограждан, что в мое время они любили посещать святые храмы, особенно в воскресные дни и праздники — полны народа все церкви (которых в то время было семь). Как я помню, от 1810 до 1830 года нравственное настроение моих сограждан было очень религиозное, благочестивое. Раскольников и сектантов вовсе никого не было в городе. Посты хранили и среды и пятницы тоже, а особенно Великий пост почитали; не слышно было, чтобы какой дом разрешал есть мясо в посты. Даже и дворяне соблюдали посты. А теперь говорят, что сограждане наши пофранцузились: не хранят постов — верно, думают, что это не грех. А отцы этак не делали. Помню, однажды в Великий пост, в субботу, купец Осип Максимович Фастов купил на базаре раков и нес домой. Увидавши его, Симонов удивился и сказал ему: «Вот ты и сам знаешь устав церковный, что это грех есть в пост, а ты соблазняешь других этим». Тот отвечал ему: «Я по благословению устава ем раки; там сказано, что в Великий пост разрешается по субботам и неделям есть чрепокожные».

Однажды в Лазареву субботу семейство наше пригласило священника в дом на обед. Священник пришел, пообедал и после спросил, из чего приготовлен был суп. Ему отвечали: из потрохов свежей рыбы. «Да разве сегодня позволяется это есть?» — спросил священник. Ему отвечают, что сегодня едят икру. «Да, — сказал священник, — икру, а не рыбу». Ему отвечали: «Простите, батюшка, в супе нашем не было рыбы, а один по-

трох, а потрох не рыба». «Нет, — сказал священник, — потрох все равно, что и рыба, потому не должно так делать». Тогда они смутились и попросили извинения, что вместо угощения по неведению сами согрешили да и священника ввели в грех. Вот какие тогда были священники и христиане!

На восьмом году меня отдали в школу учиться грамоте. В то время еще в городе не было уездного училища, а была «государева школа», в которой я был три года: выучился читать, писать, рисовать, грамматику, арифметику и тем окончил жалкое купеческое образование. Увы! Если бы не помогло семейное благочестие и церковное пение да случайное чтение единственного в то время духовного журнала «Христианское чтение», я, подобно моим сверстникам, погрузился бы в грубое душевное житие.

Казанско-Николаевский храм в Старом Осколе, где был крещен Иван Соломенцов (будущий иеросхимонах Иероним). Фотография. Начало XX века

От отроческих лет церковь была моим единственным утешением. Звонить, кадило подавать, находиться в алтаре, читать и петь — эти занятия были для меня *паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Бабушка моя была неграмотная, но очень любила слушать чтение житий святых. Часто она заставляла меня читать Четий Минеи, а потому я рано знал их. Часто случалось, что от долгого чтения начну дремать, тогда бабушка вынет из большого своего корсета сосульку медовую, или груздик, — я съем ее, и ободрюсь, и еще прочитаю житие. Таким образом я сделался чтецом хорошим, бойким.

В то время благочестивые мои сограждане были большие охотники до церковного пения, так что и богатые купцы из первых домов за честь считали ходить на клирос. Особенно приснопамятны купцы Симоновы, которые постарались и хор певческий составить, куда и я был приглашен еще молодым, лет семнадцати. Это меня очень утешало. Общество было прекрасное, певали много и концертов. В семействе моем все умели петь. Бывало, под праздник или в воскресенье сойдемся все в залу, покадим и лампаду зажжем и начнем петь догматики, стихиры, ирмосы, тропари, Херувимские и прочее. Голоса были громкие, все знающие: тенора, четыре баса, а женщины — альты и дисканты. Таким образом три-четыре часа в сладость пропоем. А иногда так громко, что на улице проходящие останавливаются, снимают шапки, крестятся, говоря, что у Соломенцовых всенощную служат. Это занятие очень утешало нас, и оно заменяло обыкновенную мирскую рассеянность. А когда, бывало, приедут из монастыря наши монахини погостить к нам — две тетки, жившие в Орловском монастыре, — тогда наш дом превращался как бы в церковь: частое пение, чтение и моления совершались ежедневно.

Как помню, еще с пяти лет я начал желать пойти в монастырь. Большая любовь к церкви, особенно к пономарству, заменяла для меня все детские игры. С шести лет я выучился пономарить и звонить в церкви Успения Божией Матери, которая была против нашего дома.

В праздники и в воскресные дни проспаться утреню нельзя было, потому что бабушка наша была строгая, не попускала никому проспаться утреню, сама пробуждала всех. А которые были тяжелы на подъем, тех она подымала палкою. За

прилежание ли к церкви или ради расположения к монашеству благодать Божия часто утешала меня разными просвещениями; некоторые из них были так резки, что на всю жизнь мою остались незабытыми в моей памяти. Однажды, когда было мне около семи лет от рождения и я уже научился пономарить, как теперь помню, я шел со свечою и по обычаю стал пред иконою Спасителя, прилежно смотря на лицо Его; в это время пели догматик: *Царь Небесный за человеколюбие на земли явися и с человеки поживе*. Эти слова поразили сердце мое страшным удивлением и сладчайшим умилением. Слезы потекли из глаз. Слова эти начали повторяться беспрестанно, волнуя сердце сладким удивлением. Я плакал, ужасался и радовался. Слова повторялись часто и с новыми чувствами удивления и радости. Так продолжалось более двух недель. Потом мало-помалу стало это уменьшаться, но память о сем дивном просвещении осталась на всю жизнь мою.

Подобное умиление, плач и рыдания продолжительные были у меня уже от скорби, что не отпустили меня в монастырь. Один иеромонах Площанской пустыни, сборщик, квартировал в нашем доме. Я просил его, чтобы он взял меня в монастырь, и он согласился. Мать моя согласилась отпустить меня и приготовила было меня в дорогу. В это время отца моего не было дома, он служил в магистрате бургомистром. Когда он пришел домой, мать моя говорит ему, что она отпускает меня в монастырь, в надежде той, что и он согласится на это дело, но отец за это рассердился и не пустил, сказавши, что раньше 23 лет он не отпустит меня. Это ужасно меня опечалило, и я от этого начал плакать и рыдать, и это продолжалось более двух недель. Бывало, пойду в уединенное место, упаду вниз лицом и плачу, рыдаю и припеваю *Милость мира... Свят, свят...* и прочее жалобным голосом, потому что не знал, как в скорби надобно молиться. С того времени я уже и не помышлял, чтобы меня прежде совершеннолетия отпустили в монастырь. Но вместо того Промысл Божий поэкономил мою юность добрым содружеством. В воспитании человека много влияет содружество: доброе — для добра, а злое — для зла. Содружество доброе избавило меня от рассеянной жизни и поддержало на пути благочестия. Дружба наша состояла из шести человек. Мы дали обещание

Богу, чтобы не жениться, а пойти в монастырь и быть монахами, и подтвердили это клятвою. Вследствие сего мы часто сходились для совещаний и бесед, чтения и пения. Сograждане наши прозвали нас монахами, но все уважали нас.

Приблизилось время моего совершеннолетия — 23 года. Я в этот день за чаем сделал родителю моему земной поклон, поблагодарил его за воспитание меня в страхе Божиим и при том сказал ему, что от сего времени он уже не отвечает пред Богом за мое поведение. Это мое объяснение тронуло его и родительницу мою. Отец ответил мне так: «Сын, я догадываюсь, для чего ты так сделал: чтобы иметь свободу без нашего соизволения пойти в монастырь. Но мы просим тебя, чтобы ты этого не делал, ибо три года уже прошло, как мы предлагали тебе жениться, и ты тогда еще заявил нам, что ты не хочешь жениться, а желаешь пойти в монастырь. Мы со своей стороны дали тебе на это наше родительское согласие и обещались более не принуждать тебя к женитьбе, а только при этом просили тебя, чтобы ты пожил еще с нами и помог бы семейству по торговле. И ты тогда обещался нам пожить еще с нами до совершеннолетия и так исполнил свое обещание. А теперь мы вновь просим тебя и еще пожить с нами, по крайней мере покамест брат твой меньший возмужает и возможно управлять лавкою». Хотя и тяжело показалось для меня прошение их, но ради послушания родителям я нехотя принужден был дать им свое обещание еще пожить с ними, покуда это будет для меня удобоисполнимым.

Родители мои были истинные христиане, любили Бога и исполняли Его заповеди. Часто посещали церковь, любили молиться и дома. Родитель знал наизусть четыре акафиста; во всю жизнь свою не пил хмельных напитков, никогда не ругался по-соромски, божиться считал за великий грех, был строг, но очень молчалив, и все боялись его и любили; пиров, обедов и гуляний не любил, за то обзывали его скупым, а другие величали его «морозом». Впрочем, он любил бедных родных и всегда приглашал их к обеду, любил читать Библию, потому Библия — большая, екатерининская — постоянно лежала у шкафа, где он садился чай пить. И, не прочитавши листа два из Библии, он не начинал пить чая (который был его любимым напитком, и особенно со сливками).

Среды и пятницы почитали, также и посты, и хотя ели рыбу, но молочного не ели никогда. А в Великий пост первую неделю все семейство ничего вареного не ело и даже чаю не пило до субботы, прочие недели разрешали только на масло постное.

Мать моя была грамотная, богобоязненная, очень трудолюбивая, любила читать жития святых отец, была веселого нрава и любила шутить, любила монашество. Тетка, схимонахиня Ксения, была ее другом, от которой она научилась благочестию.

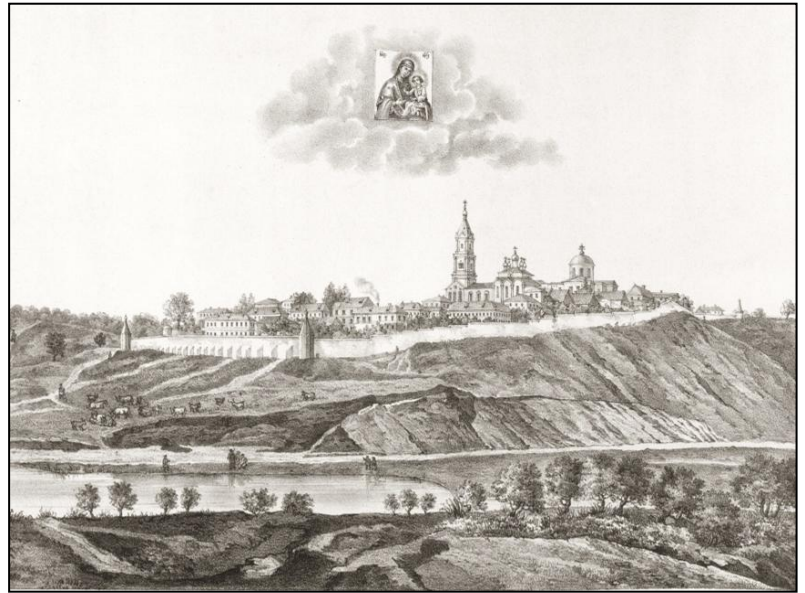
Нас, сыновей, у отца нашего было четверо, а дочь была одна, которую родители очень любили. Она была резвая. На одиннадцатом году ее отвезли в Орел, в монастырь к монахиням-теткам, для обучения в рукоделии, особенно золотошвейному искусству. Она там прожила два года. Потом привезли ее назад домой и начали по обычаю глупому купеческому лет за пять вперед до замужества заготовлять наряды, и притом еще в большом количестве. А она, приехав из монастыря, начала с подругами своими читать романы, которые воспалили ее воображение и усилили в ней страсти. Собою она была красива. Начитавшись романов, она стала о себе думать, что она умная дама. Иногда, прочитавши какой-нибудь роман и увлекшись им до восторга, она передавала мне свои чувства и тонкие понятия, желая показать, что она уже умеет ценить и рассуждать о всяких предметах. И это я слышал от нее многократно. Таким образом моя легковверная сестрица в малое время зашла далеко. Я молился о ней, да просветит ее Бог, да наставит на всякую истину, а на себя я не надеялся, чтобы мог вразумить и обратить ее к любви Божией. Вот уже ей минуло 16 лет, и в это время появилось за нее свататься до 20 женихов, но нравился ей из них только один. Это был полковой казначей.

Однажды она мне много рассказывала о героине разных героинь, описанных в романах. При этом я спросил ее: «Скажи мне, сестра, какое ты имеешь понятие о романах? Что такое роман?» Она отвечала мне: «Да всем известно, что роман есть история о каком-либо событии или повесть о приключениях». При этом я, рассмеявшись, сказал ей: «Если б это было так!» Она торопливо спросила: «Так как же иначе? И скажи мне твое мнение о

романе. Неужели все это ложь?» Я ей сказал: «Сестра, вот мое мнение, и мнение всех здравомыслящих, и всех великих святых: роман есть миф, то есть сказка, басня, выдумка или мечта ложного воображения». За этим она так и ахнула, проговоривши: «Ах, Боже мой, а я думала, что все, писанное в романах, есть истина и верные события!» Я ей ответил: «Я укажу тебе таковые события истинные, которые засвидетельствованы всею нашею святою Церковью». — «Да ты мне говоришь о святых книгах и Четиях Минеях?» «Да, — сказал я ей, — да разве в этих книгах написано не чудно, не дивно, не ужасно и не страшно? А это не выдумка, не ложь, а суцая есть истина. Вот ты имеешь имя святой Евдокии, а читала ли ты ее житие и страдание? Вот где увидишь истинное героичество и пречудную повесть, каковых ты в романах не читала». Затем она побежала читать житие преподобномученицы Евдокии. Прочитавши ее житие и прочих подобных жен, как-то: Евгении преподобномученицы, Аполлинарии, Феодоры, — наша любительница чтения романов видимо переменялась, на романы уже и смотреть не хотела и так полюбила чтение святых книг, что часов по пять их читала. Иногда мать принуждена была силою оттаскивать ее от книги, говоря, что она от долгого чтения похудела и сделалась бледная, что ее теперь никто не возьмет замуж. А она, несмотря ни на что, стала ходить часто в церковь и, к горю матери, не стала убираться. И скоро Промысл Божий помог ей пойти в монастырь.

Это было таким образом. На масленой неделе она с невесткою в санках каталась по городу и простудилась. От этого она заболела, и долго доктора лечили ее. По прошествии шести месяцев она выздоровела, но не совсем, боль в груди осталась и угрожала ей чахоткою. В это время у нас гостила схимонахиня, наша тетка, мать Ксанфира. Сестра упросила ее, чтобы она взяла ее в монастырь. Тетка дала ей слово, что если отпустят, то она теперь же возьмет ее с собою в монастырь. На другой день утром мы все собрались, по обычаю, в спальню родительскую пить чай. В это время входит сестра и, ставши на колени пред отцом, начала просить со слезами отца, чтобы он отпустил ее в монастырь. На это отец сказал ей: «Так как брат

*Борисовская Тихвинская женская пустынь,
где подвизалась сестра отца Иеронима
— игуменья Маргарита (Соломенцова)*

твой хочет скоро оставить нас и пойти в монастырь, потому мы теперь отпустить тебя не можем, ибо в один раз двоих любимых детей отпустить для нас очень тяжело и скорбно, а если хочешь, то проси брата, чтобы он за тебя пожил с нами три года». После этих слов сестра встает и с рыданием бросается мне на шею, говоря: «Любезный братец, выкупи меня!» Все мы, вставши со стульев, расплакались. Я от слез едва мог выговорить: «Согласен, согласен, но только год». Отец, протянувши ко мне свою руку, сказал: «Три, три!» Я, давши ему свою руку, сказал: «Два, два!» Поцелуем руки отца мы покончили этот торг.

Скоро, дня через три, сестра уехала с теткою в монастырь. При сем я вспомнил одно происшествие, предрекшее событие сему делу по вере и молитве просящих от Бога разрешения сомнительному делу. Это было так. Из числа 20 женихов, искавших руки сестры моей, один жених понравился нашим родителям, и они пожелали выдать ее за него. Но, так как он был иногородец, из города Орла, потому надобно было узнать о нравственном и вещественном состоянии его семейства. Для этого дела послан был я с матерью в Орел. Там мы узнали, что семейство этого жениха несостоятельное, а потому и решили не выдавать за него нашей сестры. Мать моя квартировала в монастыре, у монахини нашей Ксанфиры, а я жил в гостинице. В воскресенье после обедни я был в

монастыре у тетки. Туда пришел протоиерей отец Лука — старик вдовец. Мы вместе пили чай и разговаривали о нашем деле. Мать скорбела и горевала, что оказалось препятствие для выдачи ее дочери за любимого человека, колебалась и сомневалась и не знала, что делать. Протоиерей знал все это дело и, видя ее скорбящей и сомневающейся о сем, посоветовал ей решить это дело жребием, сказавши, что и в самых великих делах святые апостолы метали жребий. Мать на этот совет согласилась. Написали два жребия: один — выдавать в Орел, другой — не выдавать; положили жребии пред иконами, зажгли свечи, встали и помолились, а потом вынули жребий, на котором было написано: «Выдавать в Орел». Поблагодарили Бога за решение нашего сомнения, успокоились, сели и начали пить чай, а мать начала плакать и укорять себя, говоря: «Что это я, глупая, сделала? Для чего я положила на жребий, будучи убеждена в невозможности быть этому делу?» Протоиерей от души смеялся ее малодушию, а мать сердилась на него, говоря: «Вы, батюшка, вовлекли меня в этот грех. Зачем вы посоветовали мне кинуть жребий? Нет, нет, я не хочу ее выдавать в Орел и жребия не признаю истинным». Но протоиерей продолжал смеяться, говоря: «Так будет, как жребий сказал. Без сомнения, так будет». Мать за эти его слова еще более сердилась на него, а он, выходя из келлии и прощаясь, повторил свои слова, сказав: «Я верую, что Бог сотворит так и Евдокия выдана будет в Орел!» И затем отец протоиерей вышел из келлии, а мать еще долго продолжала плакать. Когда сестру проводили в Орел в монастырь, тогда мы вспомнили о предвещании жребия. Бог оправдал чудным образом веру отца протоиерея. Я еще прожил за сестру в доме родителей два года. Об этом событии сестра часто вспоминала в письмах своих ко мне. И в самом деле, самоотвержение ее было примерное и редкое, и за то Бог удивил над нею милость Свою в монашестве, даровав ей многие благодатные дары ко славе Своей и для спасения многих душ, вверенных ее путеводительству. Теперь в монастыре ее 800 сестер. Вначале она жила в Орле у тетки — монахини Ксанфиры, которая была старица опытная, а когда сгорел в Орле монастырь их, тогда они переселились в Борисовский монастырь. С ними еще были две племянницы. Тут сестру

сделали благочинною, и она в этой должности была 20 лет; потом ее избрали игумениею.

В это время прибыли к ней еще две племянницы. Мать наша в ее монастыре скончалась, будучи наименована в схиме Еввулою.

Во время моего двухлетнего жития при родителях за сестру я перенес тяжкие испытания и едва не погиб. При всей моей начитанности в Божественных книгах и любви к монашеству я много претерпел от нападения страстей. Потому мне страшно тяжело было разлучаться с миром и оставлять дом родительский. Враг сильно нападал на меня с разных сторон — хотел всячески отвратить меня от намерения моего, а потому я с великою болезнью сердца оставлял дом мой — плакал и рыдал. Но в это время совесть говорила мне, что это попущено Богом и так сему должно быть: «Мужайся и крепись, все это скоро пройдет, ибо через это пролитие крови твоей сердечной оценится любовь твоя к Богу. А как ты думаешь, что Тому Самому Любителю твоему ради тебя легко было на Голгофе висеть на Кресте? «Когда я спросил опытного старца о моем трудном и горьком разлучении с миром, что это значит, он отвечал мне, что ежели этого не случится в начале оставления мира, то оно будет в монастыре, ибо сего требует евангельское самоотвержение, которое вначале бывает страшно тяжело, а после делается благим игом и легким бременем Христовым.

Сначала я поступил в новообновляющийся Дивногорский монастырь близ города Коротояка Воронежской губернии, в восьми верстах от города по ту сторону Дона. При мне были два друга моих: Николай Афанасьевич Гончаров и Алексей Никитич Черепенников, острогожский мещанин. Это место нам полюбилось, как удобная пустыня для спасения. Красивое, даже чудное местоположение. Здесь находилась чудотворная икона Божией Матери, называемая Сицилийскою. Братии было мало, около десяти человек.

Игуменом был павловский протоиерей, в монашестве называвшийся Афиногеном, — человек ученый.

Он принял нас, с тем чтобы сделать общежитие, а иначе мы не хотели оставаться у него. Он как будто с охотою обещался нам сделать это, но впоследствии раздумал.

Так как не было для нас помещения, то

игумен предложил нам, чтобы мы для себя построили келлии. Мы так и сделали, построили дом для помещения четырех человек и перешли в него. Начали поживать как будто и хорошо. Службы Божии совершали исправно и усердно. Пение устроилось хорошее. В это время, в 1832 году, много поклонников, проходя в Воронеж к новоявленному святителю Митрофану, заходили в нашу обитель, служили молебны и приносили хороший доход обители. Игумен рад был ему и забыл думать об общежитии. Но, видя, что мы ожидаем от него, он постарался нас удалить от себя. Мы, поняв свою ошибку, оставили его с миром и перешли в Курскую губернию, в бедный монастырь, называемый Знаменско-Хотмыжский. Там в это время был строителем отец Геннадий, который пред тем был казначеем в Глинской пустыни. Мы были с ним знакомы, и он с радостью принял нас. Здесь есть чудотворная икона Божией Матери «Казанская». В этом монастыре мы прожили около года. Повидавши разных соблазнов, а еще больше наслушавшись о них, нам пришло желание найти такой монастырь, куда не приближались бы жены.

В это время нашего города купец, мой приятель, Василий Максимович Фастов, только что возвратился из путешествия ко святым местам. Был он и на Афоне два месяца, осмотрел все с любопытством. Сей человек, как нарочно, Промыслом Божиим послан был к нам. Он, выслушав наши разговоры и желания, посоветовал нам так: «В России вы не найдете такого места, куда бы женский пол не проникал; подобное место, и единственное в Православной Церкви, находится только на Святой Горе Афонской. Вот, если хотите, идите туда, ничтоже сумняся, ибо я видел там и русских, хорошо живущих». Этот его совет мы приняли с радостью и немедля оставили Хотмыжскую Знаменскую обитель и отправились в Старый Оскол для получения заграничных паспортов. Это было в 1834 году, в марте. Мы прибыли в Старый Оскол. Но, так как приближалась святая Пас-

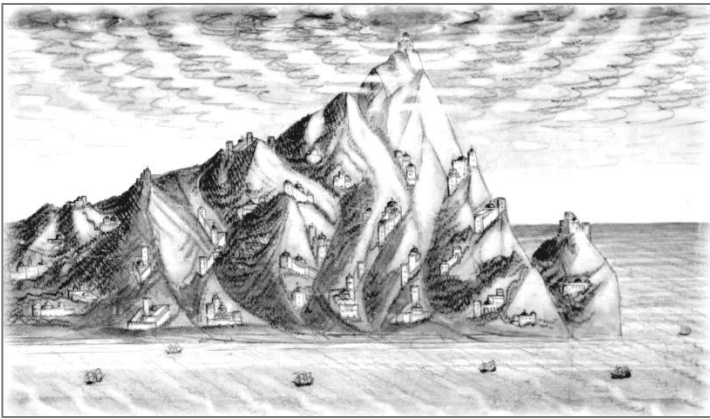

Вид ущелья, леса, Ближних Пещер, Дивногорского монастыря, дуга и р. Донъ съ южной стороны.

*Вид Дивногорского монастыря и его окрестностей.
Фотография. Начало XX века*

ха, нам пришла мысль провести Пасху в Толшевской пустыни и пригласить жившего там друга нашего, Ивана Егоровича Туликова, не пожелает ли он вместе с нами путешествовать на Афон. На шестой неделе мы прибыли в Толши. На Фоминной неделе я заболел сильно воспалительною лихорадкою, которая продолжалась месяца два. Товарищ мой, видя, что я медленно выздоравливаю и, следовательно, этот год не могу начать далекое путешествие, пожелал посетить лавру святого Сергия и Оптину пустынь. Таким образом, нехотя я остался на будущий год в Толшах со скорбью о неудаче нашего предприятия, не понимая того, что все Промыслом Божиим строилось к лучшему, ибо этим средством я приобрел многие и важные опыты, а к тому же я уклонен был от ответственности несоблюдения клятвенного дружеского обета, случившегося от забвения.

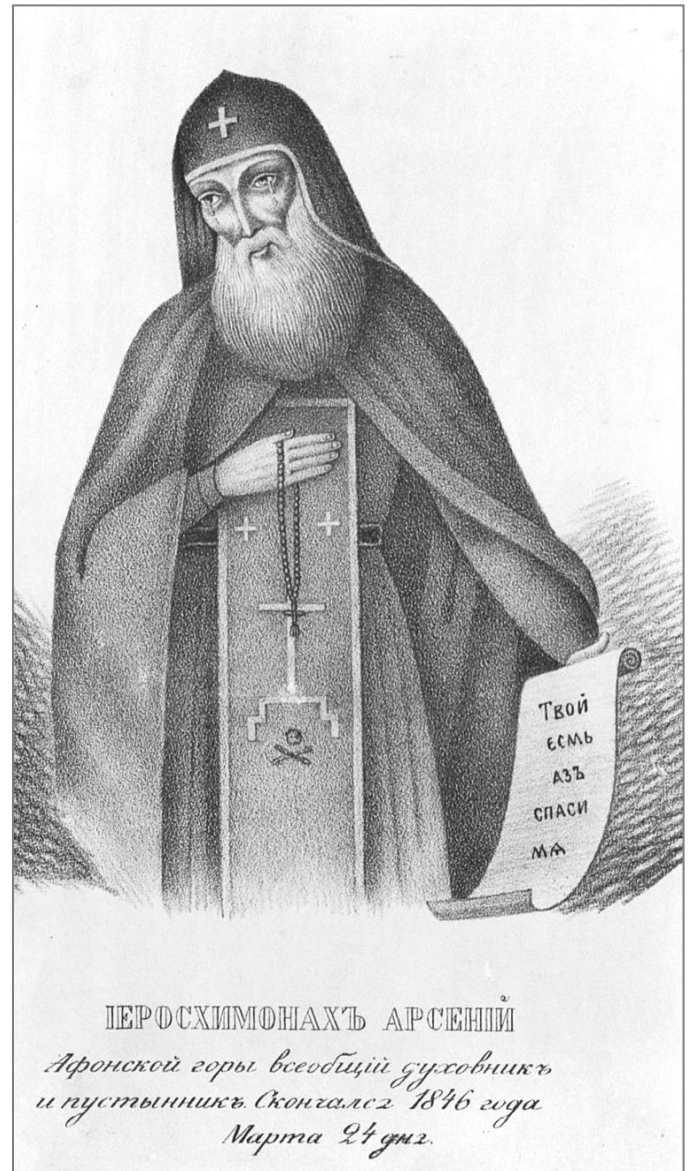
Прибыл я на Святую Гору в 1836 году, в сентябре, с 17 товарищами, которые разместились по разным местам, а я по совету духовника, старца Арсения, купил келлию святого пророка Илии в пределах Ставроникитского монастыря и принял к себе в сожительство двух послушников. (Со мною прибыл и упомянутый выше друг мой, Николай Афанасьевич Гончаров, который вскоре на Архангельской келлии помер; в схиме наречен Никодимом. Другой известный острогожский подвижник — А. Н. Черепенников возвратился в Россию.)

Святая Гора Афон. Литография. XIX век

В 1838 году я ездил в Иерусалим. Прожил в кельи четыре года, а затем по приглашению Русского монастыря и по благословению старца моего Арсения оставил келью и перешел на всегдашнее жительство в Русский монастырь с двумя моими учениками — Парфением и Митрофаном. Это было в 1840 году, в сентябре. Того же года, в ноябре, я был посвящен в иеромонаха, а в 1841 году, во святую Четыредесятницу, я принял святую схиму и переименован из Иоанникия в Иеронима (мантию я принял на кельи святителя Иоанна Златоуста у духовника и наречен был Иоанникием).

От юности моей я имел большое влечение к безмолвию. Начитавшись книг умозрительных аскетических наших святых отцов-мистиков, я еще более начал желать жизни безмятежной, уединенной. Но дарования от Бога я имел противоположные безмолвию. Находясь в таком настроении духа, я не желал оставить келью и перейти в монастырь, даже искал более уединенной каливы. Но ученики мои понуждали меня к тому, хотя и знали мою любовь к безмолвию. Да и монастырь со своей стороны, узнав мое желание, обещал мне в том не препятствовать, что впоследствии и исполнил. А потому из желания обеспечить будущее свое безмолвие я решился узнать волю Божию чрез моего старца и духовника, отца Арсения, идти в общежитие в Русик или нет? Он на это сказал нам так: «Поелику этот вопрос есть великой важности», то он советует не спешить решением его, «а потерпеть и помолиться о сем Богу». По сему совету мы ожидали духовникова ответа две недели, в продолжение которых он сделал два бдения о дознании воли Божией.

ИЕРОСХИМОНАХЪ АРСЕНІИ
Афонской горы всеобщій духовникъ
и пустынникъ. Скончался 1846 года
Марта 24 дня.

Иеросхимонах Арсеній († 1846),
духовник русской святогорской братии.
В 1840 году по его благословению будущий старец
Иероним переселился из своей пустынной кельи
в Русский монастырь

Потом он, призвав нас, объявил нам такими словами: «Есть воля Божия перейти вам в Русик, ибо там хочет Бог нечто сотворити». Мы, принявши это решение, как от Бога, и поклонившись ему и взявши благословение, сотворили по его совету: немедля оставили келью и перешли в Русик на всегдашнее жительство. Не теряя надежды на будущее мое уединение, я повторил старцам о моем желании со временем дать мне благословение на безмолвие. Они подтвердили свое обещание, сказавши так: «Ты собери братию русскую, благоустрой их, а по

временам можешь удаляться на безмолвие». Это впоследствии и было исполняемо: в первый раз я прожил год в доме близ кимитира (надгробницы), во второй раз все лето прожил на келлии Трех святителей, два лета прожил на келлии святого Георгия со старцем Тимофеем, три лета прожил на Бессребреницкой, три лета —

на архимандричьей. Таким образом, хотя изредка, понемногу, я утолял алчбу и жажду мою к безмолвию, покамест переменились обстоятельства, которые указали мне искать безмолвия не внешнего и не своей пользы, а яже суть ближняго.

Современная стенопись храма во имя всех Афонских святых Пантелеимоновой обители, изображающая блаженной памяти старцев — иеросхимонаха Иеронима и его ученика игумена Макария. Фотография. 2011 год

Афонские рассказы из жизни духовной

О благодатных дарованиях старца иеросхимонаха Иеронима

В начале своего подвига отец Иероним, тогда еще Иоанн, в течение четырех лет странствовал по России со своим единомышленным другом, с которым жили они по заповеди великих старцев, ничего друг от друга не скрывая. Раз шли они куда-то, и Иоанн почувствовал страшные, невыносимые боли в желудке. От

более он не мог продолжать путь и лег при дороге, а его спутник пошел в ближайшее селение, чтобы принести ему хоть теплой воды.

Возвращается — видит, что Иоанн сидит спокойно. «Что чувствуешь?» — спрашивает спутник. «Пожди мало, брате, — отвечает он, — дай мне прийти в себя».

Спустя немного он поведал сему брату как великую тайну, что сейчас видел он въяве апосто-

ла и евангелиста Иоанна Богослова, которого благоговейно чтит с детства и молился ему об исцелении. Апостол спросил его: «Что с тобою?» Он ответил, что зело болеет у него желудок. Апостол посмотрел на него и сказал: «Теперь ты здоров!» И он почувствовал, что боль мгновенно утихла. И сказал ему апостол: «Проси у меня, еще чего хо-

чешь». И дерзнул он просить себе дара рассуждения и слова. «И сие дастся тебе», — сказал апостол Христов и стал невидим.

И действительно, старец всегда, при всяких обстоятельствах жизни, находился, что сделать, что сказать, и его мудрое слово ценилось братией, как извещение свыше, и равного ему не было.

В 1860-х годах приехал на Афон из Рима католический епископ и спросил отца Иеронима, какого он мнения относительно нового католического догмата о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Отец Иероним спросил его, верует ли он в Евангелие. «Да, конечно», — ответил тот. «Так вот там есть ответ на сей вопрос». — «Где ж, скажите». — «В словах, произнесенных Самой Царицей Небесной: Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем. Если бы

зачатие Ее отличалось чем-либо от естественного, то Она не произнесла бы слов о Бозе Спасе Моем, каковые слова могут относиться только к тому, кому нужен Спас, то есть зачавшемуся естественным порядком, а не непорочным, как то думают заблудившиеся католики о Божией Матери, предочищенной Святым Духом к приятию Господа». Епископ, лишь только услышал такое обличение своего заблуждения, немедля встал и ушел из монастыря, не зайдя даже в гостиницу.

Однажды прибыл на Афон из России иеромонах и искал себе духовника, чтобы облегчить свою душу от тяжести греховной. Ему указали на отца Иеронима, который, выслушав того, дал ему епитимию: три года не приобщаться, и не входить в жилой дом ни днем ни ночью, и,

где застанет его ночь, там и ночевать. Иеромонах сей исполнил ее и в последний день срока вошел в одну келлию, причастился Святых Христовых Таин и послал сказать отцу Иерониму, что исполнил данную им ему епитимию, и затем скончался.

Духовник отец Иероним, имея дар внутренней постоянной молитвы, во время оной приходил как бы в исступление. Он рассказывал, что один брат как-то не пошел на бдение, но, став пред Господом, как раб пред Владыкой, про-

стоял целых шесть часов на одном месте в изумлении и безмолвии, как стоял апостол Павел в созерцании Господа. Брат этот был не кто иной, как сам отец Иероним.

Один из монашествующих рассказывал свой сон, будто все братия собрались для исповеди и по окончании исповеди, выходя от духовника, говорили, что духовник убеждает всех исповедоваться по совести и, елико возможно, ничего не утаивая. Один брат, выходя, говорит: «Погодите ходить к духовнику, ему есть какое-то явление». С этим вдруг открывается все, и он видит, что духовник как бы на воздухе и под ним лучезарные облака. Вслед за тем он поднялся еще выше, и видно, что будто еще светлейший облак спускается сверху и в оном — лицо Спасителя, Который что-то подает духовнику и что-то ему говорит, но видящий слов этих не слышал и не мог рассмотреть, что подает. Тогда

видящего объял страх великий, и он в ужасе проснулся, имея на себе власы поднятые, или, как говорится, стоящие дыбом.

Однажды во время молитвы отцу Иерониму пришла мысль: «Как благодать Божия поддерживает человека во время искушения?» Тогда вдруг явился в его келлии страшный бес ростом до потолка, стоящий в углу. Отец Иероним взглянул на

него и лишился чувств. Падая навзничь, услышал голос: «Вот так благодать Божия поддерживает человека!» И при этом его кто-то взял сзади под руки, не допустив удариться о пол, и поставил на ноги в чувстве.

Рассказывал отец Макарий (ученик отца Иеронима, игумен Пантелеимонова монастыря. — Изд.) после кончины отца Иеронима, что один приезжий архимандрит однажды внезапно вошел к отцу Иерониму и тотчас же быстро вернулся от него назад, ибо испугался, увидев отца Иеронима, стоящего на молитве на воздухе как бы на аршин от пола. Отец Иероним забыл запереться,

хотя всегда запирался при молитве.

Отец Иероним при молитве отдавался всему чувству, каковое им овладевало; когда плакал, то с рыданием, а иногда в радости ублажал Господа, о чем и говорит отец Макарий. Отец Макарий, не вынося его плача и стенания, уходил тогда спать в другую комнату, чтобы из-за стены не слышать этого.

Силу молитв отца Иеронима приходилось многим из братии испытывать.

Иеромонах Михаил при поездке Черным морем был однажды застигнут ужасной бурей, и опасность была столь велика, что не осталось надежды на спасение. Он мысленно стал молиться и ночью прилег на палубе. Видит во сне на пароходе отца Иеронима, и буря прекратилась.

Другому отъезжавшему монаху отец Иероним по просьбе того дал в благословение старую свою схиму, и тот всегда призывал его молитвы. Однажды случилось быть ему в опасности, он в скорби присел и как бы задремал днем. Видит пред собой отца Иеронима, который благословил его, и сейчас же очнулся. Смотрит — отца Иеронима нет, а опасность мгновенно миновала.

Однажды сей монах заболел и видит, что не

в состоянии продолжать нести послушание, и стал скорбеть о сем. Видит во сне отца Иеронима, находясь с ним как бы в большой толпе. И вот толпа стала теснить их, и отец Иероним как бы повалился на него, а потом, наоборот, толпа стала с другой стороны их обоих пятить, так что сей монах повалился на отца Иеронима и оказался в распростертых его руках лежащим. «Батюшка, я думал, что я вас держу, а теперь вижу, что вы меня держите», — сказал ему, а отец Иероним ответил: «То-то!» Эти слова были ему ответом на его мысли, что-де он поддерживает на своем послушании обитель.

Неоднократно являлся во сне он этому монаху в разных чрезвычайных также случаях и болезнях, а много было разных случаев, которые здесь не записаны.

Отец Амплий — из раскольников. Был в Иерусалиме, где наместник Патриарха усовещевал

его принять Православие, но он ему не поверил, а за молитвы отца Иеронима обратился.

У нас не редкость — явление умерших братии кому-либо из живущих в обители и возвещение о своей загробной участи. Так, последний из числа почивших в Великий пост (жил в обители 40 с лишком лет) наяву вошел к одному из братии, читавшему святое Евангелие, и между ними произошел такой разговор:

Читавший: «А, отец Авраамий! Откуда ты? Ведь ты помер?» Вошедший: «Хотя и помер, но жив, как видишь. Я пришел поблагодарить старцев и братии за их молитвы о всех нас, ныне отшедших. Хотя и трудновато было прохо-

дить мытарства, но за молитвами обители, наипаче же милосердием Богоматери и предстательством святого Пантелеимона, все мы благополучно прошли оные и упокоены Всеблагим Господом. Особенно мне много помогли молитвы отца Иеронима, который во время отпевания моего усердно молился за меня, а когда выносили на могилу тело мое, он, несмотря на свои сильные недуги, положил за меня в келлии своей несколько земных поклонов, оказавших мне защиту от нападков вражиих».

Рассказ отца Селафила

Когда духовник Иероним благословил мне поехать в Иерусалим с иеромонахом отцом Иеронимом, родственником духовника, тогда дня за два до отъезда я прихожу к нему, а он и говорит: «Зачем ты так рано едешь в Иерусалим и зачем спешишь?» Я ответил: «Как же, батюшка, нужно, чтобы успеть ко второй неделе, все поклонники из Иерусалима отправляются в Назарет». А он посмотрел на меня и говорит: «Да ты в Назарет не попадешь!» Я опять говорю: «Как, батюшка, не попаду? Я затем и спешу, чтобы везде побывать». А он подходит ко мне и, слегка ударив меня правой рукою по плечу, говорит, приклонившись к уху: «Там увидишь, увидишь!»

И что же? Приезжаю благополучно в Иерусалим, подходит вторая неделя, назначают выезд караваном в четверг до 500 человек. А я вздумал во вторник сходить в Горнее. Возвращаясь в тот же день оттуда, при выходе из Горнего на

гору я очень устал и вспотел, а тут случился пустой колодезь. Я сел отдохнуть и скоро почувствовал, что у меня чешется левая щека. Я спросил товарищей: «Что, у меня щека красная?» Они говорят: «Да». Тогда я понял, что это рожа. Прихожу в Иерусалим прямо к доктору, и он говорит, что это рожа, и дал мне мази. На другой день прихожу к нему и говорю: «Что, мне можно ехать в Назарет?» А он говорит: «Не то что в Назарет, а вам и на воздух нельзя выходить, а приходите к нам в больницу». Пришедши в оную, я пролежал 11 дней в ней, а в это время поклонники все почти уехали в Назарет, мне после уже не с кем было ехать, хотя я и выздоровел. И так сбылось пророчество блаженного батюшки — отца духовника Иеронима.

Возвратясь на Афон, я стал говорить о сем духовнику, а он только улыбнулся и сказал: «Ну то-то и есть!»

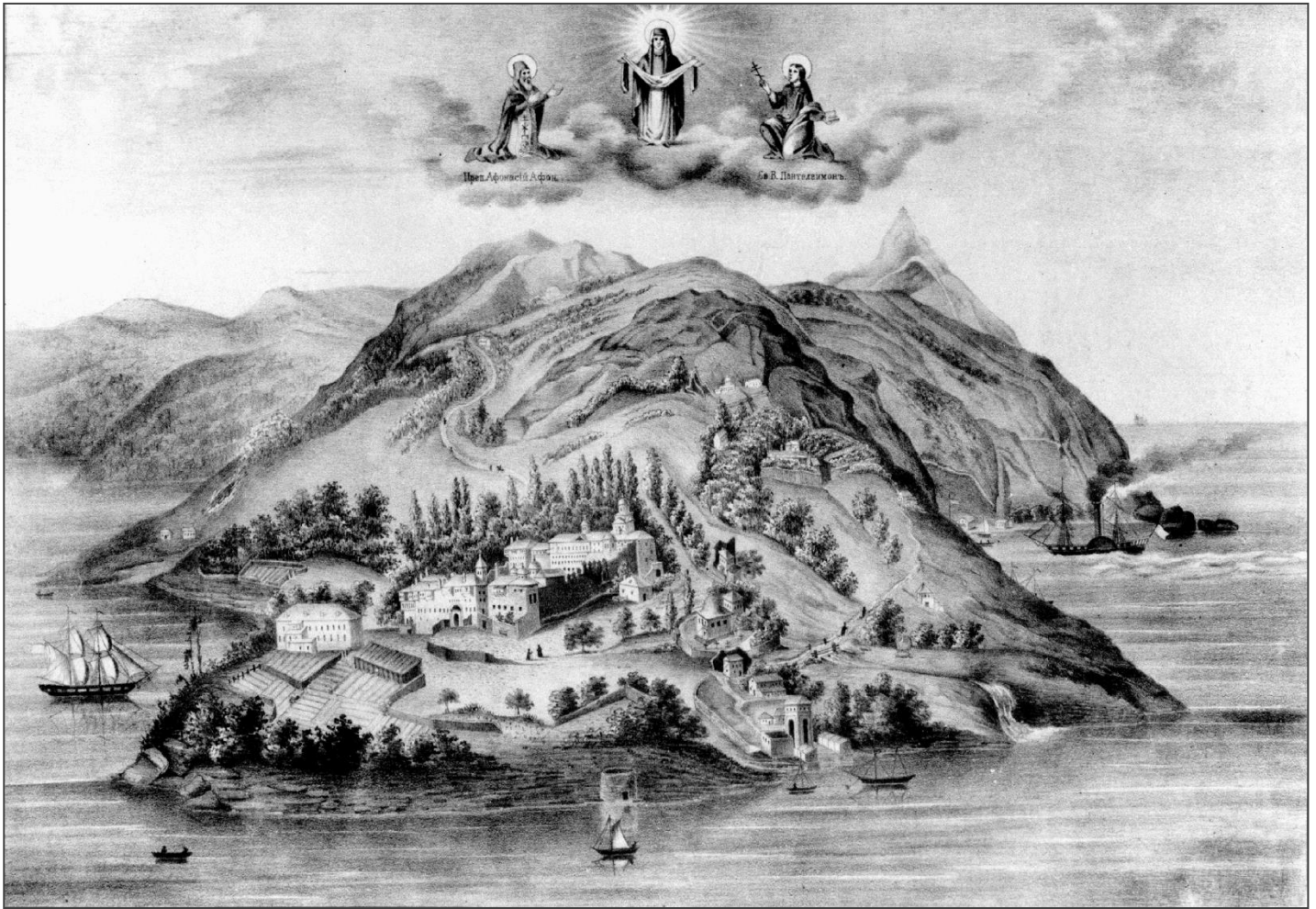
В бытность здесь архимандрита Антонина (Капустина) в 1860-х годах он спросил у отца Иеронима, нет ли у него какого из жизни случая, как действует благодать Божия, полученная человеком в Крещении. Отец Иероним отвечал: «Да разве вы, отец архимандрит, никогда этого не ощущали?» «Нет», — отвечал тот. «Но не было ли когда желания помолиться или само не приходило ли умиление когда? — «Да, это иногда бывает». — «Так вот это самое и есть действие благодати Божией». — «А как можно в этом убедиться?» — «Благодать Божия сама приходит, так же и уходит, и ее невозможно ни вызвать, ни отогнать, но она овладевает человеком без его ведома, когда Господь восхощет».

На другой день отец Антонин поехал в сопровожде-

нии отца Макария по Горе, и лишь только они поехали, отец Антонин начал плакать и плакал всю дорогу до возвращения домой. Приехавши, отец Макарий тотчас рассказал отцу Иерониму о плаче отца Антонина. А отец Иероним рассказал отцу Макарию о том разговоре и что плач этот был в удостоверение того, что объяснение отца Иеронима о проявлении действий благодати Божией в человеке, получившем оную в Крещении, было истинное. Отец Антонин при свидании с отцом Иеронимом сказал ему: «Представьте себе, отец Иероним, на меня во всю дорогу напало пьяное умиление». Отец Иероним ответил ему, что это и есть то самое действие благодати Божией, которое он и не вызывал, но и не в силах был прекратить.

Архимандрит Антонин (Капустин)

Русский монастырь святого Пантелеимона на Святой Горе Афонской. Литография. Середина XIX века

В Троице-Сергиевой лавре жил престарелый игумен отец Иоиль, скончавшийся в 1880-х годах. Он был постриженником Русика, в который поступил вместе с отцом Иеронимом в 1840 году, и прожил в нем до 1854 года, когда во время войны выехал с Афона и жил в российских монастырях, где и получил сан игумена. Один из иноков Русика, бывши в лавре у отца Иоиля, при разговоре с ним об отце Иерониме сказал: «Вот нашему старцу 80 лет, а он еще читает без очков, чему все удивляются». Отец Иоиль улыбнулся и говорит: «И будет читать без очков до могилы». «Почему же так?» — спросил заинтересованный инок. «Ну, уж это тайна, — ответил отец Иоиль, — нельзя сказать». Наконец, после усиленных просьб отец Иоиль рассказал ему следующее с условием никому не говорить до смерти отца Иеронима: «Когда до поступления в Русик мы с отцом Иеронимом жили

в пустынной келлии и еще несколько учеников его, то исправно каждый день исполняли все церковное правило, кроме Литургии, и отец Иероним, как хороший чтец и певец, много сам читал и пел. Но в одну ночь, вставши к утрени, он внезапно лишился зрения без всякой особенной причины, так что не мог уже ничего читать. Мы все очень опечалились, и сам он тоже скорбел. Не помню, сколько дней это продолжалось, но как-то после повечерия он вышел в окружающий келлию лес, провел там всю ночь, а возвратясь, опять начал по-прежнему читать в церкви правило с большой быстротой. Мы очень удивились и стали вопрошать о причине скорой перемены в состоянии зрения, но отец Иероним умалчивал и не хотел нам ничего сказать, и уже после убедительных просьб, когда мы упали ему в ноги, он решился открыть нам, как тайну, с обязательным для нас

условием никому не говорить до того времени, пока он будет в могиле. «Когда я, — сказал отец Иероним, — ночью в лесу усердно молился ко Господу и Царице Небесной о даровании зрения, вдруг вижу явившуюся мне Владычицу в небесном сиянии. В благоговейном страхе и трепете я упал ниц к ногам Ее и услышал от Нее следующие слова: «Молитвы твои и обещания Господу и Мне

приняты, но смотри же, старайся исполнить их во всей точности, а Я исцеляю твое зрение и до самой кончины твоей будешь читать без очков». И затем Она стала невидима». «Так вот почему, — заключил отец Иоиль, — читает отец Иероним без очков». И действительно, отец Иероним до самой смерти без затруднения читал мелкую печать и письмо, никогда не употребляя очков.

Однажды два монаха поссорились и до того озлобились и сильно ругались, что не было возможности их остановить. На их шум пришел сам отец Иероним и стал их уговаривать, но они и при нем тоже продолжали ругаться и не смотрели на него. Тогда отец Иероним сказал одному из них,

отцу Феодору: «Отец Феодор, взгляни на меня!» Но тот, не смотря на него, продолжал ругаться. Отец Иероним продолжал ему повторять, чтобы он взглянул на него, и тогда тот как бы нехотя взглянул, и тотчас гнев его прошел, лишь только встретился взор его со взором отца Иеронима.

Однажды в Прощеное воскресенье на вечерни в церкви Покровской все подходили прощаться к стоящим в мантиях старцам отцам Иерониму и Макарию. Отец Гликерий увидел тут

же впереди стоящую величественную Жену в мантии. А когда спросил после отца Иеронима, тот сказал: «Это наша Игуменья», то есть Божия Матерь.

У одного иеромонаха была икона Божией Матери «Тихвинская». Однажды по действию вражью он находился в сильном смущении против старца-духовника, противоречил ему и других склонял к тому же, но совесть постоянно твердила ему, что он находится в ошибке и напрасно уклоняется от убеждений старца. Долго скорбел он и, изнемогая под бременем своего искушения, неод-

нократно припадал пред сей святой иконой. И вот в одно время после долгой молитвы он услышал глас от Божественного Младенца Господа Иисуса Христа: «Зачем ты противишься старцу? Он тебе желает спасения и муж благ по сердцу Моему». Иеромонах упал пред образом и зарыдал. Проведя всю ночь в молитве и слезах, он на другой день объявил все это старцу и примирился с ним.

Рассказ монаха Пантелеимона о явлении Божией Матери в день кончины

Стоял я в притворе Покровского собора, и во всю утреню боролась одна мысль: «Как бы мне удостоиться получить еще последнее благословение от батюшки отца Иеронима», хотя я уже простился вместе с прочими отцами и братьями и получил благословение еще с вечера.

Эта мысль так сильно беспокоила меня, что я даже терял внимание к чтению и пению утрени. Рядом со мною стоял какой-то молодой монах. (За многочисленностью у нас братства мы почти и

не все знаем друг друга по имени, а только после смерти каждого мы обязаны знать для поминовения и моления о усопшем.) И вот этот монах обращается ко мне и говорит, указывая на себя: «Как я счастлив! Я сейчас нечаянно попал к батюшке Иерониму. Отец игумен внес к нему чудотворную икону Божией Матери «Избавительница», и тут же вслед за ним и я вошел и принял от него благословение». Этим он еще больше возбудил меня, как бы обличая мою мысль,

с которой я боролся всю утреню.

После этого прошло не больше как минут десять, смотрю — из середины Покровского храма проходит чрез этот же притвор довольно немало-го роста Женщина, одетая в обширное розовое платье, кушаком подходящего цвета препоясана, на голове виднелась белая монашеская наметка, а за Ней следовал среднего роста монах в обычной своей черной одежде.

Когда они прошли, я спросил этого молодого монаха, видел ли он, Кто сейчас прошел мимо нас? Он ответил: «Иерусалимская Божия Матерь». Сделал малую паузу, потом прибавил: «Понесли

к батюшке Иерониму». А когда я увидел эту Женщину, то пришел в такое смущение, что чуть не крикнул во всеуслышание: «Откуда здесь взялась женщина?!» Но, не знаю, почему-то удержался.

И так я оставался до конца утрени еще в большем смущении духа, недоумевая, что со мною случилось. Это было после 9-й песни канона. И по окончании утрени я все-таки исполнил свое желание: хотя и трудными путями, но вошел в келлию батюшки и взял от него благословение, поцеловал его руку. Он хотя сидел и слаб был, но в сознании.

Жизнеописание схиархимандрита Макария, игумена Русского монастыря на Афоне

Афонские старцы иеросхимонах Иероним и схиархимандрит Макарий

Схиархимандрит Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин) был учеником и духовным приемником отца Иеронима (Соломенцова). Отец Макарий явился продолжателем того великого дела, которое начал отец Иероним — окончательно восстановил русское монашество в Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон.

Михаил Иванович родился в богатой купеческой семье в городе Туле 17 октября 1820 года в семье тульского купца первой гильдии, почетного гражданина города Ивана Денисовича Сушкина и его супруги Феодосии Петровны. Так же как и отец Иероним, он с отроческих лет почувствовал влечение к иноческой жизни. Заветной мечтой его

было путешествия по святым местам.

Отец Михаила Ивановича Сушкина — Иван Денисович долго не соглашался отпустить сына в паломничество. Наконец — согласился, с тем условием, что он вернется домой. Но Бог судил иначе.

30 июля 1850 года Михаил Иванович «попросив благословения» у Богоматери пред ее иконою, именуемой «Боголюбской» отправился в неизвестный путь. В путешествие с ним отправился в качестве слуги один из приказчиков его отца. Путь его лежал через Одессу, собралось около тридцати человек, таких же путешественников, желавших, подобно ему, отправиться для поклонения святыням Востока. Подобное скопление народа, желающего отправиться за границу, возбуждало в начальстве подозрение принадлежности этой группы к сектантам. Это обстоятельство крайне затруднило получение заграничных паспортов Михаилу Ивановичу и его спутнику. Наконец 3 января 1851 года было получено разрешение на выезд за границу.

Путешественники посетили Иерусалим и его окрестности, Синай и вообще все более или менее замечательные места Палестины и прибыли в Солунь. Здесь они остановились на подворье афонского Пантелеимоновского монастыря. Это было в последних числах октября 1851 года.

Встретив и проводив торжественный Солунский праздник во имя святого Димитрия Солунского, Михаил Иванович и спутник его отправились сухим путем на Святую Гору Афон, куда и прибыли благополучно 3 ноября 1851 года. Остановились они в Русском Пантелеимоновом монастыре.

В Русские в то время было еще немного русских иноков. Сразу после прибытия Михаил Иванович познакомился с духовником русской общины отцом Иеронимом (Соломенцовым), который своими беседами произвел на него глубокое впечатление и окончательно утвердил в нем решение остаться здесь на жительство. Но для начала он пожелал пройти по Афону, чтобы поклониться всем святогорским святыням. Во время подъема на вершину Афона, Михаил Иванович простудился и почувствовал приступ сильной лихорадки. Путешественники едва добрались до монастыря Кутлумуш. Здесь он настолько разболелся, что не мог дальше продолжать путь. Михаил Иванович уже отчаялся и написал отцу Иерониму, прося приехать к нему. Но отец Иероним велел перенести больного в Пантелеимонов монастырь. Больного перенесли на носилках в Русик. При посещении больного игуменом Герасимом и отцом Иеронимом Михаил Иванович решил просить отца игумена принять его в монастырь послуш-

ником. Отец игумен исполнил его просьбу.

Между тем болезнь Михаила Ивановича усиливалась, не помогали никакие лекарства. Мо-настырский доктор, вызванный к болящему, ска-зал отцу Иерониму, что больной едва проживет до следующего утра. Отец Иероним, исполняя поже-лание болящего, решил постричь его в великую схиму. В которую и пострижен был 27 ноября 1851 года, получив имя Макарий. После пострига он быстро стал поправляться и уже к концу января 1852 здоровье о.Макария заметно стало лучше. К маю 1852 молодой монах со всем усердием стал исполнять все послушания, которые ему давали: он и рыбу на кухне чистил, и лук в вязанки вязал, и кирпичи на стройке таскал, и пшеницу с судов выгружал — все прошло ч ерез его руки. 22 февраля 1853 года отца Макария рукоположили в иеро-диакона, а через три года — 3 июня 1856 года в иеромонаха. С этого времени начинается деятельность отца Макария как помощника духовника отца Иеронима и игумена архимандрита Герасима.

С большим терпением и вниманием исполнял отец Макарий свои обязанности: он был и духовником, и экономом, и простым рабочим одновременно. Старец Иероним и его ученик отец Макарий своим глубоким взаимопониманием и взаимоуважением подавали прекрасный пример духовного общения.

10 мая 1875 года умер настоятель игумен Герасим, а 20 июля отец Макарий был избран и утвержден новым игуменом Пантелеимонова монастыря. После чего он принялся с новой силой за устройство своего монастыря. В своей деятельности он был неутомим: лично руководил всеми стройками в монастыре, следил за учреждениями подворий в Москве, Ростове и Одессе; вникал в детали жизни многочисленных метох монастыря; сам контролировал постройки келий и скита «Новая Фиваида»; и все это при том, что ни на секунду не оставлял духовного окормления своих многочисленных чад, и даже в глубокой старости, на 69-м году своей жизни, проводил строго постническую, подвижническую, воистину аскетическую жизнь. При этом он был везде и во всем первым. Участвовал, например, в служении всенощной, которая по афонскому уставу продолжалась почти всю ночь, затем служил обедню и присутствовал на трапезе.

День его начинался глубокой ночью. А ложился он спать за два часа до начала утрени. И не успеют отзвонить к утрени, как уже отец Макарий являлся в церковь, и вновь начиналась его деятельная сосредоточенная жизнь. Во время утрени

масса монахов и еще большее количество паломников устремлялось исповедоваться у самого батюшки. Они буквально осаждали его исповедальную келью на хорах Покровского собора, ожидая по два-три часа в очереди, потому что отец игумен исповедовал очень долго — по часу и более паломников.

Исповедовал он особенно. Не допрашивал о грехах, а одним своим словом и проникновенным взглядом действовал на исповедующегося так, что тот, чувствуя перед собой невидимое присутствие Всеведующаго, Всемиловитваго и Всепрощающаго Господа, открывал с полной откровенностью духовнику самые потаенные движения своего сердца. После окончания утрени и исповеди отец Макарий немедленно шел совершать раннюю Литургию. И совершал ее так преданно и самозабвенно, что она заканчивалась вместе с поздней, начинавшейся на полтора часа позднее.

Заканчивалась ранняя игуменская Литургия, и отец Макарий отправлялся в келью, но здесь, у ее дверей, уже опять дожидались многочисленные посетители: келиоты, пустынножители, сиромахи, мирские — и русские и греки. Лишь только игумен входил в свою келью, как вся эта толпа почти насильно врывается за ним в переднюю и начинала просить о своих нуждах. Приходилось запира́ть дверь в передней, чтоб дать возможность отцу Макарию выпить чашку чая и во время этого минут пять отдохнуть.

Как только бывала выпита чашка чая, сейчас же являлись и посетители — люди разных национальностей и с разными нуждами. У кого из них келлия требовала починки, у кого калива развалилась, кто просил одежды, кто — обуви, кто — скольнибудь денег. Всех выслушав, отец Макарий стремился каждому помочь в его просьбе. После того как все посетители бывали выслушаны и удовлетворены, отец игумен должен был идти на трапезу, после которой его опять окружали разные просители и паломники.

Наконец безконечно уставший отец Макарий отдыхал час или полтора. Затем, если день был почтовый, отец игумен садился за письменную работу, которая, исключая время вечерни и повечерия, занимала иногда все его время до десяти часов вечера.

В личном фонде игумена о.Макария, хранящегося в архиве Русского Пантелеимонова монастыря хранятся тысячи его писем к разным адресатам: он переписывался с благотворителями, с чадами своими в России, с родными, с братьями обители, находящимися на подворьях и метохах обители, с официальными государственными и

*Константин Леонтьев.
Фотография. 1889 год*

церковными деятелями.

Одним из многих чад его был знаменитый писатель и философ Константин Леонтьев, который высоко ценил своего духовного отца и переписывался с ним. В своем письме к нему из Оптиной пустыни Леонтьев называет отца Макария «незабвенный наставник и благодетель мой».

Живописные портреты архимандрита Макария и старца-духовника

Иеронима (Соломенцова), сделанные Константином Леонтьевым с фотографических карточек, висели в его кабинете над рабочим столом. После смерти горячо любимого им старца Макария он написал о нем воспоминания.

Жизненный путь отца Макария постепенно приближался к концу. Глубокое впечатление на него произвела смерть отца Иеронима наступившая в 1885 году. В январе 1888 года отец Макарий тяжело заболел и более двух месяцев не мог выходить из келлии. При этом он отказался от помощи докторов, предавшись воле Божией.

18 июля 1889 года, накануне кончины отца Макария, случилось празднество в Покровском храме в честь чудотворной иконы Боголюбской Божией Матери. Икону эту отец Макарий особенно почитал, потому что ею благословили его родители, когда он уезжал из дома.

Так как 18-го числа было празднество в честь всех новомучеников византийских, то отец игумен распорядился праздновать память Боголюбской Божией Матери на другой день, 19 июля. Сам он служил Божественную Литургию в храме Успения Божией Матери. После окончания Литургии он удалился в алтарь, где встал у окна и начал читать благодарственные молитвы. Диакон, вдруг услышал какие-то хрипящие звуки, и, взглянув по направлению отца Макария, увидел, что батюшка как тот неестественно склонился у подоконника. Через несколько часов после совершения им своей последней ранней Литургии отец Макарий мирно отошел ко Господу.

Печальные редкие удары колокола возвестили монастырю и окрестностям о кончине великого деятеля на благо русских на Святой Горе Афон.

На четвертый день после смерти, 23 июля,

На четвертый день после смерти, 23 июля, при разборке бумаг в келье найдено было написанное собственноручно завещание отца Макария. Оно было прочитано всей братии обители....

«Прошу и увещаю вас, возлюбленные братья, сохраните издревле установленный порядок общежития, постоянного исповедания и открытия своих помыслов и своего сердечного устроения игумену или духовнику и по разрешении приобретайте Святых Животворящих Таин, как всегда бывало. Этим поддерживается духовный строй и порядок души каждого в отдельности. Не нарушайте же сего спасительного добраго установления, которое мы здесь наследовали от

отцов-предшественников.

...Врата обители да не затворяются никогда для нищих и убогих и всякаго требующаго помощи...Сие соблюдайте неизменно, как было, и не ограничивайте вашей милости и после меня.

Поручаю вас, как всегда, покрову и заступлению и милости Царицы Небесной, Препоблагословенной Матери Господа нашего Иисуса Христа Бога истиннаго, Ему же со Отцем и Пресвятым Духом подобает всякая слава, честь и поклонение, и благодарение во веки. Аминь.

Игумен Русского Свято-Пантелеимона монастыря архимандрит Макарий».

Наталья Демушкина

СХИМОНАХ ИННОКЕНТИЙ (СИБИРЯКОВ): ЖИЗНЬ И ПОДВИГ МИЛЛИОНЕРА

В 2016 году исполняется 1000 лет первому документальному упоминанию о русском монашеском присутствии на Святой Горе Афон: в одном из актов главного афонского монастыря — Великой Лавры преподобного Афанасия — стоит подпись «Герасима, игумена монастыря народа Рос», как греки называли тогда русских. Торжественное церковно-государственное празднование этого юбилея как в России, так и на Афоне посвящено десятивековым связям между русским миром и уникальным международным монашеским государством Афон, роли монашества в истории Православия и России, сохранению автономного статуса Святой Горы.

За тысячелетний период русского монаше-

ства на Афоне не только укрепились взаимные культурные и религиозные связи России со Святой Горой, но и многие достойные, выдающиеся и святые люди своим бытием навсегда связали Русь и Афон. Это преподобные Антоний Печерские и Силуан Афонский, Константин Леонтьев... В сонме этих выдающихся людей достойное место занимает и имя схимонаха Иннокентия, в миру — Иннокентия Михайловича Сибирякова — миллионера, золотопромышленника и подвижника.

Иннокентий Михайлович родился 30 октября 1860 года в Иркутске в семье Михаила Александровича и Варвары Константиновны Сибиряковых, среди шестерых детей он был предпоследним ребенком. Родители будущего монаха были продолжателями знаменитых купеческих династий Сибиряковых и Трапезниковых, а его отец — купец 1-й гильдии по наследству — первым в роду стал успешным золотопромышленником. Именно он создал капитал, который унаследовали его дети. В 1863 году он нашел золото в бассейне реки Бодайбо и основал резиденцию золотопромышленной компании. Через сорок лет значительно

золотодобывающей отрасли России.

Обладая огромным состоянием, чета Сибиряковых вместе с тем славилась благотворительностью. Они не только жертвовали на строительство храмов и благоустройство монастырей, но опекали приюты, дома престарелых и инвалидов. Они вели активную общественную деятельность, состояли членами различных попечительств.

Иннокентий рос, с детства впитывая примеры благочестивых деяний взрослых. Из родительского дома вынес он глубокое уважение к родителям, к старшим по возрасту и званию. На формирование характера юноши большое влияние оказал его крестный отец и дядя — Сергей Константинович Трапезников. Он был известен своей общественной деятельностью и отзывчивостью к нуждам города: служил церковным старостой кафедрального собора, являлся членом губернского комитета попечительства о тюрьмах, о больных и раненых воинах, инициатором создания Иркутского пожарного общества. Интересен следующий факт: будучи членом комитета по устройству в Иркутске часовни во имя Христа Спасителя, он пригласил для работы петербургского архитектора Михаила Щурупова (). Впоследствии именно этот архитектор разработает и проект собора в честь апостола Андрея Первозванного, возведенного на средства Иннокентия Сибирякова на Афоне, в Свято-Андреевском скиту.

Не только родители, но и старшие братья Иннокентия были известны своей попечительской и общественной деятельностью. Александр Михайлович, например, финансировал экспедицию А.Э. Норденшельда по освоению Северного морского пути, а в 1914 году подарил России первый ледокольный теплоход, которому было присвоено имя Александра Сибирякова. Имя мецената увековечено и на географической карте России. В Карском море есть остров, названный в честь А.М. Сибирякова.

Иннокентий рано остался без родителей. После смерти отца 14-летнего мальчика забирает в Петербург под свою опеку брат Константин. В частной гимназии Ф.Ф. Бычкова юноша, с удовольствием получая среднее образование, был любознательным и прилежным учеником, уже тогда положил начало своей широко известной впоследствии благотворительной деятельности.

После поступления в университет на естественно-математическое отделение, Иннокентий вскоре перевелся на юридический факультет, где впервые столкнулся с откровенной человеческой корыстью. Когда после продолжительной болезни ему нужно было наверстать пропущенный материал и он хотел подготовиться с университетскими профессорами в частном порядке, те, зная о его богатстве, запросили фантастичные гонорары. Это происшествие оттолкнуло его от профессоров и от науки настолько, что он переходит в разряд вольнослушателей, продолжая тем не менее благотворить.

Иннокентий Михайлович Сибиряков

К 26 годам у него было 70 личных стипендиатов, которые учились и в России, и за рубежом. Более 600 тысяч рублей истратил Сибиряков на издание книг научного и культурного содержания. 420 тысяч рублей он выделил для выдачи пособий рабочим, получившим увечья на приисках в Якутской области и семьям погибших. Особое внимание уделял Иннокентий Михайлович осуществлению проектов, направленных на просвещение его родного края — Сибири. Несмотря на то, что в эти годы Сибиряков тратил средства, в основном, на образовательные, культурные и научные цели, нельзя не сказать и о том, что он вы-

делил значительную сумму на устройство и украшение в Иркутске церкви преподобного Михаила Клопского — небесного покровителя его отца — в богадельне имени М.А. Сибирякова, а также на строительство в родном городе храма Казанской иконы Божией Матери, соорудившегося несколько лет попечительством его старшего брата Александра. Когда Александр пытался вернуть Иннокентию занятые у него несколько сотен рублей, тот отказался их брать, сказав: «Я — брат тебе. Пусть и моя лепта будет с твоей в святом деле».

У каждого человека к тридцати годам наступает переломный момент — время, когда он переосмысливает свои стремления, идеи, чаяния, когда заканчиваются юношеские искания некой новой формы мироощущения, когда человек входит в стадию зрелого, обдуманного, сформированного им самим мировоззрения. В этот момент как никогда остро встает вопрос о цели и смысле жизни. У Иннокентия такой перелом совпал с его возвращением в Россию в конце 80-х годов из образовательной поездки по европейским странам. Он разочаровался как в научном методе познания мира, так и в рациональном образе жизни европейских народов и в идее достижения материального благополучия — как цели социального развития общества. Россия с живой верой народа, с православным укладом жизни, с тяготением к правде стала желаннее, ближе и дороже его духу. Западная цивилизация настолько оттолкнула Иннокентия Сибирякова своей бездуховностью, что вернувшись, он начинает усердно изучать православную духовную традицию. Постепенно становилась ясной и цель жизни: подвиг внутреннего преображения, нравственного обновления и перевоспитания самого себя.

Вместе с изучением Евангелия, он начинает вести активный поиск духовного руководства: совершает паломничества по монастырям и храмам России. В это время на Петербургское подворье Афонского Свято-Андреевского скита со Святой Горы привели чудотворный образ Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение».

Это событие не могло остаться незамеченным Сибиряковым. Здесь на подворье подвизался иеромонах Давид (Мухранов; Андрей Тимофеевич Болотов, 1931), будущий духовник Иннокентия.

*Афонская чудотворная икона Божией Матери
«В скорбех и печалех утешение»*

Измученный зноем бездуховного и рационального Запада, иссушающего душу, на Афонском подворье Иннокентий нашел источник и не захотел от него более удаляться. Однако, по словам Спасителя, нелегко богатому войти в Царствие Небесное. Трудно было и миллионеру Иннокентию Сибирякову расстаться со своим богатством — даже не по причине, что тяготила евангельского богача. Иннокентий Михайлович уже решил принять монашество и стремился к нему, раздавая денежные суммы всем без исключения нуждающимся, приходящим к нему до нескольких сот человек в день.

Но враг рода человеческого, не сумев поймать его в ловушку сребролюбия, стал строить другие препятствия. Иннокентия Михайловича объявили умалишенным. Капиталы его арестова-

ли, и два года велось судебное разбирательство по делу о недееспособности И.М. Сибирякова. Его благотворительность вменялась ему в вину. Общественность не могла принять и понять его поступки. Тайная полиция предупреждала о том, что бездумная раздача денег может привести к тому, что в руках революционеров окажется большая сумма. Родственники говорили, что Иннокентия ввели в заблуждение, «окрутили» и подчинили своей воле монахи, с которыми он в последнее время общался, и теперь он исполняет все их пожелания, тратя огромные суммы на храмы и обители.

За время судебного разбирательства много раз миллионеру пришлось проходить унижительные процедуры медицинского освидетельствования и давать показания. Сам Иннокентий Михайлович искренне не понимал подобного обращения: какое им дело, на что я трачу собственные деньги? Господь не оставил своего избранника в этих испытаниях. Медицинская комиссия не нашла никаких психических отклонений, и суд вернул Сибирякову его богатство. Но оно уже мало интересовало будущего схимника. Как только суд его оправдал, Иннокентий переселился на Свято-Андреевское подворье. Выбрав себе духовного руководителя в жизненном пути иноческого делания, Сибиряков вверил и земной свой капитал в руки иеромонаха Давида, который жертвовал его на строительство храмов и устройство приютов. Правда, пожертвования с тех пор делались анонимно. Оставшееся недвижимое имущество Иннокентий Михайлович раздал монастырям, попечительским организациям и приютам. Он свернул свою общественную деятельность, сделав напоследок внушительные взносы тем организациям, членом попечительского совета которых он состоял. Так, продав свои имения и раздав все деньги нищим, он 1 октября 1896 года принял иноческий постриг. Вскоре инок Иннокентий отправился на Святую Гору, но несколько раз приезжал еще в столицу, а после монашеского пострига в 1898 году жил на Афоне постоянно, подвизаясь со своим духовником в келье, построенной им возле Андреевского скита. В келье, помимо жилых построек, была построена еще и церковь святых Иннокентия Иркутского и Давида Солунского.

Андреевский скит был в то время еще

Соборный храм Андреевского скита на Афоне

неблагоустроен. Строительство храма и корпусов было начато, но средств не хватало, и на постройке фундамента, растянувшейся на целое десятилетие, дело почти прекратилось. С прибытием новых насельников, работы по строительству не просто возобновились, они закипели с невиданным еще дотоле размахом. Всего 6 лет спустя и величественный собор, и вместительный больничный корпус были полностью достроены. 16 июля 1900 года при стечении множества монахов и паломников, в присутствии высоких чинов и участия сонма духовенства состоялось торжественное освящение Андреевского собора. Среди братьев состоял и насельник скита схимник Иннокентий (Сибиряков) — главный ктитор и жертвователю созданного храма. Собор и поныне, несмотря на годы запустения во времена безбожной власти в России, мертвым тленом коснувшегося и далекого Афона, продолжает восхищать и удивлять приходящих сюда паломников.

Немного прожил на Святой Горе схимонах Иннокентий (Сибиряков) — 6 ноября 1901 года после непродолжительной болезни (предположительно чахотки) он скончался, прожив в иночестве 5 лет. Господь забирает души праведников в момент их совершенной готовности, когда созреет плод их духовного делания: одного — в 20 лет, другого — в 80 лет. Схимонах Иннокентий оказался готовым в 41 год. Плод созрел для райского сада. Похоронен он был на почетном месте возле собора — как ктитор, а по прошествии трех лет косточки его обрели и поместили в скитской костнице.

*Честная глава схимонаха
Иннокентия (Сибирякова).
Костница Андреевского скита*

Смерть бывшего капиталиста, миллионера и просвещенного благотворителя на Афоне не осталась незамеченной русской общественностью. Во

всех центральных газетах и журналах были опубликованы статьи и очерки о кончине мецената.

И если несколькими годами ранее — во время судов над ним — авторы статей осуждали поступок Иннокентия Михайловича, то после его кончины все восхищались блаженной кончиной и добрым словом вспоминали его благодеяния.

Земная жизнь миллионера Сибирякова закончилась. В чем же состоял его жизненный подвиг? Если говорить о подвиге только с материальной точки зрения, то поступок Сибирякова не понятен обществу — ни тогда, ни сейчас: можно много хорошего сделать для людей и не уходить из мира, оставаться у управления капиталом и быть общественно значимым и почитаемым человеком. Но смысл его подвига будет понятен, если посмотреть на него духовным взором, если открыть Евангелие и вникнуть в слова Спасителя — как это сделал И.М.Сибиряков: его подвиг стал его движением, восхождением к Небесному Царству. Господь сказал, что «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23). Но Он не сказал, что невозможно. И доказательством этому, наглядным продолжением евангельских слов Спасителя — что это вполне возможно — и являет собой сама жизнь схимонаха Иннокентия (Сибирякова).

Схимонах Амвросий (Болотов) — афонский монах и бывший губернатор

Афонские паломники, попадающие в костницу Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе, всегда обращают внимание на одну из многочисленных честных глав, находящихся в кладбищенском храме. Надпись на белого цвета кости гласит: «Схимонах Амвросий Губернатор».

Отец Амвросий происходит из достопамятного в отечестве нашем рода Болотовых. Среди них и первый ученый-агроном, участник русско-турецкой войны 1828-1829 годов генерал-майор Генерального Штаба и профессор геодезии и картографии Императорской военной академии Алексей Павлович Болотов († 1833), первая на-

стоятельница Шамординской обители и духовная дочь Оптинского старца, преподобного Амвросия Оптинского († 1891) схимонахиня София (Болотова; † 1888), петербургский художник и знаменитый оптинский иеромонах и живописец отец Даниил (Болотов; †1907).

Будущий схимонах Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отец Амвросий (в миру Александр Владимирович Болотов) родился 3 октября 1866 года в Петербурге в семье потомственных дворян Владимира Алексеевича и Софии Петровны Болотовых. Его отец служил мировым судьей. Александр Владимирович пошел по стопам отца, закончил Императорское училище правоведения в 1888 году, и 2 ноября того же года был причислен к Министерству юстиции. В июле 1891 года, успешно пройдя процедуру выборов, он вступил в должность добавочного мирового судьи Петербурга. Достаточно быстро продвигаясь по служебной лестнице, А.В. Болотов 11 апреля 1894 года занимает должность секретаря прокурора Харьковской судебной палаты, а спустя год, 15 марта 1895 года, он уже причислен к Государственной канцелярии.

В ноябре 1895 года состоялось венчание Александра Владимировича Болотова и Стефаниды Сергеевны Толстой из древнего дворянского рода Толстых.

В 1897 году начинается новгородский период службы Александра Владимировича: в феврале его назначают кандидатом на должность земского начальника. 11 октября он избирается членом Новгородской уездной земской управы, а в 1899–1902 годы занимает должность земского начальника 1-го участка Новгородской губернии (в Любани). И, наконец, в последней своей административной должности в Новгородской губернии А.В. Болотов выступил в качестве предводителя новгородского уездного дворянства. Помимо того, с 1893 года и до революции А.В. Болотов — почетный мировой судья, а с 1898 года — гласный губернского земского собрания, каковым он и оставался до 1917 года.

2 ноября 1901 года А.В. Болотову был пожалован чин надворного советника, а с 17 апреля 1905 года — камер-юнкера. И в этом же году последовало назначение А.В. Болотова губернатором в Пермскую губернию.

Пермская губерния была третьей по величине в Европейской России с 3,5 миллионов населения.

Болотов принял дела в губернии в тяжелое время — в декабре 1905 года. С первого дня губернаторства на имя А.В. Болотова приходили телеграммы с известиями о стачках и восстаниях рабочих. В связи с этим в губернское правление и губернатору лично поступали циркуляры по установлению усиленной охраны, и, в конечном итоге, Пермская губерния была объявлена на положении чрезвычайной охраны.

*Александр Владимирович Болотов.
Фотография. 1910 год*

Александр Владимирович Болотов, вступив в управление губернией в декабре 1905 года, всю свою энергию направил на восстановление общественного порядка.

Разрешая многочисленные конфликты рабочих и владельцев уральских заводов, А.В. Болотов старался действовать не с позиции силы, а с позиции здравого смысла и справедливости, прибегая к помощи войск лишь в самых крайних случаях.

Конечно, губернатор руководствовался прежде всего своей основной обязанностью —

поддержанием мира и спокойствия в пределах губернии, — однако, даже ради достижения такой цели он никогда не потакал ни чрезмерным требованиям рабочих, ни злоупотреблениям заводоуправлений. Успокоив народные массы, и всей душой восприняв начавшиеся столыпинские реформы, он, как мог, содействовал проведению их во вверенной ему губернии. По его ходатайству 15 мая 1907 года в Перми вновь было открыто отделение Крестьянского банка. Он же позаботился о создании уездных землеустроительных комиссий и губернской, объединившей их действия.

По инициативе А.В. Болотова возник Пермский губернский отдел общества «Русское зерно», учредительное собрание которого состоялось 22 октября 1909 года. Отдел ставил своей задачей широкую помощь населению для поднятия земледелия, сельского хозяйства и кустарных промыслов.

Много внимания А.В. Болотов уделял перспективам экономического развития Пермской губернии. В своих докладах губернатор особо подчеркивал (на основе личных исследований) необходимость разработки Ухтомского нефтяного месторождения и соединения водным путем бассейнов рек Камы, Печоры и Волги.

Духовенство Пермской епархии и верующие также нашли в лице А.В. Болотова сердечного и отзывчивого начальника. В 1909 году, когда жители города возобновили ходатайство о перенесении из Москвы в г. Пермь святых мощей святителя Стефана Пермского († 1396), губернатор стал одним из главных вдохновителей этого дела.

Немало заботила пермского губернатора и развитие образования в вверенной ему губернии. При А.В. Болотове, например, в сентябре 1908 года было заложено каменное здание городского начального училища. Его стараниями было возбуждено ходатайство об открытии в г. Перми высшего учебного заведения — Уральского политехникума (27 сентября 1909 года).

5 декабря 1909 года А.В. Болотов подал прошение об отставке, по официальной версии

в связи с расстроеным здоровьем (в сентябре 1907 года ему была проведена трепанация черепа, вызванная последствиями воспаления среднего уха. После операции, в течение 1907-1909 годов он четырежды воспользовался отпуском для лечения).

Отставка была получена 31 декабря. Красноречивым свидетельством установившихся сердечных отношений между губернатором и населением пермской губернии является письмо городского главы г. Перми и представителей купечества на имя П.А. Столыпина, в котором они просили оставить А.В. Болотова в качестве губернатора.

О дальнейшей судьбе камер-юнкера А.В. Болотова, ставшего в последствии камергером Высочайшего двора, действительным статским советником, можно судить лишь по его собственным воспоминаниям, бережно сохраняемым в архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. В 1911 году он попытался восстановиться на службе, но в этом А.В. Болотову было отказано. До 1914 года с супругой они проживали в Царском Селе.

С началом Первой мировой войны (1914-1918) Александр Владимирович записался в Красный Крест и попал уполномоченным Красного Креста в 3-ю армию на Галицийский фронт. В начале октября 1916 года А.В. Болотов получил должность Почетного опекуна Петербургского присутствия Опекунского Совета, которую и за-

нимал вплоть до мая 1917 года. После Октябрьской революции (1917), чета Болотовых переехала в Финляндию, затем в Одессу, откуда в конце марта 1919 года с трудом выехали через Константинополь на Мальту. Затем в Румынию в город Сибиу (Трансильвания).

Здесь, в изгнании, Александр Владимирович пишет воспоминания, в которых много размышляет о судьбе покинутой Родины. Характерны горькие признания бывшего губернатора могучей Российской империи, а ныне вынужденного скитальца: «Я жалкий обломок русской государственности, русского богатства и былой русской мощи. Да, мы распяли свою Родину, частица вины на каждом из нас».

После смерти жены, наступившей 10 августа 1922 года, Александр Владимирович Болотов остался совсем один. Случайно, в парижской газете «Возрождение» он обращает внимание на очерки Б.К. Зайцева о путешествии на Святую Гору Афон. И он загорается желанием посетить эти святые места. Вступив в переписку с игуменом Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне архимандритом Мисаилом (Сапегиным; † 1940), он получает от него ответ, развеявший все его сомнения: «Не беспокойтесь. Вы приезжаете в родную, русскую обитель».

Архимандрит
Мисаил (Сапегин)

В дни Страстной седмицы 1929 года А.В. Болотов впервые вступил на землю Афона. Появление нового паломника в Русском Пантелеимоновом монастыре не осталось незамеченным. Замечательный летописец, бессменный казначей и ризничий Покровского собора отец Флегонт

(Лебедев) отметил в своем дневнике, рядом с фотографией А.В. Болотова за 1929 год: «С 13 мая по 1-ое июня гостил у нас, прибыл из Бухареста из числа беженцев бывший пермский губернатор Александр Владимирович Болотов. Из дворян Новгородской губернии, женат на Стефаниде Толстой, урожденной Тверской губернии, детей не было. Автор книги «Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека», напечатанные в Париже в 1924 году. 354 страницы весьма интересные. На Афоне побывал в Андреевском и Ильинских скитах». Итогом этой поездки А.В. Болотова стала небольшая книга, изданная в 1929 году в Варшаве под неброским названием: «Страстные и Светлые дни на Афоне». В ней автор, прежде всего, показывает уникальность этого уголка русского православного мира и его беззащитность от бед и невзгод, обрушившихся на него в XX веке.

Поездка на Русский Афон не прошла бесследно для А.В. Болотова. Стремление вновь приобщиться к монашеской жизни привело в 1930 году Александра Владимировича в Почаевскую Свято-Успенскую Лавру. В архиве Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне в фонде А.В. Болотова хранится рукопись «У Почаевских святынь».

Александр Владимирович прибыл в Почаевскую Лавру накануне престольного праздника обители — Успения Пресвятой Богородицы. Лавра была выбрана не случайно. Как и Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне, Свято-Успенская Почаевская Лавра воспринималась А.В. Болотовым как уголок старой, доброй Руси, затерявшейся на чужбине. И здесь в Лавре, как и на Афоне, он, вынужденный изгнанник, искал молитвенного утешения после постигших невзгод и лишений и обретал его.

Как пишет А.В. Болотов в очерке «У Почаевских святынь», приняли его «сердечно и радушно», он «загостился здесь, благо не гонят» почти до ноября 1930 года. Живя в Почаеве, он мысленно неоднократно переносился на Афон. Пребывание в двух великих православных обителях — Русском Пантелеимоновом монастыре и Почаеве в 1929 и 1930, несомненно, повлияло на решение Александра Владимировича вступить на иноческий путь.

22 августа 1931 года он вторично приезжает

на Афон. 7 ноября он поступает в число братии Русского Пателеимонова монастыря, а 8 ноября 1931 года принимает постриг в рясофор с именем Амвросий. На выбор монашеского имени возможно повлияло почитание Александром Владимировичем оптинского старца — преподобного Амвросия. Встреча со старцем в ранней юности оставила неизгладимый след в памяти Болотова.

Семь лет молитвенных трудов провел в Русской афонской обители бывший пермский губернатор. В 1938 году, после перенесенной тяжелой болезни и истощения, отец Амвросий совершенно слег. Об этих днях подвижника отец Флегонт (Лебедев) в своих дневниках пишет следующее: «Все переносил с великим терпением и покорностью воле Божией. 2 февраля по благословению болящего игумена отца Мисаила, больничным духовником отцом Сергием пострижен в схиму, пищи почти не принимал, а только мало питья, часто приобщался Святых Таин... 13 февраля 1938 года в субботу на ранней литургии приобщился Святых Христовых Таин, будучи в полном сознании, а в четыре часа дня, тихо, безболезненно и скончался. Был вынесен седмичным иеромонахом Флегонтом в храм Преподобных Афонских, где читался Псалтирь. В воскресенье 14 февраля (о Страшном Суде)

после ранней литургии и отпет отцом Сергием (вновь седмичным). Буди ему вечная память!».

Александр Владимирович Болотов (схимонах Амвросий), после смерти горячо любимой супруги Степаниды Сергеевны в 1922 году, приступил к написанию своих воспоминаний. Первая книга под название «Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека» была издана в Париже в 1924 году. Работа над воспоминаниями на этом не закончилась. В 1925 году в Париже выходит новая книга «Господин Великий Новгород».

В архиве монастыря сохранились дневники отца Амвросия (Болотова), его письма и литературные произведения которые он посылал в журнал «Хлеб Небесный», выходивший в Харбине в 30-е годы.

*Честная глава
схиархимандрита
Амвросия*

Дарья Демина

Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Иеремия (Алехин)

Отец Иеремия родился в хуторе Новорусском (Ростовская область) 9 (22) октября 1915 года в день памяти апостола Иакова Алфеева, в честь которого и нарекли новорожденного. Иаков был младшим ребенком в семье Алехиных, родители — Филипп и Татьяна — воспитывали еще

трех сыновей: Ивана, Василия и Тихона. Это была очень благочестивая семья, даже в трудное богорборческое революционное время они сумели сохранить любовь и верность Богу. Большую роль в воспитании младшего внука сыграл дед Иаков, который был очень набожным человеком, любил

молиться, читать по ночам Псалтирь и говорить о Боге.

В конце 20-х годов семью Алёхиных раскулачили. Главу семейства арестовали, однако старший сын Иван предложил властям себя вместо престарелого отца и сел в тюрьму как «кулак», а всю семью вскоре отправили на Урал. Из Соликамска на барже семью Алёхиных и еще около 100 человек (среди которых было много детей) переправили в верховья реки Камы, где их высадили на пустынном берегу. Там не было ни одной постройки, кроме маленького домика у пристани для начальства, основной задачей которого было следить, чтобы никто из ссыльных не сбежал с места поселения, и чтобы они исправно выполняли свою работу. Ссыльные «кулаки» из местных сосен построили себе избушки и исправно трудились, рубя лес и сплавливая его по реке. Люди жили в тяжелых условиях, постоянно испытывая голод и холод, многие поселенцы умирали, в том числе, и дети. Через полгода после переселения заболела и умерла мать Иакова. После ее смерти отец и старшие братья попытались бежать, однако были замечены охраной и возвращены на место поселения. После неудачного побега членов семьи Алёхиных разделили, и сыновья больше никогда не видели отца. Позже старшим братьям все-таки удалось бежать. Вскоре за ними последовал и Иаков. На всем долгом пути домой юноша встречал добрых людей, память о которых отец Иеремия хранит всю свою жизнь: сначала начальник караула выпустил Иакова на свободу и даже дал ему 3 рубля, чтобы тот мог оплатить переправу; затем сбежавшего Иакова заметила группа комсомольцев, которые должны были сдать беглеца обратно в лагерь, однако они пожалели его и отпустили; во время долгого пути люди, рискуя своей свободой, помогали Иакову, давая ему еду и ночлег.

Наконец, спустя пару лет, в 1935 году юноша добрался до родных краев, до Донбасса, и разыскал своих братьев. Старший Иван, который отбыл тюремный срок вместо отца, жил и работал кузнецом недалеко от родного хутора — в Луганске. Братья Василий и Тихон работали на Мариупольском металлургическом заводе, куда устроился и Иаков. Несмотря на то, что молодой человек отказался вступить в партию, открыто объ-

вив себя христианином, на заводе его ценили и любили, а скоро он даже стал старшим в бригаде.

Когда началась Великая отечественная война, старшие братья Иакова ушли добровольцами на фронт, а сам Иаков остался трудиться на заводе. Большинство рабочих завода Ильича не призывали на фронт, потому что завод имел важное оборонное значение — там выпускали броневую сталь для танков, торпедных катеров и самолетов.

Когда в конце лета 1941 года линия фронта приблизилась к городу, было принято решение об эвакуации всех промышленных предприятий на Урал. Иаков Алёхин на тот момент был бригадиром крановщиков и активно участвовал в погрузке оборудования, которое переправлялось железнодорожным и морским путем. Один из последних кораблей был подбит в гавани фашистским танком — 8 октября 1941 года Мариуполь был взят немецко-фашистскими захватчиками. Захват города был неожиданным и молниеносным. Многие жители города, в том числе и Иаков, так и не успели покинуть город. За время 23-месячной оккупации гитлеровские солдаты расстреляли в городе около 10 тысяч мирного населения, около 36 тысяч советских военнопленных умерли в концлагерях, организованных на территории города, около 50 тысяч молодых людей были угнаны в Германию. Среди принудительно угнанных на работы в Германию был и Иаков. Там, в маленьком городке Зинген на юге Германии, молодой человек 3 года трудился на фабрике, где ему снова пришлось испытать и голод, и холод, и каторжный труд.

Судьба братьев Алёхиных в военные и послевоенные годы сложилась по-разному. Иван участвовал в боях, был взят в плен и угнан в Германию, после войны он остался в Бельгии, а затем переехал в Канаду. В 90-х годах XX века Иван приезжал на Афон повидать брата, бывшего в тот момент уже игуменом. Василий пал смертью храбрых при форсировании Днестра в 1944 году. Тихон был летчиком, получил тяжелые ранения — он умер в 1954 году.

Иаков после окончания войны 11 лет работал на хлебозаводе в Луганске. Он уже тогда знал, что желает посвятить свою жизнь служению Господу и никогда не скрывал своей веры, но поступить в семинарию и монастырь сразу ему не удалось. Стать семинаристом Одесской духовной се-

минарии Иаков смог лишь в 1956 году, на тот момент ему был 41 год. Одновременно он стал послушником Одесской Свято-Успенской обители, где 17 января 1957 года принял монашеский постриг с именем Иеремия в честь преподобномученика Иеремии (из собора Преподобных Отцов, в Синае и Раифе избивенных; память 14/27 января). В том же году он был рукоположен в иеродиакона, а в следующем — в иеромонаха. В монастыре он выполнял послушание келаря. В это время в обители проживал бывший насельник афонского Свято-Пантелеимонова монастыря преподобный схиигумен Кукша (Величко; † 1964), который стал духовным наставником келаря Иеремии. Последние полтора месяца перед смертью преподобного, будучи тяжело больным, святой Кукша просил отца Иеремию причащать его Святых Христовых Таин, что тот и делал ежедневно до самой смерти старца. Однажды преподобный сказал: «Чем отблагодарить тебя, чадо?.. Будешь игуменом на Афоне». Это предсказание преподобного сбылось, но келарю Иеремии предстоял еще долгий путь на Афон.

В 1960 году, узнав, что из Псково-Печерской обители некоторые монахи будут направлены на Святую Гору Афон в Свято-Пантелеимонов монастырь, отец Иеремия по благословию преподобного Кукши тоже подавал прошение. Однако ждать разрешения пришлось 14 лет — только в 1974 году патриарх Константинопольский Димитрий († 1991) из шести монахов из СССР выбрал троих, в их числе и отца Иеремию (в конечном итоге из всех избранных кандидатов на Афон попал лишь архимандрит Иеремия).

В Лазареву субботу 26 апреля 1975 года в Свято-Успенском храме Одесского мужского монастыря проходили торжественные проводы архимандрита Иеремии на Святую Гору. 27 апреля, в праздник Входа Господня в Иерусалим, после совершения ранней Божественной Литургии, архимандрит Иеремия отбыл из Свято-Успенского монастыря в Москву для дальнейшего следования на Афон. В столице отца Иеремию ожидал игумен Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Авель (Македонов, † 2006), который вел переговоры с Московской Патриархией о необходимости прислать насельников в русский монастырь на Афоне. 28 апреля 1975 года архимандрит Иеремия

из Москвы направился на Святую Гору к месту своего нового послушания в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре.

Когда отец Иеремия прибыл на Афон, в Свято-Пантелеимоновом монастыре вместо бывших 2000 тысяч насельников проживало лишь 14 человек братии, большинство из которых были в очень преклонном возрасте, постройки обители обветшали, некоторые были повреждены пожарами, территория поросла диким кустарником.

Отец Иеремия прибыл на Святую Гору уже немолодым человеком, ему было почти 60 лет. Первыми его словами братии русского афонского монастыря были: «Простите, что прибыл к вам в таком возрасте». По прибытии в обитель новый насельник был назначен на послушание келаря, а затем старцы назначили его ризничим и ввели в Собор старцев монастыря. А еще почти через год, в апреле 1976 года, отец Иеремия был избран духовником братии.

В октябре 1989 года являвшийся на тот момент игуменом обители отец Авель поехал в СССР на похороны своего друга архиепископа Никодима (Ротова; † 1978). Перед тем как покинуть Афон, схиархимандрит обратился с последним словом к братии и сказал, что не знает, что ждет его в России и призвал братию во всем слушаться духовника обители, архимандрита Иеремию. Отец Авель больше не вернулся в обитель, из Москвы он прислал прошение освободить его от должности игумена. Собор старцев назначил отца Иеремию местоблюстителем, затем он единодушно был избран игуменом и вскоре утвержден в должности патриархом Константинопольским Димитрием († 1991). 9 июня 1979 года состоялась торжественная интронизация, в которой принимали участие представители и других монастырей Афона.

Духовником обители стал иеромонах Илиан (Ноздрин) — ныне схиархимандрит Илий, духовник Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Отец Илий поступил в обитель годом позже отца Иеремии и прожил в ней 10 лет.

Когда отец Иеремия стал игуменом, там проживали всего 14 иноков, но уже через несколько лет их количество увеличилось до 20.

*Отец Иеремия в день интронизации.
9 июня 1979 года*

Однако прибывшие из России иноки были мало подготовлены к жизни на Афоне, не знали его традиций и устава, а старцы зачастую не обладали достаточными телесными силами, чтобы являть собой должный пример для молодых. Уставная жизнь монастыря начала расшатываться. Отец Иеремия, будучи игуменом, сверял все стороны жизни обители, каждую малость, с богослужебными и уставными дневниками монастырских уставщиков, составленными еще во времена старцев Макария и Иеронима. Трудями игумена и братии обители удалось сохранить добрые традиции и правила великих старцев. Отец Иеремия показывал насельникам монастыря личный пример трудолюбия и благочестия. Благочинный и антипросоп монастыря иеромонах Кирион так рассказывает об игумене: «Пилу, лопату, малярную кисть или кирпичи в его руках увидишь чаще, чем игуменский жезл. Однажды, еще в 80-х годах, он вместе с отцом Ионой — смотрителем Старого Русика, вместе перекрасили крышу соборного храма скита. А ведь отцу Игумену было уже под 80».

Схиархимандрит первым приходил в храм, сам зажигал лампадки, свечи, нередко сам давал

начальный возглас и начинал читать полунощницу. Он всегда внимательно следил за ходом службы, сам читал поучения из святых отцов, до 90 лишним лет никогда не садился во время службы, а затем делал это лишь изредка и по немощи. Отец Иеремия до сего дня принимает личное участие во всех делах обители: регулярно посещает строительные объекты монастыря, вникает во все документы, возглавляет заседания Собора старцев, лично руководит закупками продовольствия за пределами Святой Горы (желая оградить братию от выездов в мирскую среду), также старец по мере сил старается посещать все богослужения.

За 37 лет игуменства архимандрита Иеремии русский монастырь на Афоне вновь предстал в своем величии: были реконструированы ветхие корпуса, заново отстроены разрушившиеся строения, восстановлены 20 храмов и 2 собора, построено 6 новых храмов, восстановлены 5 пустынных келий, обновлена обитель Богородицы Ксилургу, почти завершена реставрация Старого Русика, учреждены новые монастырские праздники. Также обитель возродила духовно-просветительскую и издательскую деятельность.

В настоящее время отец Иеремия является старейшим игуменом Святой Горы.

Архимандрит Иеремия удостоен ряда наград — церковных, государственных и общественных.

В 2005 году Свято-Пантелеимонов монастырь впервые посетил Президент Российской Федерации — Владимир Путин. Вторая поездка Президента В.В. Путина состоялась 28 мая 2016 года.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл как первоиерарх Русской Церкви посещал Афон в июне 2013 году и в мае 2016 года — поездка первосвятителя было приурочена к празднованию 1000-летию Русского Афона.

В 2011 году отец Иеремия во главе делегации, состоящей из членов Собора старцев монастыря, посетил свою родину (где он не был уже около 40 лет). Также он встретился с президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым и с патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Отец Иеремия стал первым игуменом Пантелеимонова монастыря, посетившим Россию за последние триста лет.

*28 мая 2016 года Визит Святейшего Патриарха Кирилла в Грецию.
Встреча с Президентом России Владимиром Путиным в Свято-Пантелеимоновом монастыре*

Эта встреча игумена русского монастыря на Афоне с предстоятелем Русской Церкви, а также главой Российского государства имела важнейшее значение для восстановления духовных связей Русского Афона с Русской Церковью и Отечеством, которые были прерваны в годы революции 1917 года.

Когда отец Иеремия возвратился в свою обитель на Афоне, то, несмотря на глубокую ночь, вся братия вышла на пристань, встретив его возвращение праздничным колокольным звоном.

Будучи на протяжении многих лет игуменом такой крупной обители (здесь подвизается около 100 насельников), батюшка остается прост в общении и быту, нестяжателен, аскетичен, строг и требователен к себе и в то же время очень добродушен и любвеобилен как по отношению к братии, так и к паломникам.

Отец Иеремия своим деятельным примером проповедует христианскую любовь и добродетель. Отличительной чертой его духовного облика является добродетель не помнить и не видеть зла, но помнить добро и быть благодарным: Богу и людям. Заведующий библиотекой Свято-Пантелеимонова монастыря, отец Ермолай (Чезия) вспоминает, как игумена навестил в обители его давний друг — один известный русский эмиг-

рантский деятель, подобно отцу Иеремии переживший много лишений за свою жизнь (в том числе, советские и фашистские концлагеря). И когда друзья вспоминали о прошлом, этот человек рассказывал о страданиях, о жестокостях и издевательствах, о лишениях. А отец Иеремия вспоминал о всем том добре, которое видел от людей на своем трудном жизненном пути: как на Родине, так и на чужбине. И при этом улыбка, вызываемая хорошими и приятными воспоминаниями, была на устах старца. Удивительное умение видеть и хранить в сердце своем добро и быть благодарным Господу за все до глубины души тронуло присутствующих при той беседе монахов.

По словам отца Игумена, благодарность — есть величайшая добродетель: «Умение быть благодарным воспитывает в человеке покорность воле Божией, облегчает путь ко стяжанию смирения, обучает молитве, помогает постичь таинство любви. Благодарная душа никогда не будет роптать на судьбу, никогда не обидит ближнего и даже не превознесется над ним, она будет прилежна к молитве и богослужению, отнюдь не тяготясь их продолжительностью. Благодарная душа не может не быть милостивой, не может ненавидеть и замысливать зло, потому что помнит оказанную ей милость и стремится сторицею воздать тем же».

Мёд прощения

Старец Савва был монахом, которого отличала большая любовь к людям.

Однажды к нему пришли двое торговцев, замысливших обман.

— Благословите, отче, — сказали торговцы с притворным смирением, склонившись и поцеловав ему руку.

— Бог благословит, — ответил отец Савва.

— Мы привезли прекрасный мёд. Там у причала стоит лодка с товаром. Вот попробуйте, — сказал один из торговцев, протягивая старцу маленькую баночку с мёдом.

Отец Савва попробовал немного. Мёд и в самом деле был хорош. Ведь мёд — обычная часть иноческой трапезы.

Вскоре возвратился послушник старца, отец Иларион. Вместе с торговцами он пошёл к лодке и, рассчитавшись, возвратился с большой банкой мёда. Однако лишь только монахи открыли её, обнаружился обман. Вместо мёда в банке был густой невкусный сироп.

Между тем торговцы, приближаясь к своей лодке, радовались тому, как ловко им удалось обвести вокруг пальца монахов.

— Ловко же мы их провели! Поторапливайся! — сказал один из них. — Теперь надо удирать, а не то они поймут, в чём дело, и бросятся за нами вдогонку!

Оба ускорили шаг.

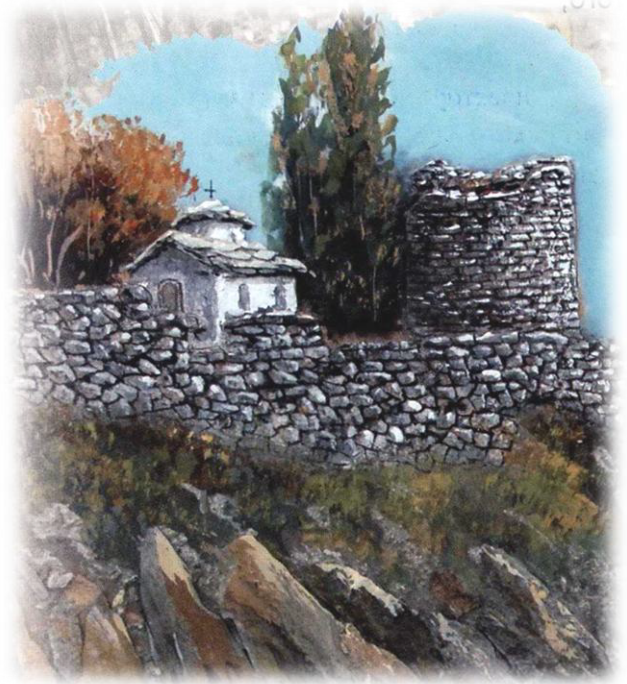
Наверху в каливе отец Савва даже не показал виду, когда открылось мошенничество.

Любовь к людям и мир царили в его душе. Вид у него был спокойный

— Сын мой, пойдём в церковь, — сказал он отцу Илариону. — Нам нужно помолиться о душах этих двух, чтобы Господь не вменил им содеянное во грех. Давай совершим молитву.

— Да будет на всё воля Божия. Пойдёмте, отче, — согласился послушник.

Войдя в свою маленькую церковь, оба монаха встали на колени перед иконой Спасителя и начали молиться.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй торговцев и укажи им правильный путь», — началась молитва, и бусины четок заскользили вниз.

Торговцы торопились, но не учли, какой силой обладает молитва. Младший взялся уже отвязывать лодку, но... канат вдруг лопнул!

— Да что это такое?! — закричали оба в один голос.

— Совсем новый канат — и на тебе!

Прежде чем они успели опомниться, сильный ветер унёс лодку в море.

— Скорее, лодка уплывает! В море, быстрее, догоняй! — закричали оба и прыгнули в море. Еле-еле доплыв, они ухватились за борт и, стараясь удержаться на плаву, полезли в лодку. Лодка легко накренилась, но тут же внезапная сильная волна обрушилась на борт с другой стороны. Банки опрокинулись, мёд потёк по дну.

— Беда! Пропал товар! — заголосили оба, забравшись наконец в посудину.

— Я тебе ещё кое-что скажу, что тебя совсем не обрадует, — сказал тот, что хранил при себе вырубку.

— Ну, что там ещё? — спросил компаньон, пытаясь удержаться на ногах. Лодка раскачивалась как качели, по дну ездил банки и расплывались медовые пятна.

— Когда отец Савва заплатил мне за мёд, деньги я положил не в карман брюк, как обычно, а в карман рубашки. И когда я полез в лодку — они выпали.

— Ясно, — сказал раздражённо второй. — И деньги потеряли, и мёд весь вытек.

Через какое-то время их настигла другая неожиданность. В то время, как наверху царила тишина, вокруг лодки внезапно поднялся вихрь. Судёнышко, то и дело оказываясь на гребне волны, вот-вот готово было перевернуться. Торговцы управляли им с горем пополам. А ветер не только не унимался, но делался всё сильнее. Лодку бросало из стороны в сторону и, наконец, понесло на утёс.

— Осторожно, скалы! — закричал что есть мочи тот, кто придерживал последние уцелевшие банки. — Держи курс!

— Не могу! Не получается! — слышался голос того, кто был на вёслах.

— Вытащи из воды одно весло и попытайся упереться им в скалу, чтобы оттолкнуть лодку!

Гребец встал, почувствовал, что прочно держится на ногах, и упёрся одним веслом в скалу, пытаясь оттолкнуться. Однако весло застряло в расщелине утёса и не выходило оттуда, как бедняга ни пытался вырвать его.

— Что за напасть такая преследует нас сегодня, всё наперекосяк! — не понимали торговцы.

Когда накатила следующая волна, лодка, вместо того, чтобы разбиться о скалы, задержалась, словно чья-то невидимая рука ослабила весло, опустила его в воду и отогнала судно назад. Лодка то взмывала вверх, то опускалась. Торговцы уже было подумали, что всё пропало и им конец.

— Пресвятая Богородица, спаси нас! — закричал один в отчаянии.

— Да, — отозвался второй, — только недавно мы обманули монахов, а теперь просим помощи у Богородицы, да не где-нибудь, а в Её Вертограде.

Лодка всё раскачивалась. Её то швыряло прямо к скалам, то оттаскивало назад.

— Знаешь, что я заметил? — сказал гребец, пытаясь кое-как обходиться одним веслом. — Только волна поднимается, чтобы разбить лодку о скалы, — и сразу же другая волна сносит её назад. Что-то здесь не так! Столько лет мы ходим в море, но такого странного шторма я не видал ни разу, честное слово!

— Да, ты прав, — ответил его помощник. — Сдаётся мне теперь — это всё потому, что мы согрешили.

— Если бы у меня было второе весло, — сказал гребец, — мы могли бы вернуться обратно, чтобы попросить прощения у монахов...

— Если было бы весло — то да, пожалуй... С Божией помощью, конечно, — добавил второй, — потому что волны не шутят.

На верху в маленькой церкви двое монахов окончили молитву. Не прошло и получаса, как они склонились перед иконой Спасителя. Горячая молитва, полная любви к людям, дошла до Господа.

Внизу, в море, буря стихла так же внезапно, как и поднялась. Волны улеглись, море успокоилось, и судно обрело устойчивость.

— Слава Богу! — сказали оба торговца в один голос, перекрестившись.

— А вот и второе весло! — радостно закричал один. — Я прыгну в море и достану его!

— Не надо, — остановил его второй. — Не видишь — течение и так несёт его к нам.

— Вижу, уже вижу! Да и дно показалось. Наверняка и деньги найдутся.

Какое-то время спустя двое торговцев, полные раскаяния, держа в руках банку с настоящим мёдом, поднимались в каливу монахов.

— Отче, мы хотим исповедоваться и рассказать вам, что за диво с нами произошло в море.

Оба склонили низко головы и горячо покаялись.

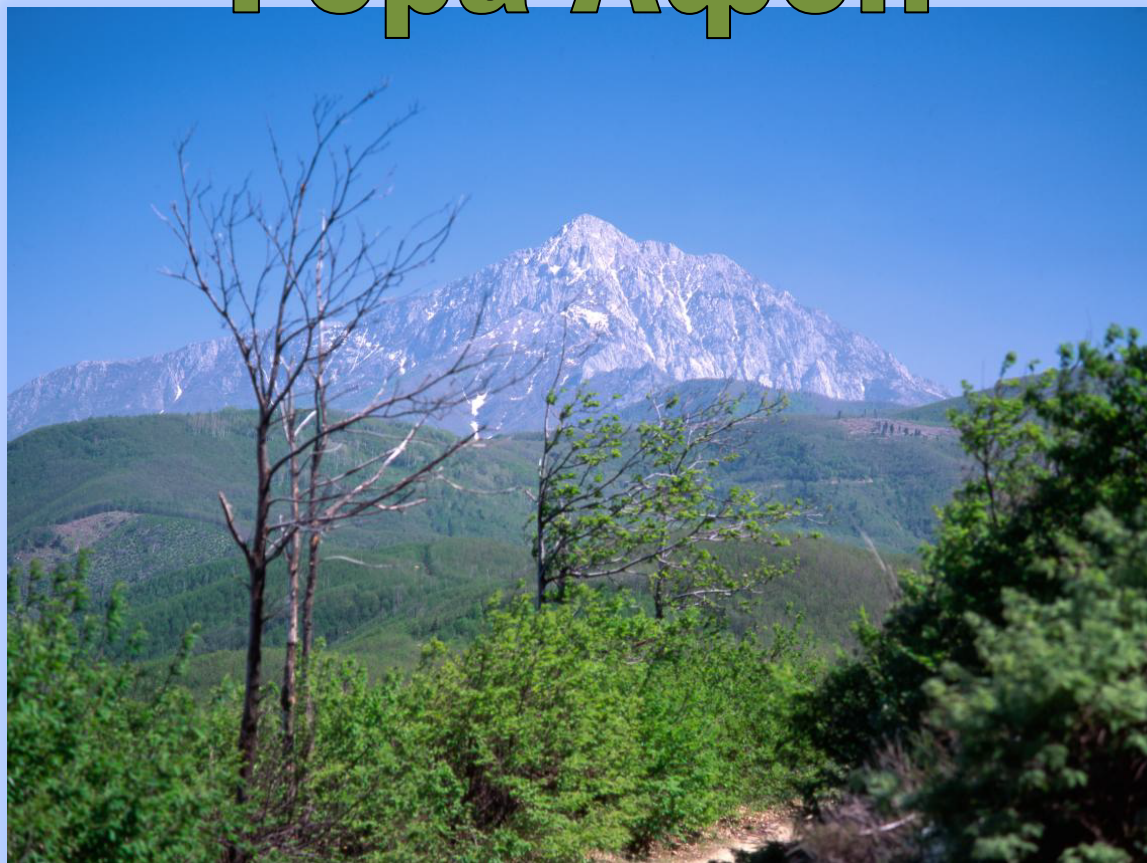
Любовь старца и чудо, которое явил Господь, открыли им глаза.

С тех пор торговцы больше никогда не мошенничали.

**Святитель Филарет (Гумилевский),
архиепископ Черниговский**

Гора Афон

*Гора Афон, Гора святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земнаго рая,
И под тобой шумящих вод.*

*Я не видал твоей вершины,
Как шпиль твой впился в облака,
Какия на тебе картины,
Каков твой вид издалека.*

*Я не видал, Гора святая,
Твоих стремнин, отвесных скал,
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал.*

*Я рисовать тебя не смею,
Об этих чудных красотах
Сложить я песню не умею:
Она замрет в моих устах.*

*Одно, одно лишь знаю верно
Я о тебе, Гора чудес,
Что ты таинственна, безмерна
И недалеко от небес.*

*Я знаю, кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты:
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица горней высоты, —*

*Царица, дивная Царица
Народов всех и всех племен;
Она, Царя Христа денница,
Разрушила твой темный плен.*

*Сквозь сумрак древности глубокой
Я вижу, грешный, как теперь:
Корабль несется одинокий,
На нем царя пророка*

*Дщерь; Несется он из Палестины,
На остров Кипр его полет;
Вдруг — ветер, волнуются пучины,
Корабль к Афону пристает.*

*На вопль кумиров Апполона
Спешат Марию все встречать,
И узнают толпы Афона
В ней Бога истинного Мать...*

*"Сия гора, — рекла Царица, —
Да будет жребием Моим;
Отсель прострет Моя десница
Всегдашний кров над местом сим.*

*Здесь благодать польется чудно
И милость Сына Моего;
Для жизни сей найдут нетрудно
Достаток нужного всего;*

*А там тебе, Афонский житель,
Слуга Мой верный, раб Христов,
Готова райская обитель,
Награда веры и трудов.*

*Сего Я места не забуду,
Всегда заступница ему,
О нем ходатайствовать буду
Во веки Сыну Моему".*

Икона Богородицы Игуменя Горы Афонской

*Обет Царицы сладкозвучный
Сбылся и зрится в чудесах:
Она с Афоном неразлучна;
Афон всегда в ее очах.*

*И лик Свой там Она являет,
Беседует к рабам Своим;
Сама судьбой их управляет
И бдит над бытом их земным.*

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ на ИЮНЬ 2016 г.

Седмица 5-я по Пасхе

Среда 1 июня

Отдание праздника

Преполовления Пятидесятницы.

Блгв. вел. кн. Димитрия

Донского (1389)

и вел. кн. Евдокии, в инокинях

Евфросинии (1407).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Четверг 2 июня

17.00 Всенощное бдение с чтением

акафиста Пресвятой Богородице

Пятница 3 июня

Владимирской иконы Божией

Матери.

Равноап. царя Константина

(337) и матери его

царицы Елены (327).

8.00 Исповедь

9.00 Божественная Литургия

Суббота 4 июня

Мч. Василиска (ок. 308).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

17.00 Всенощное бдение, по

окончании – исповедь

Воскресенье 5 июня

Неделя 6-я по Пасхе, о слепом.

Обретение мощей

свт. Леонтия, еп. Ростовского

(1164).

Прп. Евфросинии, игуменши

Полоцкой (1173).

9.00 Исповедь

10.00 Божественная Литургия

Седмица 6-я по Пасхе

Вторник 7 июня

Третье обретение главы

Предтечи и Крестителя

Господня Иоанна (ок. 850).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Среда 8 июня

Отдание праздника Пасхи.

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

17.00 Всенощное бдение, по

окончании – исповедь

Четверг 9 июня

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

8.00 Исповедь

9.00 Божественная Литургия

Пятница 10 июня

17.00 Всенощное бдение с чтением

акафиста Пресвятой Богородице

Суббота 11 июня

Иконы Божией Матери

"Споручница грешных".

Свт. Луки исп., архиеп.

Симферопольского (1961).

8.00 Исповедь

9.00 Божественная Литургия

17.00 Всенощное бдение, по

окончании – исповедь

Воскресенье 12 июня

Неделя 7-я по Пасхе, святых

отцов I Вселенского Собора

(325).

9.00 Исповедь

10.00 Божественная Литургия

Седмица 7-я по Пасхе

Вторник 14 июня

Прав. Иоанна Кронштадтского

(прославл.1990).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Пятница 17 июня

Отдание праздника Вознесения

Господня.

Свт. Митрофана, патриарха

Константинопольского

(ок.326). Прп. Мефодия,

игумена Пешиношского (1392).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

17.00 ПАРАСТАС /Поминование

усопших/

Суббота 18 июня

ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ

СУББОТА.

ПОМИНОВАНИЕ УСОПШИХ

9.00 Божественная Литургия,

по окончании – ПАНИХИДА

17.00 Всенощное бдение,

по окончании – исповедь

Воскресенье 19 июня

ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ.

ПЯТИДЕСЯТНИЦА.

9.00 Исповедь

10.00 Божественная Литургия, по

окончании – Великая Вечерня

с чтением коленопреклоненных

молитв

Седмица 1-я по Пятидесятнице

(сплошная)

Понедельник 20 июня

ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Вторник 21 июня

17.00 Всенощное бдение

Среда 22 июня

Прп. Александра, игумена

Куштского (1439).

Свт. Кирилла, архиеп.

Александрийского (444).

Прав. Алексия Московского (1923)

8.00 Исповедь

9.00 Божественная Литургия

Пятница 24 июня

Апостолов Варфоломея и

Варнавы (I).

Иконы Божией Матери,

именуемой "Достоинство есть"

/"Милующая"/.

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Суббота 25 июня

Отдание праздника

Пятидесятницы.

Прп. Онуфрия Великого (IV).

Прп. Петра Афонского (734).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

17.00 Всенощное бдение,

по окончании – исповедь

Воскресенье 26 июня

Неделя 1-я по

Пятидесятнице, Всех

святых.

Заговенье на Петров пост

9.00 Исповедь

10.00 Божественная Литургия

Седмица 2-я по

Пятидесятнице

Вторник 28 июня

Свт. Ионы, митрополита

Московского и всея России,

чудотворца (1461).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Пятница 1 июля

Боголюбской иконы Божией

Матери (1157).

Прп. Варлаама Хутынского

(1192).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

Суббота 2 июля

Апостола Иуды, брата

Господня (ок. 80).

Свт. Иова, патриарха

Московского и всея России.

Свт. Иоанна Максимовича,

архиеп. Шанхайского и Сан-

Францисского (1966).

8.00 Утренняя, на часах – исповедь

Божественная Литургия

17.00 Всенощное бдение, по

окончании – исповедь

Воскресенье 3 июля

Неделя 2-я по Пятидесятнице,

Всех святых,

в земле Русской просиявших.

9.00 Исповедь

10.00 Божественная Литургия

Настоятель храма протоиерей

Александр Туриков

